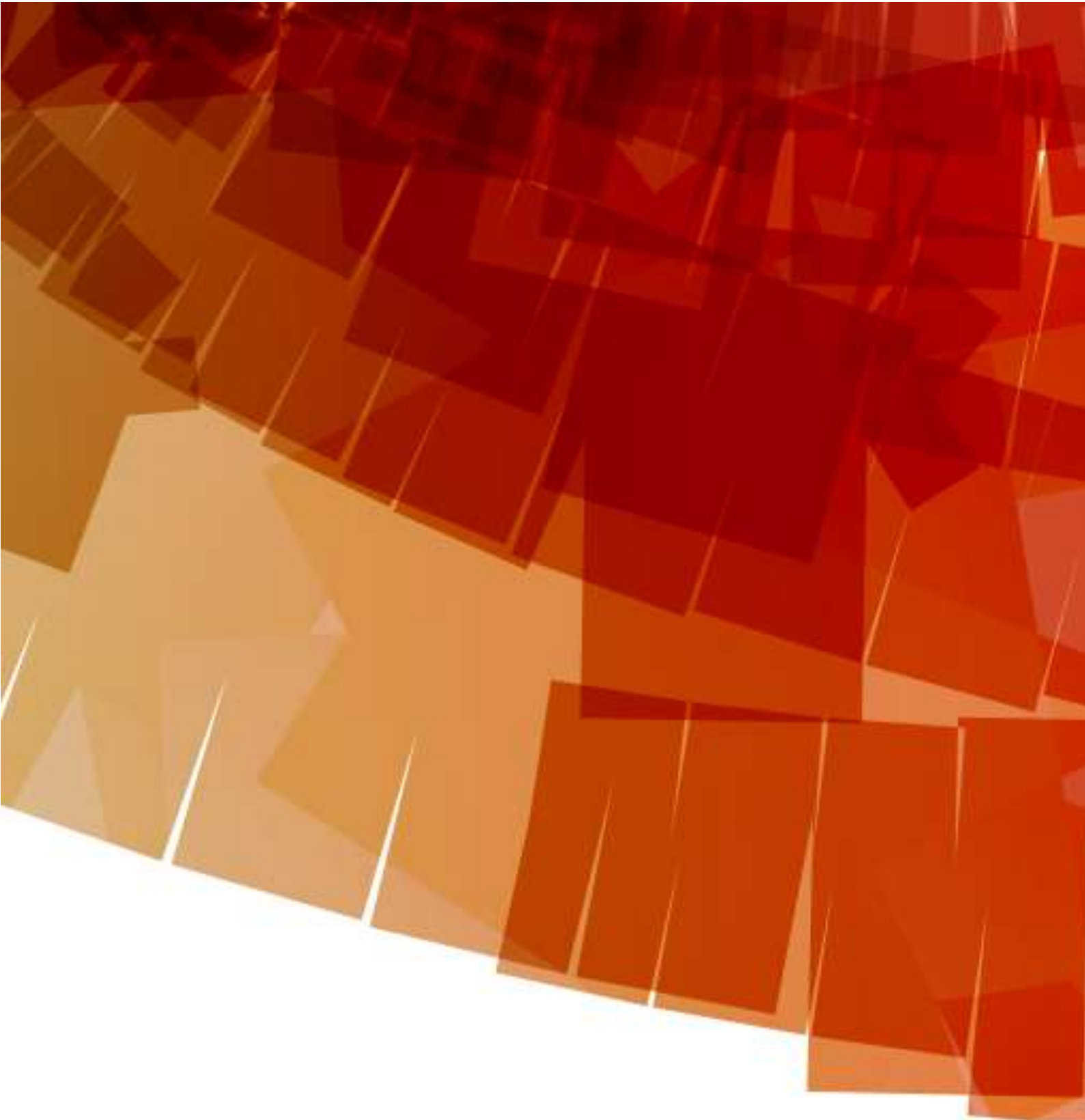

ПРАКСИОЛОГИЯ

16+

«Праксиология»

«Praxeology»

Редакционный совет / Editorial Board:

Суровцева Екатерина Владимировна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Главный редактор

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University, Editor-in-Chief

Ананченкова Полина Игоревна, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения Национального НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко

Ananchenkova Polina Igorevna, Candidate of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Economics and Sociology of Health at the National Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko

Афанасьев Максим Владимирович кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева;

Afanasyev Maxim Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, Lebedev Russian State University of Justice;

Бочкарева Екатерина Дмитриевна, кандидат педагогических наук, Московский государственный институт культуры;

Bochkareva Ekaterina Dmitrievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Moscow State Institute of Culture;

Журавлева Евгения Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева

Zhuravleva Evgeniya Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, D.I. Mendeleev Russian University of Chemical Technology

Кудринская Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет

Kudrinskaya Irina Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University

Куницына Светлана Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, научный сотрудник, Военный университет им. князя Александра Невского;

Kunitsyna Svetlana Mikhailovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Researcher, Prince Alexander Nevsky Military University;

Лукина Анастасия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, начальник департамента психологии, Московский городской педагогический университет;

Lukina Anastasia Sergeevna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology, Moscow City Pedagogical University;

Неверов Александр Викторович, кандидат социологических наук,

доцент, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы;

Neverov Alexander Viktorovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

Резаков Максим Равильевич, кандидат политических наук, доцент Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева;

Rezakov Maxim Ravilevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;

Сухонос Александр Петрович, кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет

Sukhonosov Alexander Petrovich, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University

Трушкова Светлана Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет;

Trushkova Svetlana Viktorovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow Automobile and Road Engineering State Technical University;

Чурин Владимир Владимирович, кандидат философских наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ.

Churin Vladimir Vladimirovich, PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

1. ВАН СИНЬЮЙ. СТАНОВЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ФОРТЕПИАННОЙ ШКОЛЫ В КИТАЕ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	6
2. ПОДОПРИГОРА Т.С., ГОРЧАНЮК Ю.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА К ПОДАЧЕ В ВОЛЕЙБОЛЕ: ПРОСТЫЕ ТЕХНИКИ СНИЖЕНИЯ ТРЕВОЖНОСТИ У ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ.11	
3. ФАНЬ ЮЙ. ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ФОРМЫ К СТРУКТУРНОМУ АНАЛИЗУ СОНАТНОЙ ФОРМЫ В СИМФОНИЯХ ВЕНСКИХ КЛАССИКОВ.....	16
4. БАЮРСКИЙ А.А. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ АНГАЖИРОВАННОСТЬ В РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ: ПОНЯТИЕ, ГЕНЕЗИС, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРТНЫЕ АСПЕКТЫ	21
5. КИДЯМКИН А.А. ИДЕИ МИРА, ВОЙНЫ, ПАТРИОТИЗМА И ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА XIX-XX СТОЛЕТИЙ27	
6. НИКИТИНСКАЯ Л.В., ШИГАБУТДИНОВА М.Э. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРСОНИФИКАЦИИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ЗАГАДКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСИ “EXETER BOOK”)	31
7. АНЧУКОВА Н.И. ВИКТИМНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ..	38
8. ВАФИН Р.Р. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДОЗВОЛЕННОСТИ РАЗВЛЕЧЕНИЙ В ИСЛАМСКОЙ ТЕОЛОГИИ: ФАКТОРЫ РАСХОЖДЕНИЙ.....	43
9. ТОЛСТИКОВА А.А. ОСОБЕННОСТИ РУССКО-ХАКАССКИХ БРАКОВ ПО ДОКУМЕНТАМ ФОНДА АРХИВА ЗАГС..	48
10.САПРОНОВ М.С. ДЕСТРУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ФАКТОР НАРУШЕНИЯ КОМАНДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОМПЬЮТЕРНОМ СПОРТЕ	52
11.СЕРЖАНТОВА М.В., ЧУНИХИНА А.А. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	61

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

12.АГАПОВ Е.А. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	72
--	----

13. АГАПОВ Е.А. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	77
14. ВАСИЛЬЧЕНКО И.А., КУЛЕШ А.С. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.....	81
15. КРЮЧКОВА В.А. УЧАСТНИКИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОВД.....	87
16. ВОЛОХОВ А.О. HR-ИЗМЕРЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ В ПРОЕКТНЫХ КОМПАНИЯХ МАЛОГО БИЗНЕСА: ИНТЕГРАЦИЯ РАБОТЫ СО ЗНАНИЯМИ В СИСТЕМУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ	92
17. ЮСИБОВ Р.Р. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	101
18. ИБРАГИМОВА Э.Ф. ЭВОЛЮЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФАКТИЧЕСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ: ОТ «ПРЕЗУМПЦИИ ВЫГОДОПРИБРЕТАТЕЛЯ» К ГРУППОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЛДИНГОВ	107
19. ФОМИНА К.Ф. СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЛЕНОВ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КООПЕРАТИВА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	112
20. КУВШИНОВ Г.А., КОРОЛЕВА Л.П. ПРЕДПРОВЕРОЧНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРУПНЕЙШЕГО НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА КАК МЕТОД ФИНАНСОВЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ	117
21. ШВЕЦ Н.И., БОТАШЕВА Л.Х. СИСТЕМА ИНДИКАТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАСТРОЙЩИКОВ: ОТРАСЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА И ИНСТРУМЕНТЫ МОНИТОРИНГА.....	124
22. ВЕРИЖНИКОВ Д.В., ИВАНОВ Д.А. ОЦЕНКА И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СТОИМОСТИ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ОРЛА)	129
23. БЕГУН П.Д., СТАРОСТИН В.С. ВЛИЯНИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ В РЕКЛАМНЫХ ВИДЕОРОЛИКАХ НА ВОСПРИЯТИЕ БРЕНДА И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ	137
24. ЧЕРНОБАЙ А.А., ШЕВЧУК И.В. ПРОБЛЕМА «РАЗУМНОГО СРОКА» ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ	142
25. ЛИТВИНЕНКО К.Ю. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА И ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	146
26. МЕДВЕДЕВ В.В. ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ	151
27. ФАТЕЕВА Т.Н., БОБРЫШЕВА А.А. РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ.....	158

28.ПАЛАГИНА Т.М., ТЕЗИНА Е.Е. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ГЕННОЙ ИНЖЕНЕРИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	163
29.ЖДАНОВА Н.С. ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФИНАНСОВОГО ПРАВА В ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОМ КУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ.	171
30.ПАРЦВАНИЯ С.В., СЫРКОВА И.С. ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.	178
31.РУСАНОВА С.Ю., ДРОБАХА В.В. ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	184

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**Ван Синьюй**

аспирант

ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

Wang Xinyu

Postgraduate Student

Moscow State Institute of Culture

СТАНОВЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ФОРТЕПИАННОЙ ШКОЛЫ В КИТАЕ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье, сквозь призму историко-культурного подхода, представлен анализ процесса формирования и развития исполнительской фортепианной школы в Китае в условиях диалога и синтеза двух традиций: европейской музыкальной культуры и многовекового китайского художественного наследия; выделены ключевые этапы исследуемого процесса: ранний период проникновения западной музыки, этап активного институционального становления исполнительского искусства в первой половине XX века, период идеологического влияния и поиска «национальной формы» и современный этап соединения в мировое музыкальное пространство, характеризующимся так называемым феноменом «китайского пианистического бума».

Ключевые слова: музыкальное образование, китайская фортепианная школа, музыкально-исполнительское искусство, исполнительская фортепианная школа.

THE DEVELOPMENT OF A PERFORMING PIANO SCHOOL IN CHINA: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECTS

Abstract. The article, through the prism of a historical and cultural approach, presents an analysis of the process of formation and development of the performing piano school in China in the context of dialogue and synthesis of two traditions: European musical culture and centuries-old Chinese artistic heritage. Key stages of the process under study are highlighted: the early period of penetration of Western music, the stage of active institutional development of the performing arts in the first half of the 20th century, the period of ideological influence and the search for a "national form" and the modern stage of unification into the global musical space, characterized by the so-called phenomenon of the "Chinese piano boom".

Keywords: music education, Chinese piano school, performance, performing arts, performing piano school.

Становление и стремительное развитие исполнительской фортепианной школы в Китае представляет собой уникальный феномен в истории мировой музыкальной культуры, которое нельзя рассматривать как простое заимствование западноевропейских традиций, скорее, как сложный диалог и синтез двух культурных парадигм. С самого начала китайские музыканты и композиторы ориентировались на поиск путей органичного соединения традиций, создавая музыкальные сочинения, используя универсальный язык фортепианного искусства, воплощали национальный менталитет —

пентатоническую мелодику, философско-эстетические концепции, а также образы традиционной поэзии и живописи.

Исторически становление исполнительской фортепианной школы в Китае прошло несколько этапов, на каждом из которых китайские исполнители демонстрировали выдающиеся способности к усвоению и переосмыслению зарубежного музыкально-исполнительского опыта.

Ранний этап (конец 1920-х – 1940-е гг.) характеризовался прямым включением в процесс обучения молодого поколения пианистов европейских, прежде всего российских, педагогических традиций фортепианной школы. Педагоги-основатели, такие как Марио Пачи (итальянский пианист и дирижёр, известный под китайским именем Мэй Байци) и русский пианист и педагог Борис Захаров, заложили технический и интерпретационный фундамент, обучая учеников принципам западноевропейской исполнительской традиции.

Марио Пачи был сторонником «старой школы» и уделял большое внимание технике исполнения, развивая у студентов силу и независимость пальцев через упражнения и этюды [9]. Захаров следовал принципам русской фортепианной школы, уделяя большое внимание технической подготовке. Он использовал есиповское упражнение для пальцев «Га-нон» и этюды Черни для тренировки. В процессе обучения он применял индивидуальный подход, учитывая данные каждого ученика [2].

Методики М. Пачи и Б. Захарова были направлены на выработку у учащихся рациональной техники, безупречного контроля над звуком и архитектурного мышления, который выступают прочным «фундаментом» профессионального уровня. Педагоги прививали студентам глубокое уважение к авторскому замыслу произведения, стилистике и историческому контексту произведения. Такой подход способствовал формированию художественного мышления, минимизируя риски (недостатка профессионального мастерства) и чрезмерного субъективизма. Они стремились воспитать не просто виртуозов, а музыкантов-интеллектуалов — художников широкого кругозора, способных к глубокому осмыслению исполняемого материала. Этот принцип впоследствии лёг в основу методики китайской пианистической школы, став впоследствии ее отличительной чертой.

Адаптация к китайской культуре наиболее ярко проявилась в сфере композиторского творчества и в формировании уникальной педагогической системы, синтезировавшей европейскую методологию с китайскими культурными особенностями [1]. В искусстве композиции это выразилось в произведениях, сочетающих западноевропейскую стилистику с китайскими мелодиями и темами (как в работах композиторов «Шанхайской шестёрки»).

В педагогических принципах данный синтез воплотился в соединении исполнительских принципов европейской школы с присущими китайской культуре дисциплиной, трудолюбием, особым вниманием к техническому совершенству и коллективной форме обучения.

После образования КНР в 1949 году начался период активного сотрудничества с Советским Союзом. В Китай были приглашены выдающиеся педагоги, такие как Генрих Нейгауз (педагог Святослава Рихтера и Эмиля Гилельса) и Татьяна Кравченко. Работа этих педагогов закрепила принципы русской фортепианной школы: масштабность художественного мышления, глубину звукоизвлечения, внимание к архитектонике формы. В то же время десятки талантливых китайских студентов (среди которых были Фу Цун, Лю Шикунь, Ин Чэнцзун) были приглашены в Московскую и Ленинградскую консерватории с целью их дальнейшего обучения.

Одновременно началось активное формирование национального репертуара, где фортепианная фактура адаптировала мелодику, ладовость (пентатонику) и тембровые эффекты традиционных китайских инструментов [3]. Например, авторы облекали популярные народные песни ханьцев и малых народностей в форму классических фортепианных миниатюр (как в произведениях Ван Цзяньчжуна «Цветы сливы в лунную ночь» или Хуан Цзы «Веселье»). Они кардинально меняли звуковую палитру

инструмента, воссоздавая характерные тембры и эффекты народной музыки с помощью специфических фортепианных приёмов. Для этого композиторы активно использовали пентатонные лады и национальные гармонии, переосмысливая привычные европейские формы. Кроме того, они разрабатывали особые технические приёмы для имитации на фортепиано звучания традиционных китайских инструментов, таких как гуцинъ (семиструнная цитра), пипа (лютня), эрху (смычковый инструмент) или даже бамбуковой флейты [1].

Данный период ознаменовался созданием системы многоуровневого государственного музыкального образования (спецшколы – училища – консерватории), что привело к первым триумфам на международной арене, таким как победа Лю Шикуня на II Международном конкурсе имени П.И. Чайковского в 1958 году. Исполнитель, которому было всего 19 лет, занял второе место, что стало высшей наградой, когда-либо полученной Китаем на международном конкурсе пианистов на тот момент времени [5].

В годы Культурной революции (1966–1976) система образования Китая, в том числе музыкального, пережила глубокий кризис. Это выразилось в закрытии консерваторий и музыкальных школ, запрете на изучение классического и западного репертуара как «буржуазного», а также в репрессиях в отношении преподавателей и видных музыкантов. Однако, вопреки внешним ограничениям, музыкальная деятельность в стране не была парализована полностью [7].

Фортепиано использовалось для аккомпанемента «образцовым произведениям» (яньбаньси), что позволяло сохранять пианистам технические навыки. Создавались идеологически выверенные произведения, которые могли исполняться, если трактовались в «правильном» ключе, например, такие как «Желтый речной концерт» Инь Чэнцзуна, который, несмотря на политический контекст, стал ярким примером синтеза старого и нового времени [6].

Появлялись масштабные произведения на революционные темы, например, концерт для фортепиано с оркестром «Хуанхэ» (или «Желтая река»), аранжированный пианистом Инь Чэнцзуном в сотрудничестве с композиторами Чу Ванхуа, Лю Чжуаном и Шэн Лихуном. Хотя его первоначальная версия появилась раньше, в 1969 году он был переработан в соответствии с духом времени. Эти сочинения предъявляли высокие требования к виртуозной технике исполнителей, что способствовало поддержанию пианистами профессиональной формы.

Более того, именно в этот период в Китае начала формироваться самобытная школа фортепианного исполнительства. Данная школа, блестяще развившая технический аспект и воспитавшая плеяду выдающихся виртуозов (таких как Ли Юйди, Лю Шикунь, а позднее — Ин Чэнцзун), иногда подвергалась критике за определённую жёсткость трактовок, недостаточное внимание к стилистическому разнообразию, тонкой звукописи и интеллектуальной глубине, необходимым для интерпретации музыки барокко, венского классицизма или французского импрессионизма. Однако её несомненные технические достижения сформировали прочный фундамент для обучения следующего поколения китайских пианистов. После начала политики реформ и открытости, получив доступ к мировому репертуару, они смогли завоевать ведущие мировые сцены, успешно сочетая эту техническую мощь с более широким художественным кругозором.

Середина и вторая половина XX века стали периодом стремительного расцвета фортепианного искусства в Китае. Его становление было ознаменовано созданием «Марша мира» Чжао Юаньжэня, произведения, заложившего основы национальной фортепианной музыки. Профессионализация обучения началась с открытия соответствующих программ в Пекинской и Шанхайской консерваториях, после чего фортепианные отделения стали создаваться в других учебных заведениях, что ознаменовало переход к системному профессиональному образованию.

В период от основания КНР до начала Культурной революции было опубликовано свыше 360 фортепианных сочинений. Среди них были как произведения, глубоко укоренённые в национальной традиции (например, «Синьцзянский танец» Дин Шаньдэ и «Сезонные стихи родного города» Цзян Вэнье), так и работы, наполненные духом новой эпохи, такие как «Небо освобождённого края» и «Дни освобождения».

С открытием границ начался новый этап глобальной интеграции - китайские исполнители получили право выступать на международных конкурсах, возродились и укрепились консерватории, была создана разветвленная система детского музыкального образования [4].

Страна стала настоящим «экспортёром» талантов, подарив миру своих звёзд первой величины — пианистов Ланг Ланга, Ли Юньди и Ван Юйцзя. Их исполнительский стиль сложился как уникальный синтез двух культур: он объединил безупречную, отточенную технику, унаследованную от русской и советской фортепианной школы, с утончённой звуковой эстетикой, корни которой уходят в традиционную китайскую художественную культуру [8]. Впоследствии этот стиль не только укрепился, но и обрёл ярко выраженные национальные черты, став узнаваемым явлением на мировой сцене.

Проведенный в работе культурологический анализ показал, что в основе феноменальных успехов китайских пианистов лежит органичное соединение нескольких факторов. С одной стороны, это многовековые конфуцианские традиции, основывавшиеся на дисциплине, усердии, уважении к учителю и стремлении к совершенству, которые легли в основу развития исполнительского искусства. С другой — богатейшее национальное музыкальное наследие, которое не только обогатило репертуар, но и сформировало особый звукоидеал и тембровое мышление музыкантов. Результатом этого синтеза стало формирование узнаваемой на мировой сцене китайской исполнительской школы, отличительными чертами которой являются виртуозная техническая оснащённость, безупречная дисциплина, структурная ясность интерпретации и глубокая, сдержанная эмоциональность, отражающая особенности национального мировосприятия.

Литература:

1. Самвелян Т.Э. Интеграция западных и национальных традиций в методике преподавания игры на фортепиано в музыкальном образовании Китая // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 4-1. С. 689-697.
2. Хуан Пин. Борис Захаров (1888 1943) и его роль в становлении китайской фортепианной школы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. №74. С. 527-531.
3. Хуан Пин. Влияние русского фортепианного искусства на формирование и развитие китайской пианистической школы. СПб.: Астерион, 2009. 158 с.
4. Цзыцзюня Д. История фортепианного исполнительского искусства в Китае // Научный аспект. 2024. №2. URL: <https://na-journal.ru/2-2024-kultura-iskusstvo/8924-istoriya-fortepiannogo-ispolnitelskogo-iskusstva-v-kitae>
5. Цинь Цинь. Лю Шикунь, Чжоу Гуанжэнь и У Цзунцян: три лика современного музыкального искусства Китая: к проблеме универсализма творческой личности: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.02 / Цинь Цинь; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. Санкт-Петербург, 2013. 165 с.
6. Цю Нин. Роль творчества Инь Чэнцзуня в развитии китайского фортепианного искусства // Современное педагогическое образование. 2022. № 1. С. 103-109.
7. Ajzenshtadt S. A., Lingmin Ding. Chinese piano art during the Cultural Revolution: A history of study in Russia // Manuscript. 2024. Vol. 17. Is. 4. Pp. 665-672.

8. Li H. Research on the development of piano performance teaching in China // BCP Social Sciences & Humanities. 2022. №19. Pp. 413-423.

9. Mario Paci: An Italian Maestro in China. URL: <https://exhibits.stanford.edu/paci>

Подопригора Т.С.

студент

факультет государственного и муниципального управления
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

e-mail: reloge228@mail.ru

Горчанюк Ю.А.

кандидат педагогических наук, преподаватель физической культуры
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

e-mail: gorchan.pl@gmail.com

Podoprigora T.S.

Student

Faculty of State and Municipal Administration
South-Russian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Gorchanyuk Yu.A.

Candidate of Pedagogical Sciences, Physical Education Teacher
South-Russian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА К ПОДАЧЕ В ВОЛЕЙБОЛЕ: ПРОСТЫЕ ТЕХНИКИ СНИЖЕНИЯ ТРЕВОЖНОСТИ У ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ

Аннотация. В работе рассматривается проблема психологической неустойчивости юных волейболистов (12-16 лет) при выполнении подачи. Цель – систематизировать простые техники психорегуляции, применимые в игровых условиях. На основе анализа литературы выделены три ключевых направления: формирование предподачевого ритуала, использование диафрагмального дыхания и методов концентрации внимания. Представлены пошаговые инструкции по внедрению и отработке этих техник в тренировочном процессе. Практическая значимость работы – в предоставлении доступного инструментария для повышения надежности подачи и психической устойчивости юных спортсменов.

Ключевые слова: волейбол, юные спортсмены, подача, психологическая подготовка, спортивная тревожность, ритуал, дыхательные техники, концентрация внимания, психологическая устойчивость, методика тренировки.

PSYCHOLOGICAL TRAINING FOR THE VOLLEYBALL SERVE: SIMPLE ANXIETY- REDUCTION TECHNIQUES FOR YOUTH ATHLETES

Abstract. The paper addresses the issue of psychological instability in young volleyball players (12-16 years old) during the serve. The aim is to systematize simple psychoregulation techniques applicable directly in game conditions. Based on the analysis of literature, three key areas are identified: the development of a pre-serve ritual to create a sense of control and stability, the use of diaphragmatic breathing techniques for immediate reduction of physiological arousal, and the application of focused attention methods to block distracting factors.

Step-by-step instructions for coaches and athletes on integrating these techniques into the training process are provided. The practical significance of the work lies in offering an accessible toolkit for improving serve reliability and the overall mental resilience of young athletes.

Keywords: volleyball, junior athletes, serve, mental training, competitive anxiety, ritual, breathing techniques, concentration, mental toughness, training methodology.

В современном волейболе, особенно в юношеском спорте, подача эволюционировала из просто средства введения мяча в игру в мощное атакующее оружие и, одновременно, в источник значительного психологического стресса для выполняющего ее игрока. В отличие от других элементов, подача выполняется в условиях полной автономии и временного паузы, что предоставляет спортсмену пространство для размышлений, зачастую деструктивных. Статистические данные показывают, что в возрастных группах 12-16 лет процент ошибок на подаче в решающих партиях или при равном счете может возрастать на 25-40% по сравнению со спокойными игровыми отрезками [1,288]. Это свидетельствует о прямой связи между ситуативной тревожностью и эффективностью моторного навыка.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что традиционный тренировочный процесс юных волейболистов зачастую сфокусирован на физической и технико-тактической подготовке, в то время как психологический компонент носит стихийный или декларативный характер. Однако именно в подростковом возрасте, на этапе начальной спортивной специализации, закладываются не только технические, но и психологические паттерны поведения в стрессовых ситуациях. Несформированные механизмы саморегуляции приводят к известному феномену «зажима»: тревожные мысли («не выбей», «не подай в аут») провоцируют мышечное напряжение, что напрямую нарушает биомеханику сложно-координированного движения подачи, ведет к потере контроля над траекторией и силой удара.

Таким образом, существует противоречие между необходимостью формирования психологической устойчивости при выполнении подачи у юных волейболистов и недостатком конкретных, адаптированных к их возрасту и условиям игры методик, которые могли бы быть легко интегрированы в стандартную тренировку.

Цель исследования – разработать и теоретически обосновать комплекс простых практико-ориентированных техник психологической подготовки к подаче, направленных на снижение тревожности у волейболистов 12-16 лет.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- Проанализировать психофизиологические механизмы возникновения тревожности при выполнении подачи в волейболе.
- Обосновать выбор трех ключевых инструментов психорегуляции: предподачевого ритуала, дыхательной техники и методов концентрации внимания.
- Представить конкретные пошаговые инструкции по формированию и применению каждого из инструментов.
- Описать поэтапную методику внедрения и отработки данных техник в тренировочный процесс юных волейболистов.

Подача в волейболе представляет собой классический пример «закрытого» навыка, выполняемого в предсказуемой, статичной обстановке, но под влиянием открытых, непредсказуемых факторов соревновательного стресса. Согласно теории стресса в спорте, ситуативная тревожность перед выполнением такого элемента имеет два взаимосвязанных компонента: когнитивный (беспокойство, страх неудачи, негативные мысли) и соматический (учащенное сердцебиение, мышечная скованность, тремор) [2,352].

С нейрофизиологической точки зрения, стрессовая реакция активирует симпатическую нервную систему, запуская режим «бей или беги». Для точного двигательного навыка, каким является подача, это состояние контрпродуктивно, так как избыток адреналина и мышечный гипертонус нарушают тонкую координацию. Задача психологической подготовки – сместить баланс в сторону парасимпатической системы, отвечающей за расслабление и восстановление.

Ритуал в данном контексте выступает как когнитивно-поведенческий инструмент. Его эффективность основана на принципе условного рефлекса и создании «иллюзии контроля». Повторяющаяся последовательность действий перед элементом (а) переключает внимание с тревожных мыслей о результате на рутинный процесс, (б) создает чувство стабильности и знакомости в любой, даже враждебной, игровой обстановке, (в) служит психологическим «якорем», запуская подготовленный моторный паттерн [3,210].

Дыхание является наиболее прямым и быстрым каналом влияния на физиологическое состояние. Диафрагмальное (брюшное) дыхание стимулирует блуждающий нерв, что приводит к снижению частоты сердечных сокращений и артериального давления, вызывая естественную релаксацию. Это биологически встроенный механизм самоуспокоения, не требующий специального оборудования и доступный в любой момент.

Концентрация внимания – ключевой навык в условиях отвлекающих факторов (шум трибун, давление счета, поведение соперника). Проблема юных спортсменов часто заключается в непроизвольном сужении внимания на внутренних переживаниях или, наоборот, в его распылении на внешние раздражители. Задача – научить целенаправленно фокусировать внимание на релевантной для выполнения навыка внешней или внутренней сие (подсказке), блокируя всю остальную информацию. В спортивной психологии это называется «оперативной точкой внимания» [4,352].

Разработка индивидуального предподачевого ритуала. Цель ритуала – создать стабильный «мостик» между получением мяча и началом выполнения технического действия, вытеснив период неопределенности. Алгоритм создания:

- Стартовый сигнал: тактильный сигнал для «включения» (например, поправить наколенник, коснуться определенной части майки). Это действие знаменует конец внешней суеты и начало личного подготовительного времени.
- Сенсорная активация: 2-3 удара мячом об пол. Задача – почувствовать вес и упругость мяча, сместить фокус на тактильные ощущения.
- Дыхательный цикл: выполнение одного глубокого диафрагмального вдоха и выдоха (техника описана ниже). Физиологическая коррекция состояния.
- Визуальная фиксация/мысленная установка: короткий взгляд на целевую зону подачи или мысленное проговаривание тактической задачи («сильный, низкий», «в линию»).
- Исходное положение: принятие устойчивой, привычной стойки для подачи. Это финальная точка ритуала, после которой следует автоматическое начало двигательного действия.

Критерии эффективного ритуала: краткость (6-12 секунд), простота, воспроизводимость в условиях любого зала и шума, соответствие правилам игры.

Техника «тактического дыхания 4-7-8», адаптированная из релаксационных практик, служит для быстрого снижения физиологического возбуждения. Физиологическое обоснование: удлиненный выдох активирует парасимпатическую нервную систему. Пауза после вдоха повышает насыщение крови кислородом.

Пошаговая инструкция (можно выполнять с закрытыми глазами на этапе обучения):

- Спокойно выдохните через рот.

- Медленно вдохните через нос на 4 счета, чувствуя, как воздух наполняет живот (живот выпячивается).

- Задержите дыхание на 7 счетов.

- Медленно и равномерно выдохните через слегка сомкнутые губы (как будто свистите) на 8 счетов.

Момент применения в ритуале: между «сенсорной активацией» и «визуальной фиксацией». Является стержневым, физиологически разряжающим элементом всего предподачевого комплекса.

Приемы сужения фокуса концентрации направлены на управление вниманием в последние секунды перед выполнением:

- «Точечная мишень»: вместо зоны 1х1 метр, выбрать конкретную микро-цель: темный квадрат сетки, антенна, логотип на руке принимающего. Взгляд фиксируется на этой точке на протяжении всего замаха и удара. Это сужает поле внимания до минимума, исключая периферические помехи.

- Ключевое слово-триггер: подобрать одно короткое слово, связанное с идеальным исполнением. Для силовой подачи – «РВАНУЛ», для плавающей – «ТОЧНОСТЬ», для прыжковой – «ВВЕРХ». Мысленное или шепотное проговаривание этого слова в момент подбрасывания мяча программирует ЦНС на нужное движение.

- Тактическая мантра: фраза, определяющая не результат, а качество действия. Например: «Мяч через сетку», «Плавный удар», «Высокий подброс». Эта установка смещает цель с «не промахнуться» (избегание неудачи) на «правильно выполнить» (достижение успеха), что психологически более продуктивно.

Методика внедрения в тренировочный процесс: интеграция психотехник должна быть системной и поэтапной, занимая 5-7 минут ежедневной тренировки.

Этап 1. Ознакомление и освоение в состоянии покоя (1-2 недели):

- Вне зала: объяснение теории, значение каждого приема. Отработка дыхания 4-7-8 сидя в удобной позе. Совместное с тренером составление индивидуального ритуала на бумаге.

- В зале (без мяча, в конце разминки): спортсмены выстраиваются на лицевой линии и мысленно, с реальными движениями, отрабатывают свой ритуал 5-7 раз подряд, включая дыхание и визуализацию.

Этап 2. Отработка в тренировочных условиях (2-3 недели):

- Индивидуальные подачи: при отработке подачи в основной части тренировки тренер дает установку: «Каждая подача начинается с полного ритуала». Скорость и сила подачи вторичны. Важно качество выполнения психологической последовательности.

- Поддачи в парах/тройках: создаются мини-группы. Пока один выполняет подачу с ритуалом, другие наблюдают и дают обратную связь не по технике, а по четкости выполнения ритуальных действий.

Этап 3. Моделирование давления (постоянно, после освоения этапа 2):

- Подача «на результат»: упражнение 1 на 1: подача считается успешной только если приводит к прямому выигрышу очка или сложному приему. Ритуал обязателен.

- Условные наказания/поощрения: «Две ошибки подряд – 3 отжимания», «5 точных подач в зону – минута отдыха». Цель – создать легкий стресс, в котором применение техник становится осознанной необходимостью.

- Тренировочные игры с акцентом: объявляется, что все очки, выигранные с подачи, идут в двойном размере. Это повышает значимость элемента и проверяет техники в условиях, приближенных к соревновательным.

Этап 4. Автоматизация в соревнованиях:

- Предсоревновательный настрой: в раздевалке перед игрой – 3 минуты тишины с акцентом на дыхании.

- Краткое напоминание: тренер перед выходом дает одну установку: «Свой ритуал на каждой подаче».

- Послематчевый анализ: обсуждение с игроком не только технических ошибок, но и того, удавалось ли применять психотехники в ключевые моменты.

Роль тренера на всех этапах – быть фасилитатором и напоминанием: не контролировать, а поддерживать; не критиковать за срыв ритуала, а анализировать, почему это произошло; позитивно подкреплять любой успех в его соблюдении.

Представленный комплекс техник – ритуал, дыхание, фокус – представляет собой не набор разрозненных приемов, а единую систему психологической подготовки к выполнению подачи в волейболе. Его логика основана на последовательном воздействии: ритуал структурирует время и создает контроль, дыхание нормализует физиологию, а сужение концентрации блокирует остаточную тревогу. Систематическое применение предподачевого ритуала формирует у юного спортсмена чувство стабильности и управляемости процессом, переводя внимание с угрожающего исхода на знакомую последовательность действий. Техника диафрагмального дыхания 4-7-8 является эффективным инструментом оперативной саморегуляции, позволяющим за 10-15 секунд снизить уровень соматической тревожности и мышечного напряжения. Осознанное управление фокусом внимания через «точечную мишень», ключевое слово или тактическую мантру защищает психику спортсмена от отвлекающих факторов и негативных мыслей, перенаправляя ресурсы на качество исполнения.

Основной вывод заключается в том, что надежность подачи у юных волейболистов определяется не только техническим мастерством, но и степенью сформированности навыков психологической саморегуляции. Интеграция простых, адаптированных к возрасту и игровым условиям психотехник в стандартный тренировочный процесс является доступным и эффективным способом повышения соревновательной устойчивости. Данный методический комплекс - может быть с успехом адаптирован и для других видов спорта с аналогичными «закрытыми» навыками, выполняемыми под давлением (штрафной бросок в баскетболе, пенальти в футболе, подача в теннисе).

Литература:

1. Горбунов, Г.Д. Психология физической культуры и спорта: учебник для вузов / Г.Д. Горбунов, Е.Н. Гогунцова. – М.: Академия, 2014. – 288 с.
2. Ильин, Е.П. Психология спорта / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2016. – 352 с.
3. Волейбол: учебник для высших учебных заведений физической культуры / под ред. А. В. Беляева, М. В. Савина. – М.: Физкультура, образование, наука, 2000. – 368 с.
4. Алексеев, А.В. Преодолей себя! Психическая подготовка в спорте / А.В. Алексеев. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 352 с.
5. Родионов, А.В. Психология физического воспитания и спорта: учебник для вузов / А.В. Родионов. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2004. – 576 с.
6. Williams, J.M., & Krane, V. (Eds.). Applied Sport Psychology: Personal Growth to Peak Performance. McGraw-Hill Education, 2020.

Фань Юй

студент

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена»**Fan Yu**

Student

Herzen State Pedagogical University of Russia

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ФОРМЫ К СТРУКТУРНОМУ АНАЛИЗУ СОНАТНОЙ ФОРМЫ В СИМФОНИЯХ ВЕНСКИХ КЛАССИКОВ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному обзору трёх аналитических методов XX века — подходов Арнольда Шёнберга, Рудольфа Рети и Адели Кац — и их приложению к структурному анализу сонатной формы в симфониях венских классиков (Й. Гайдна, В.А. Моцарта, Л. ван Бетховена). Рассматриваются теоретические основания каждого метода: концепция «развивающей вариации» и контекстуальной тональности у Шёнберга, теория тематического процесса у Рети, а также синтез гармонического и тематического анализа в работах Кац. На материале симфонических образцов демонстрируются возможности каждого подхода, выявляются их сильные стороны и ограничения. В заключении обосновывается целесообразность синтеза рассмотренных методов для комплексного анализа сонатной формы в музыке венских классиков.

Ключевые слова: сонатная форма, венские классики, Шёнберг, Рети, Кац, тематический процесс, развивающая вариация, тональность, музыкальный анализ.

APPLYING MUSICAL FORM THEORY TO THE STRUCTURAL ANALYSIS OF SONATA FORM IN VIENNA CLASSIC SYMPHONY

Abstract. This article provides a comparative overview of three 20th-century analytical methods—those of Arnold Schoenberg, Rudolf Réti, and Adele Katz—and their application to the structural analysis of sonata form in the symphonies of Viennese classical composers (J. Haydn, W.A. Mozart, and L. van Beethoven). The theoretical foundations of each method are examined: Schoenberg's concept of "development variation" and contextual tonality, Réti's theory of thematic process, and Katz's synthesis of harmonic and thematic analysis. Using symphonic examples, the potential of each approach is demonstrated, revealing their strengths and limitations. In conclusion, the feasibility of synthesizing the methods discussed is substantiated for a comprehensive analysis of sonata form in the music of the Viennese classics.

Keywords: sonata form, Viennese classics, Schoenberg, Reti, Katz, thematic process, developmental variation, tonality, musical analysis.

Сонатная форма, сложившаяся в творчестве венских классиков второй половины XVIII — начала XIX века, является одной из наиболее значимых и сложных музыкальных структур. Её изучение традиционно опирается на формально-гармонический анализ, восходящий к трудам А.Б. Маркса и Х. Римана. Однако в XX столетии сформировались альтернативные методологии, предложившие взглянуть на сонатную форму с новых позиций — через призму тематической работы, тональных отношений и процессов мотивного развития. Среди этих подходов особое место занимают теории трёх исследователей — композитора и педагога Арнольда Шёнберга, музыковеда Рудольфа Рети и теоретика музыки Адели Кац. Несмотря на то, что ни один из них не создал систематического учения о сонатной форме в объёме,

сопоставимом с трактатами их предшественников, их методы оказали значительное влияние на развитие музыкальной теории и открыли новые перспективы для анализа классического наследия.

Актуальность обращения к аналитическому наследию Шёнберга, Рети и Кац в контексте изучения сонатной формы венских классиков обусловлена несколькими факторами. Во-первых, традиционный формально-гармонический анализ, восходящий к трудам А.Б. Маркса и Х. Римана, хотя и остаётся базовым инструментом музыкознания, не исчерпывает всех аспектов композиционной логики сонатной формы. В XX веке сформировались альтернативные методологии, которые позволяют увидеть в сонатной форме не столько схему, сколько процесс — и именно эти методологии до сих пор недостаточно систематически применены к симфоническому творчеству Гайдна, Моцарта и Бетховена. Во-вторых, современное музыкознание переживает всплеск интереса к интегративным подходам, объединяющим анализ тональности, тематизма и формы, и труды Шёнберга, Рети и Кац предоставляют для этого концептуальную базу, которая ещё не получила исчерпывающей оценки в рецензируемой литературе. В-третьих, преподавание музыкального анализа в вузах по-прежнему опирается преимущественно на учебники середины XX века, тогда как введение в учебный оборот рассмотренных аналитических стратегий может существенно обогатить профессиональную подготовку музыкантов.

Настоящая статья ставит своей целью сопоставительный анализ подходов Шёнберга, Рети и Кац и демонстрацию их приложимости к симфониям венских классиков.

Центральная категория шёнберговской теории формы — понятие развивающей вариации. [1] Под этим термином Шёнберг понимает такой способ изложения и развития музыкального материала, при котором последующие варианты исходного мотивного элемента порождаются непосредственно из предшествующих путём варьирования с сохранением существенных свойств первоначального образца. Как отмечает Р.Г. Шитикова, в творчестве композиторов нововенской школы сонатная идея претерпевает существенные модификации, однако парадоксальным образом именно в музыке самого Шёнберга форма остаётся традиционной. [2] Развивающая вариация, будучи разработанной на материале венской классики (прежде всего Бетховена), стала для Шёнберга универсальным принципом, который он усматривал и в сочинениях своих предшественников, и реализовывал в собственных опусах. Применительно к сонатным формам Гайдна и Моцарта этот принцип позволяет увидеть в тематическом развитии не внешнее чередование контрастных построений, а внутренне обусловленный процесс порождения нового из уже сказанного.

Одним из наиболее радикальных теоретических положений Шёнберга является пересмотр традиционного понимания тональных функций в сонатной форме. Шёнберг отвергает полярность тоники и доминанты как универсального формообразующего принципа. Вместо этого он использует тональные отношения контекстуально, производя их из начальных фраз. Как демонстрирует анализ Второго струнного квартета фа-диез минор (ор. 10), тональное развитие в шёнберговском понимании может осуществляться через отношения медиант, включая низкие ступени. В контексте анализа венских классиков этот подход позволяет проблематизировать привычную схему тонального движения «тоника — доминанта (или параллель) — тоника». Шёнберговская «контекстуальность» оказывается плодотворным инструментом при анализе поздних симфоний Моцарта, где тональные отношения нередко выходят за рамки квинтового круга, или бетховенских сонатных форм, где разработка нередко движется по терцовым соотношениям. Ещё одна важная особенность шёнберговского подхода — понимание контраста главной и побочной тем не как внешнего противопоставления, а как внутренне обусловленного диалога, что позволяет анализировать сонатные экспозиции венских классиков не как механическое соположение двух тем, а как развёртывание диалектического единства.

Аналитический метод Рудольфа Рети (1885–1957) принципиально отличается от шёнберговского, хотя между ними имеется глубокая генетическая связь — оба исходят из постулата органического

единства музыкального произведения.[3] Как характеризует этот метод Кристина Ломен, отличительной чертой аналитического метода Рети является фокусирование на мотивно-тематических процессах в музыкальном произведении.[6] Рети пытается выявить тематическую связь отдельных частей сонатного цикла посредством системы ячеек и тематических моделей, обнаруживаемых во всей композиции. Если Шёнберг интересовался тональной логикой и принципом развивающей вариации, то Рети сосредоточивается на глубинном мотивном единстве: он доказывает, что различные на первый взгляд темы и эпизоды сонаты происходят от единого пра-мотива, который может присутствовать в различных трансформациях на протяжении всего произведения.

Основной аналитический материал Рети — фортепианные сонаты Бетховена. В посмертно изданном труде «*Thematic Patterns in Sonatas of Beethoven*» (1967) Рети анализирует более восьмидесяти страниц «Патетической» сонаты, сорок — «Аппассионаты», двадцать — «Крейцеровой». Его основной тезис заключается в том, что базовая схема мотивных ячеек пронизывает и артикулирует всю сонату. [4] При этом такие структурные элементы определяют гармонию, модуляцию, орнаментику, форму, тональную структуру (как внутри одной части, так и между частями), аккорды, мелодию, связующие разделы, фигуры — короче говоря, всё произведение. Применение метода Рети к симфоническому творчеству венских классиков позволяет по-новому взглянуть на отношение между частями цикла. Рети убедительно демонстрирует, что тематическое единство может связывать не только разделы внутри экспозиции, но и различные части сонатно-симфонического цикла — первая и медленная части, скерцо и финал могут быть производными от общего мотивного зерна. Однако метод Рети не лишён недостатков: существует опасность субъективизма, и в некоторых случаях связи, которые усматривает Рети между различными темами, могут показаться натянутыми. Тем не менее, как замечает один из критиков, методы Рети и традиционной школы рисуют одну и ту же картину разными мазками, и оба подхода сходятся в признании органического единства музыки.

Адель Кац занимает особое место среди музыкальных теоретиков XX века. Её основополагающий труд «*Challenge to Musical Tradition: A New Concept of Tonality*» (1945) представляет собой одну из первых попыток осмыслить новый музыкальный язык начала XX столетия в его исторической преемственности с предшествующей традицией. [5] Кац не создаёт отдельной «теории» сонатной формы в привычном смысле. Её вклад заключается прежде всего в синтезе гармонического (восходящего к Шенкеру) и тематического (близкого к Шёнбергу) анализа. Значение метода Кац для анализа сонатной формы венских классиков трудно переоценить. [7] Традиционный анализ рассматривал тональный план и тематическую работу как относительно независимые параметры — первый подлежал «гармоническому анализу», второй — «тематическому». Кац же показывает, что в сочинениях венских классиков тональность и тематизм находятся в сложном диалектическом взаимодействии: смена тональности не только маркирует структурные границы формы, но и активизирует тематические трансформации, и наоборот — тематическое развитие находит своё естественное завершение в тональном разрешении. Применительно к симфониям Гайдна этот подход позволяет объяснить те неожиданные смещения, повороты, асимметрию, нарушения регулярности, которые исследователи отмечают в структуре его тем, как результат взаимодействия тональной логики и тематического импульса.

Все три рассмотренных метода объединяет стремление выйти за рамки формально-описательного анализа и приблизиться к пониманию внутренней логики музыкального произведения. Однако их акценты различны. Шёнберг делает акцент на тональной логике и процессе развивающей вариации, понимая тональность как контекстуальную систему отношений. Рети сосредоточен на мотивно-тематическом единстве и глубинном родстве тем, вводя понятие «пра-клетки» как источника всего тематического материала. Кац осуществляет синтез гармонического (шенкерианского) и тематического (шёнберговского) подходов, обеспечивая методологическую рамку для целостного понимания формы.

Шёнберговский метод наиболее силён при анализе драматургии тональных отношений в разработке. Рети даёт инструменты для выявления скрытого мотивного родства контрастных тем и разных частей цикла. Кац обеспечивает связующее звено, необходимое для интегрального анализа.

Анализ симфонического творчества венских классиков с привлечением всех трёх подходов в их синтезе позволяет решать задачи, недоступные каждому методу в отдельности. Разработки в симфониях Гайдна (например, Лондонские симфонии, № 104) демонстрируют сложные модуляционные планы, которые при поверхностном рассмотрении кажутся «свободными». Шёнберговский подход, акцентирующий контекстуальную тональность, выявляет в гайдновских разработках не хаотическое блуждание, а последовательное проведение тематического материала через ряд медиантных тональностей, где каждый новый тональный центр возникает из мотивного импульса предыдущего раздела. Метод Рети, в свою очередь, выявляет единство главной и побочной партий на глубинном уровне, показывая, что их контраст не исключает, а предполагает мотивную общность. В симфониях Моцарта, таких как № 40 соль минор, метод Кац позволяет по-новому интерпретировать взаимодействие тонального плана и тематического развития. Переход от минора к мажору в разработке, возвращение в главную тональность в репризе — всё это в синтезе с шёнберговским и ретианским подходами раскрывается не как формальная необходимость, а как внутренне мотивированный процесс, в котором тональность и тематизм действуют как два аспекта единой музыкальной логики. Наибольшие возможности синтез трёх методов обнаруживает при анализе бетховенских сонатных форм. В симфониях № 3, 5, 7 и 9 Бетховен систематически нарушает нормативы классической формы, создавая своего рода «метасонату», где традиционные функции переосмысляются. Ретианский анализ выявляет тематические связи между всеми частями цикла — например, мотив судьбы из начала Симфонии № 5 оказывается производным из того же ядра, что и тема *Andante* и финала. Шёнберговская концепция развивающейся вариации объясняет, как бетховенская разработка из минимального мотивного материала разворачивает масштабные композиции. А синтез Кац связывает эти процессы в единое целое, показывая, что тональное движение в бетховенских разработках — это не просто гармоническая схема, а органическое продолжение тематической логики.

Таким образом, ни один из рассмотренных методов в отдельности не может считаться универсальным. Однако их совместное применение — синтез ретианского подхода к тематическому процессу, шёнберговского — к тональной логике и кацевского — к общему объединению этих параметров — даёт исследователю мощный аналитический инструментарий. В перспективе целесообразна разработка единой аналитической методологии, интегрирующей ключевые понятия трёх рассмотренных теорий, что позволит по-новому осмыслить композиционную логику венских классиков — композиторов, чьё наследие по-прежнему остаётся источником вдохновения и предметом научного поиска. Актуальность такого синтеза подтверждается и современными образовательными задачами: внедрение этих методов в курс музыкального анализа способствует формированию у студентов более гибкого и многоаспектного мышления, способного учитывать как формальные, так и процессуальные аспекты музыкальной формы.

Литература:

1. Шёнберг А. Стиль и мысль. — М.: Композитор, 2006.
2. Шитикова Р.Г. Эволюция сонатной идеи в камерном инструментальном творчестве композиторов нововенской школы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2012.
3. Réti R. *The Thematic Process in Music*. — New York: The Macmillan Company, 1951.
4. Réti R. *Thematic Patterns in Sonatas of Beethoven* / ed. by Deryck Cooke. — London: Faber, 1967.

5. Katz A.T. Challenge to Musical Tradition: A New Concept of Tonality. — New York: Alfred A. Knopf, 1945.
6. Lomen K. Rudolph Réti a jeho metóda hudobnej analýzy // Musicologica Slovaca, 2014, č. 1.
7. Song M.K. Heinrich Schenker's Early Approach to Form, 1895–1921. — CUNY Academic Works, 2017.

Баюрский А.А.

магистрант

кафедры религиоведения

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

e-mail: albaurskey@gmail.com

Bayurskij A.A.

Master's Student

Department of Religious Studies

Kazan Federal University

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ АНГАЖИРОВАННОСТЬ В РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ: ПОНЯТИЕ, ГЕНЕЗИС, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРТНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «конфессиональная ангажированность» в религиоведческой проблематике. Анализируется этимология и семантическая эволюция понятий «ангажированность» и «конфессия», прослеживается их трансформация от философского и богословского дискурсов до категорий современной науки. Исследуются теоретические подходы в западной и российской традициях религиоведения, включая концепции «confessional bias», «secular bias», «theological bias», а также методологические принципы демаркации религиоведения и теологии. Особое внимание уделяется проявлению ангажированности в сфере государственной религиоведческой экспертизы, анализируются институциональные, правовые и этические аспекты проблемы. Авторы приходят к выводу, что конфессиональная ангажированность представляет собой многоуровневый феномен, включающий методологическую, дискурсивную и профессионально-этическую составляющие, а основным критерием научности выступает способность исследователя к рефлексии по поводу собственных мировоззренческих предпосылок.

Ключевые слова: конфессиональная ангажированность, религиоведение, теология, религиоведческая экспертиза, методология науки, секулярная предвзятость, confessional bias, secular bias.

CONFESSIONAL BIAS IN RELIGIOUS STUDIES PROBLEMATICS: CONCEPT, GENESIS, METHODOLOGICAL AND EXPERT ASPECTS

Abstract. The article examines the concept of «confessional bias» within the framework of religious studies. The etymology and semantic evolution of the concepts «engagement» and «confession» are analyzed, tracing their transformation from philosophical and theological discourses to the categories of modern science. Theoretical approaches in Western and Russian traditions of religious studies are investigated, including the concepts of «confessional bias», «secular bias», «theological bias», as well as methodological principles of demarcation between religious studies and theology. Special attention is paid to the manifestation of bias in the sphere of state religious expertise; institutional, legal and ethical aspects of the problem are analyzed. The authors conclude that confessional bias is a multi-level phenomenon including methodological, discursive and professional-ethical components.

Keywords: confessional bias, religious studies, theology, religious expertise, methodology of science, secular bias.

Прежде чем перейти к анализу понятия «конфессиональная ангажированность», необходимо рассмотреть этимологию и семантическую эволюцию базового понятия. Термин «ангажированность» происходит от французского «engagement», восходящего к старофранцузскому «engager», что означает «обязывать», «нанимать», «вовлекать». В широком культурном и философском контексте, благодаря трудам Жан-Поля Сартра, ангажированность понимается как осознанное принятие личностью моральных и идеологических обязательств, активная жизненная позиция, предполагающая пристрастность и невозможность беспристрастного наблюдения. В современном дискурсе это понятие приобрело коннотации идейной предвзятости, вовлеченности в интересы определенной группы и, как следствие, потенциальной утраты объективности.

Перенос данного понятия в религиозную сферу для формирования категории «конфессиональная ангажированность» стал возможен после того, как сформировались два ключевых условия: само понятие «конфессия» как обозначение институционализированной религиозной общности и религиоведение как академическая наука, способная эту ангажированность рефлексировать.

Генезис понятия «конфессия» демонстрирует сложный семантический переход от описания сугубо личного, сакрального действия к обозначению группы. Этимологически термин восходит к латинскому глаголу «confiteri» («признавать», «сознаваться») и существительному «confessio» («признание», «исповедание»). Ключевую роль в наполнении данного термина христианским содержанием сыграл Аврелий Августин. В работе «Исповедь» (*Confessiones*, ок. 400 г.) он актуализировал полисемию слова: «confessio» для него это и исповедание грехов («confessio peccatorum»), и хвала Богу («confessio laudis»), и декларация личной веры. На протяжении всего Средневековья, в частности после обязательного установления ежегодной исповеди IV Латеранским собором (1215 г.), «confessio» оставалась прежде всего религиозной практикой и техникой производства субъективности, а не маркером групповой принадлежности.

Ключевой семантический сдвиг произошел в XVI веке и напрямую связан с процессами Реформации. Распад западноевропейского религиозного единства создал социальный и политический запрос на фиксацию догматических границ. В этот период слово «конфессия» начинает обозначать не процесс, а документ - вероисповедную формулу, символ веры. Такие тексты, как Аугсбургское вероисповедание (*Confessio Augustana*, 1530), становятся нормативными текстами, отделяющими «правильное» вероучение от «ереси». Однако в этот ранний период термин еще не применяется для обозначения общности людей, современники говорили о «папистах» или «лютеранах», но не о «конфессионалах».

Окончательное формирование понятия «конфессия» в его современном значении - как обозначения конкретной церковной деноминации - относится к началу XIX века. Как показано в исследованиях по систематической теологии, данный процесс был тесно связан с дискуссиями о церковных униях в Германии, когда потребовалось четко вербально маркировать догматические позиции объединяемых церквей. Параллельно с этим процессом, в середине XIX века (1860–1870-е годы) формируется религиоведение как самостоятельная академическая наука. Ключевую роль сыграл Фридрих Макс Мюллер, предложивший сравнительный метод изучения религий. Именно с этого момента возникает возможность для внешней, научной рефлексии над религиозными феноменами, а вместе с ней и проблема «ангажированности» исследователя, его принадлежности к той или иной конфессии. Таким образом, говорить о «конфессиональной ангажированности» как о предмете научного анализа корректно после завершения двух процессов: окончательного закрепления за словом «конфессия» значения религиозной группы (XIX в.) и институционализации религиоведения как науки.

В XX веке понятие «конфессия» и производные от него были концептуализированы исторической наукой. Эрнст Вальтер Цееден в 1950–1960-х годах ввел термин «Konfessionsbildung» (формирование

конфессий) для нейтрального описания процессов XVI века. Кульминацией этой историографической традиции стала теория «конфессионализации», независимо сформулированная Вольфгангом Райнхардом и Хайнцем Шиллингом в конце 1970-х - начале 1980-х годов. В своей работе Райнхард предложил рассматривать конфессионализацию как процесс модернизации, формирующий раннемодерное государство, в то время как Шиллинг развил эту теорию на эмпирическом материале, показав связь конфессионального конфликта и государственного строительства [1; 2].

Как отмечают Е.И. Аринин, Н.М. Маркова и М.С. Павлов, формирование терминологии, позволяющей рефлексировать конфессиональную ангажированность, происходило в России с XVIII века и было сопряжено с преодолением «византийской модели», восходящей к Кодексу Феодосия и концепции «одна страна, один закон, одна религия/вѣра» [3, с. 239]. В этой парадигме «вѣра» являлась юридически обязывающим статусом, создававшим жесткую дихотомию: «вѣрные» противопоставлялись «невѣрным» - «язычникам» и «еретикам». Опираясь на данные «Национального корпуса русского языка», исследователи прослеживают семантическую эволюцию понятий, показывая, как теологический концепт «православие» превращается в маркер государственной идентичности. Авторы демонстрируют, что вплоть до начала XX века принадлежность к вере подтверждалась не субъективным самоотчетом, а фиксируемым духовенством исполнением нормативных практик (исповедные росписи). Эта система «видимизации», созданная для выявления «раскольщиков», делала религиозную идентичность тотально наблюдаемой. В таких условиях «невидимизация вѣры» становилась для многих исповедальных сообществ (старообрядцев, сектантов) стратегией выживания, позволявшей избежать дискриминации и стигматизации, поскольку уклонение от «первенствующего исповедания» вплоть до 1905 года считалось уголовным преступлением. Данный контекст напрямую соотносится с проблемой конфессиональной ангажированности исследователя: инструменты анализа зачастую содержат точку зрения наблюдателя, ангажированного доминирующей парадигмой.

В англоязычном научном дискурсе проблематика конфессиональной ангажированности представлена терминами «confessional bias» (конфессиональная предвзятость), «confessional approach», «sectarian bias», а также «confirmation bias». Термин «confessional bias» получил распространение в историографии и библеистике для обозначения тенденциозных исследований с позиций конкретной христианской конфессии. В методологию религиоведения это понятие было систематически внедрено в 1990-е - начале 2000-х годов трудами Р.Т. Маккатчена и Т. Фитцджеральда. Маккатчен в работе «Manufacturing Religion» (1997) подверг критике подход, рассматривающий религию как уникальный, несводимый к иным социальным феноменам объект («*sui generis*»), показав, что он воспроизводит протестантско-теологические схемы мышления [4]. Фитцджеральд в монографии «The Ideology of Religious Studies» (2000) выдвинул тезис, что сама дисциплина «религиоведение» является секулярно-протестантским конструктом [5]. По его мнению, «confessional bias» проявляется не только в экспертных оценках, но и в самом категориальном аппарате дисциплины.

Близким по содержанию является понятие «theological bias». Если «confessional bias» акцентирует принадлежность к конкретной конфессии, то «theological bias» указывает на использование теологических методов аргументации. Отдельного внимания заслуживает концепция «secular bias» (секулярная предвзятость), разработанная Брэдом Грегори [6]. Автор утверждает, что отказ от конфессиональных установок привел к редукционистским объяснениям, содержащим встроенные секулярные предубеждения. Центральный тезис Грегори: доминирующие подходы основываются на недоказуемых мировоззренческих допущениях - материализме или агностицизме, которые столь же метафизичны, сколь и убеждения традиционных конфессиональных историков. Использование таких теорий порождает «светскую конфессиональную историографию».

Т. Асад в работе «Formations of the Secular» (2003) предложил критику самого понятия «секулярное», показав, что светскость не является нейтральной основой, а представляет собой проект, укорененный в христианской теологии [7]. Р. Кинг обратил внимание на постколониальные аспекты предвзятости, продемонстрировав, как западные категории несут скрытые христианские и колониальные предубеждения [8]. Т. Масузава в книге «The Invention of World Religions» (2005) обосновала, что классификация «мировые религии» была сформирована протестантской теологией и колониальными интересами [9].

Т. Бубик рассматривает различия между теологическим и религиоведческим подходами, отмечая, что религиоведение позиционирует себя как неангажированное исследование, тогда как теология ориентирована на защиту веры [10, с. 64]. Бубик фиксирует возражение теологов: религиоведение подвергает редукции религиозный опыт, сводя его к психологическим и социальным уровням. При этом личная религиозность ученого может влиять на объективность, но не дисквалифицирует его автоматически.

В российской традиции проблема также рассматривается в контексте методологических оснований науки. М.О. Кедрова, анализируя работу А.Н. Красникова «Методологические проблемы религиоведения» (2007), указывает на центральный тезис о размежевании с теологией и атеизмом. Красников акцентирует принцип «исключения трансцендентного» Т. Флурнуа и формулирует критерии научности, позволяющие идентифицировать различные формы ангажированности [11].

М.В. Силантьева прослеживает трансформацию форм ангажированности от советского периода до постперестроечного времени, когда формируется «вторичная идеологизация религиоведения - теперь уже не наивно-атеистическая, а религиозная». В советский период, по мнению автора, ангажированность сводилась к атеистической идеологизации и оценивалась негативно; альтернативой ей выступали позитивистский объективизм и скептицизм. В постперестроечный период, параллельно с вторичной идеологизацией, развивается теория ангажированности, опирающаяся на методологию включенного наблюдения и учет герметичного характера религии [12, с. 185]. В другой своей работе, посвященной методу «включенного наблюдения», она анализирует методологические риски, указывая на парадокс: «максимально приближенные» наблюдатели часто демонстрируют наиболее адекватное понимание, тогда как «неангажированные» описания остаются «ходульными конструкциями» [13, с. 186].

Л.И. Григорьева обосновывает возможность и эффективность специальной подготовки «органических инсайдеров» (членов религиозных объединений) в качестве «профессиональных аутсайдеров» - исследователей собственных религий. Автор вводит различие двух переводов термина «ангажированность»: как «вовлеченность» (ядро мировоззрения личности) и как «нанятость» (пристрастная заинтересованность, подмена научных целей). По мысли Григорьевой, «не ангажированных» по отношению к религии людей не бывает, а требование абсолютной объективности является теоретическим идеалом. Самой опасной для науки автор считает ангажированность, не предполагающую собственно научных целей [14, с. 87–97].

Особую остроту проблема приобретает в сфере судебной религиоведческой экспертизы. В работе С.А. Панина и М.В. Козлова на примере дела о ликвидации «Саентологической церкви Москвы» (2015) проанализировано экспертное заключение Л.С. Астаховой, выполненное, по оценке авторов, в нарушение нормативных требований единолично [15]. Панин и Козлов полагают, что эксперт использовала определение религии, ориентированное на теистическую модель и игнорирующее специфику новых религиозных движений, что привело к выводу о нерелигиозном характере деятельности организации. Авторы ссылаются на критику данного заключения академическим сообществом: Г.С. Широкалова, с их слов, указала, что экспертиза «свидетельствует о мировоззренчески-конфессиональной ангажированности автора», а Е.С. Элбакян отметила, что оценка одной религии с позиции другой «всегда

носит конфессионально ограниченный характер» [15, с. 92]. Сопоставляя указанный случай с другим процессом, где использовалось противоположное по выводам заключение, Панин и Козлов приходят к тезису, что «суды как бы подбирают экспертизы, подходящие для принятия заведомо известного решения». Сам прецедент и связанная с ним дискуссия дают значимый материал для анализа проявлений конфессиональной ангажированности в экспертной практике.

Ф.Г. Аминев рассматривает конфессиональную ангажированность как нарушение профессиональной этики, предлагая Кодекс этики судебных экспертов [16, с. 19]. Институциональные аспекты этой проблемы также широко обсуждаются в литературе: отмечаются отсутствие единого реестра экспертов, непрозрачность процедур, включение в экспертные советы аффилированных с религиозными организациями лиц и нормативная неопределенность критериев «традиционности» как фактор, способствующий ангажированности оценок.

Проведенный анализ позволяет охарактеризовать понятие «конфессиональная ангажированность» как теоретический конструкт, разрабатываемый на пересечении методологии науки, профессиональной этики, анализа экспертных практик и изучения государственно-конфессиональных отношений. В современном научном дискурсе сложилось несколько подходов: методологический (проблема демаркации религиоведения и теологии, секулярная предвзятость); полевой (обоснование возможности подготовки «органических инсайдеров» в качестве «профессиональных аутсайдеров»); экспертный (институциональные факторы ангажированности); политико-дискурсивный (конструирование категорий «традиционных» и «нетрадиционных» религий). В качестве рабочей предпосылки принимается, что полная нейтральность исследователя труднодостижима, а основным критерием научности выступает не отсутствие мировоззренческой позиции, а способность к рефлексии по поводу ее возможного влияния на исследовательские процедуры.

Литература:

1. Reinhard W. Gegenreformation als Modernisierung? Prolegomena zu einer Theorie des konfessionellen Zeitalters // Archiv für Reformationsgeschichte. 1977. Т. 68. С. 226-252.
2. Schilling H. Konfessionskonflikt und Staatsbildung. Eine Fallstudie über das Verhältnis von religiösem und sozialem Wandel in der Frühneuzeit am Beispiel der Grafschaft Lippe. Gütersloh, 1981.
3. Арипин Е.И., Маркова Н.М., Павлов М.С. «Невидимизация вѣры» и стигматизация «отступников»: парадоксы маркирования в праве, этнографии и социологии // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 6. С. 239-246.
4. McCutcheon R.T. Manufacturing Religion: The Discourse on Sui Generis Religion and the Politics of Nostalgia. Oxford, 1997.
5. Fitzgerald T. The Ideology of Religious Studies. Oxford, 2003.
6. Gregory B.S. The Other Confessional History: On Secular Bias in the Study of Religion // History and Theory. 2006. Т. 45. № 4. С. 132-149.
7. Asad T. Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity. Stanford, 2003.
8. King R. Orientalism and Religion: Post-Colonial Theory, India and "The Mystic East". London, 2013.
9. Masuzawa T. The Invention of World Religions: Or, How European Universalism Was Preserved in the Language of Pluralism. Chicago, 2005.
10. Бубик Т. Проблемы ангажированного и неангажированного исследования религии // Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. 2009. Т. 1. № 19. С. 63-68.
11. Красников А.Н. Методологические проблемы религиоведения. М., 2007.
12. Силантьева М.В. Ангажированное религиоведение. Концептуализация понятия // Москва. 2024. Т. 27. С. 184-196.

13. Силантьева М.В. Метод «включенного наблюдения» как инструмент исследования религиозных процессов в современной России // Социология религии в обществе Позднего Модерна. Белгород, 2013. С. 184-192.

14. Григорьева Л.И. Социолог религии: органический инсайдер в статусе профессионального аутсайдера // Социология религии в обществе Позднего Модерна. Белгород, 2013. С. 87-97.

15. Панин С.А., Козлов М.В. Религиоведческая экспертиза в России: проблемы и перспективы // Религиоведение. 2016. № 1. С. 77-109.

16. Аминев Ф.Г. О профессиональной этике судебного эксперта в Российской Федерации // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 6. С. 19.

Кидямкин А.А.

аспирант

кафедра философии

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва»**Kidyamkin A.A.**

Postgraduate Student

Department of Philosophy

National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev

**ИДЕИ МИРА, ВОЙНЫ, ПАТРИОТИЗМА И ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА XIX-XX СТОЛЕТИЙ**

Аннотация. Философия войны явилась важным камертоном в испытаниях и кризисах цивилизаций, стран и народов. Со времен Эразма Роттердамского наблюдается тенденция гуманистического восприятия проблематики войны и мира в русской и западноевропейской философии. Идеи мира россиянам были ближе, нежели военная агрессия вовне и вовнутрь. Концепты софийности, сизигии и всеединства, структурированные в отечественной социальной философии, оказались более продуктивными со времён Вл. Соловьёва. Западная цивилизация привнесет в этот альянс философии и военного дела со времен Ф. Ницше и понимание-агрессия как стиль философии и образ жизни социума, но не всегда, было и благоговение перед жизнью А. Швейцера и других мыслителей о трагичности бытия человека современности.

Ключевые слова: война, философия мира и патриотизма, стратегия симфоничности, русская социальная философия.

**IDEAS OF PEACE, WAR, PATRIOTISM, AND LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE SOCIO-
PHILOSOPHICAL TRADITION OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE 19TH AND 20TH
CENTURIES**

Abstract. The philosophy of war has been an important tuning fork in the trials and crises of civilizations, countries, and peoples. Since the time of Erasmus of Rotterdam, there has been a trend towards a humanistic perception of the issues of war and peace in Russian and Western European philosophy. The ideas of peace were closer to Russians than military aggression from the outside and from within. The concepts of sophia, syzygy, and all-unity, which were structured in Russian social philosophy, have proven to be more productive since the time of Vladimir Solovyov. Western civilization has brought to this alliance of philosophy and military affairs since the time of Friedrich Nietzsche, understanding-aggression as a style of philosophy and a way of life for society, but not always, and there was also reverence for the life of Albert Schweitzer and other thinkers about the tragic nature of modern human existence.

Keywords: war, philosophy of peace and patriotism, symphonic strategy, Russian social philosophy.

Судьба народов и государств в собирательном выражении является проявлением борения духовного и физического, проявлением данного процесса является отображение войны за перспективы существования той или иной общности в цивилизованном контексте была философия. Философ с древности был активным созидателем и аналитиком культурно-исторического процесса. Такое ключевое

положение дает ему возможность оказывать активное влияние на все процессы и события, решать главные проблемы действительности, с которыми сталкивается. К ним относятся: межличностные конфликты, бездуховность, социальная отчужденность, социальное неблагополучие, безработица, финансовые трудности, неустроенность личной жизни и другие.

Философия войны и мира издавна рассматривалась в отечественной философской мысли. Польский исследователь истории русской философии Анджей Валицкий указывал на тот факт, что проблемы войны и мира в российской философии носили в канун Первой мировой войны 1914 г. особенно востребованный в сочинениях мыслителей России характер [6]. Особенно важной был вопрос о противостоянии славян германскому и тюркскому мирам, который поднимал в своих работах один из видных славянофилов Н.Я. Данилевский.

Мыслители- славянофилы в России стремились проявить в своих сочинениях резко-консервативные, крайние взгляды, часто носившие характер ксенофобского дискурса. Сконцентрировавшись вокруг журнала «Москвитянин», они призывали своих последователей выступать за иконную Русь, без западных нововведений.

Обращавшие внимание больше на гармонию и логику создали западное представление. Западники отвергали взгляды славянофилов на Россию как невежество и утопию. Нельзя не согласиться с мнением о том, что история – это главный помощник в осознании своих ошибок, история — это источник поучительных примеров, история часто походит на исповедь или мученический путь. Несомненно, что тот, кто считает с этим мнением всегда может сделать что-то полезное для своего народа. По большому счету история и современность воспринимаются многими как две несовместимые временные стихии, но история – это «бывшее настоящее». К сожалению и западники и славянофилы неверно трактовали проблемы философии и истории российского социума. Тем не менее- славянофилы оказались более оригинальными в своих социально-философских подходах чем в своих позициях западники и концепция соборного делания стала уникальной основой русской философии. Включая философию войны.

Проблемы конфликта: Восток-Запад, оригинальность русского общественного пути, проблемы религии и секуляризма волновали русских философов начала эпохи Новейшего времени. В творчестве представителей русской философии затрагиваются различные философские концепции и идеи военного направления исследования. Некоторые из этих идей актуальны до сегодняшнего времени и до сих пор вызывают различные полемические споры и обсуждения [2, с. 15]. Залогом успеха человека на пути к совершенству, согласно мнениям русских философов XIX - XX столетий, является преодоление раздробленности его человеческого естества, потерявшего свою цельность и свое единство вследствие грехопадения.

Сегодня в условиях духовного и нравственного кризиса общества духовные ценности приобретают все более актуальное значение и способны исцелить не только больную и погрязшую в грехах человеческую природу, но и все человеческое общество. Война и мир были сопряжены всегда с религиозно-политическим контекстом бытия социума. Иметь религию есть право человека, и это право, – право быть духом, лежит в основе всех других его прав» [4, с. 98].

В своем творчестве философ обращался к рассмотрению феномена русской души, полемизировал на тему слабой и сильной стороны русского народа, пророчествовал о будущем России. Главной движущей силой в судьбе русского человека и народа в целом философ считал православную веру, веру в божественный промысел, направленность русского человека к совершенствованию своей души через заложенные в нем фундаментальные качества, такие как любовь, совесть, вера.

На понимание Ильиным сущности понятия «религия» оказал влияние еще один русский философ С. Н. Булгаков. Оба философа определяют сущность религии как стремление человека к Богу,

восстановление утраченной с Ним связи. Бог для человека является источником всех благ, некогда утраченных или же сознательно отвергнутых им, но этот Источник не закрыт для человека окончательно, каждый человек, почувствовавший в себе жажду стать причастником Божества, и устремившийся навстречу своему Творцу, не будет Им отвергнут и сможет восстановить утраченную интенцию взаимодействия с Абсолютом [1, с. 236].

По отношению к роли права в человеческом обществе позиция Ильина такова, что с точки зрения философа только такое государство, в основе которого лежат божественные законы, способно стать действительно справедливым и стать источником великой христианской культуры.

Объединение права и морали возможно при условии стремления общества к достижению некой социальной цели. Но и здесь пути достижения поставленной цели для морали и права оказываются совершенно не сопоставимыми друг с другом, если мораль, прежде всего, заставляет человека обратиться внутрь самого себя, и не оценивать поступки других, то право, устанавливает не только обязанность, но и притязание.

Взгляды И. А. Ильина на проблему познания человеческого бытия в чем-то близки к взглядам экзистенциалистов, хотя есть и отличия, и, прежде всего, они особенно заметны в различном подходе к решению одной и той же проблемы и в различии используемых методов и категорий. И. А. Ильин рассматривает проблему человеческого бытия в неразрывной связи с православными традициями [3, с. 45].

Таким образом, на философию И. А. Ильина оказали значительное влияние, как идеи немецкой классической философии, так и русская религиозная мысль. Основным предметом обсуждения философа – это раскрытие социокультурной фундаментальности российских традиционных позиций: войны и мира, которые всегда будут центром в жизни каждого россиянина, а в лучшем случае гражданина секуляризированного и экзистенциального, в некоторых областях России в трактовке социума.

Рассмотрение вопросов войны и мира в отечественной философии базировалось на следующих аспектах:

1. В исследованиях в области духовной природы социальных явлений и философии права И. А. Ильин подвержен влиянию немецких философов Штирнера и Фихте;
2. Немалое влияние на философские взгляды Ильина оказала феноменология Э. Гуссерля;
3. Этические взгляды философа зиждутся на немецкой классической философии, в частности Гегеля, хотя и наполняются философом новым смыслом;
4. На оформление идей социальной философии И. А. Ильина, в частности иерархии (идея ранга) оказали влияние идеи Т. Карлейля;
5. Русские философы В. С. Соловьев и С. Булгаков определили развитие философии Ильина в рамках православной традиции, задали вектор ее духовной направленности.

Многообразные влияния придали философии Ильина оригинальный, особенный своеобразный смысл. Русские мыслители, философы обращали внимание на символичность идей о русском мире в творчестве И.А. Ильина.

По замечаниям Вл. Соловьева в его работе «Оправдание добра» идеи соотношения войны и мира в духовном плане помогают оберегать личность людей от очерствения и регулируют взаимоотношение духовного человека с мирским обществом, об этом и многом другом и пойдет речь. Много, произошедшее в XX столетии предвосхищено было Соловьевым В.С. в работе [5], созданной философом в 1897 году.

1. Если право устанавливает лишь минимальные требования, предъявляемые к членам социума, то нравственность призывает человека к бесконечному, постоянному совершенствованию, она не

ограничивается достижением чего-либо, и этот призыв не ограничивается ни социальным положением, ни каким-либо другим критерием, он является всеобщим, звучит для каждого без исключения человека.

2. При всей ограниченности сферы действия права, оно, тем не менее, устанавливает некий минимальный порог добра, через который нельзя переступить, гарантом этого выступают действующие законы государства, нарушение которых карается. Таким образом, право выступает в качестве сдерживающей силы, которая, в некоторой мере, не дает злу одержать победу над добром.

3. Напротив, нравственность чужда любого вида насилия над человеком, она подразумевает только добровольное исполнение всех требований.

Как бы там ни было, русская философия оставила всему миру огромное наследство, распределившееся так, как его смогли воспринять народы наследники. В результате должна появиться возможность рассмотреть положительные и отрицательные стороны социально-философского наследия россиян, вещающего от лица всей полноты российской общественной мысли, включая анализ проблем войны и мира. Ныне это богатейшее наследие давно усвоено и уже принесло свои плоды. Теперь, по прошествии нескольких столетий мы можем выявить и оценить, насколько богатым было российское философское наследство, и насколько полезным оказалось оно для народов, которые его восприняли.

. Война и мир в указанном плане предвосхищает понимание борьбы за духовную гармонию сакрального и телесного в бытии человека. Россияне стремились обратить особое внимание не на материальный, а морально- психологический контекст понимания борьбы за мир в социальной философии XIX-XX столетия.

Литература:

1. Булгаков, С. Н. Трагедия философии / С. Н. Булгаков: соч. в 2-х тт. Т.1. – Москва: «Наука», 1993. – 603 с. – ISBN 5-85133-005 – Текст: непосредственный.
2. Зеньковский, В. По поводу книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» / В. Зеньковский // И. А. Ильин: proetcontra. – Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2004. – С. 708–731. –Текст: непосредственный.
3. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – Москва: Высшая школа, 1991. – 559 с. – Текст: непосредственный.
4. Смирнов, И. Н. И. А. Ильин о духовном обновлении России / И. Н. Смирнов. – Текст: непосредственный // Наши задачи. – 1992. – № 2. – С. 6–15.
5. Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев: в 2-х томах. – Москва: Мысль, 1990. – Т.1. – 344 с. – Текст: непосредственный.
6. Walicki A. The Controversy over Capitalism. Studies in the Social Philodophy of the Russian Populists. Clarendon Press, 1969, 2-nd ed. University of Notre Dame Press, 1989.

Никитинская Л.В.

доцент кафедры английской филологии и переводоведения
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
e-mail: nikitinskaya.larisa@yandex.ru

Шигабутдинова М.Э.

студент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
e-mail: mashashigab@gmail.com

Nikitinskaya L.V.

Associate Professor of the Department of English Philology and Translation Studies
Yakovlev Chuvash State Pedagogical University

Shigabutdinova M.E.

Student
Yakovlev Chuvash State Pedagogical University

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРСОНИФИКАЦИИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ЗАГАДКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСИ “EXETER BOOK”).

Аннотация. Данная работа посвящена описанию семантических и стилистических особенностей древнеанглийских загадок, использующих прием персонификации (просопопеи). Объектом исследования служат тексты 8 загадок из древнеанглийской рукописи “Exeter Book” (Эксетерская книга). Представлена классификация загадок по четырем лексико-семантическим группам с элементами их стилистического анализа и переводом на современный английский и русский языки.

Ключевые слова: Эксетерская книга, древнеанглийская загадка, персонификация, стилистический анализ, лексико-семантическая группа, картина мира англосаксов.

LEXICO-SEMANTIC AND STYLISTIC FEATURES OF PERSONIFICATION IN THE OLD ENGLISH RIDDLE (BASED ON THE "EXETER BOOK" MANUSCRIPT).

Abstract. This study explores the semantic and stylistic characteristics of Old English riddles that employ personification (prosopopoeia). The research focuses on 8 selected texts from the "Exeter Book" manuscript. The paper presents a classification of these riddles into four lexico-semantic groups, which includes their stylistic analysis and translations into both Modern English and Russian.

Keywords: Exeter Book, Old English riddle, personification, stylistic analysis, lexical-semantic group, Anglo-Saxon worldview.

“Exeter Book” – крупнейшая сохранившаяся коллекция древнеанглийской поэзии. Манускрипт был подарен Кафедральному собору Апостола Петра в Эксетере епископом Леофриком (умер в 1072). Он начинается с нескольких длинных религиозных поэм: “Christ” в трёх частях; две поэмы о святом Гутлаке: фрагментарная “Azarius” и аллегорическая “Phoenix”. За ними следуют несколько более коротких религиозных стихотворений, перемежающихся с поэмами таких жанров, которые сохранились только в этом кодексе. Кроме того, “Exeter Book” сохраняет 95 загадок, жанр, который в противном случае был бы представлен лишь единичным примером [5].

Загадки охватывают темы от предметов повседневной жизни до абстрактных понятий, для разгадывания которых необходимо не только проанализировать скрытые подсказки, но и также ознакомиться с культурой народа. Как отмечает финская исследовательница загадок Elli Kõngäs Maranda в своей книге “Logic of riddles”, «в ситуации загадывания загадки образ и ответ произносятся разными участниками, и таким образом загадка является одним из немногих по-настоящему взаимных жанров, возможно, единственным, который всегда реализуется двумя активными участниками» [7, p. 197].

Загадки позволяют не только по-новому взглянуть на привычные нам предметы и явления окружающей природы, но они также могут выполнять образовательную функцию, затрагивая различные научные и религиозные вопросы. Тем не менее, основная цель древнеанглийских загадок, по-видимому, состоит в том, чтобы развлечь отгадывающего, который в свою очередь должен проанализировать скрытые подсказки, найти связь между скрытыми и явными характеристиками, данными в загадке и сопоставить возникающий у него в голове образ с загаданным объектом.

В современной филологической науке наблюдается терминологическая неустойчивость при описании приема олицетворения. Так, в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» под олицетворением понимают «троп, состоящий в приписывании неодушевленным предметам признаков и свойств живых существ (то же, что персонификация)» [3, с. 175]. Однако персонификация в этом же словаре трактуется как «троп, состоящий в перенесении признаков и свойств человека на неодушевленные предметы и отвлеченные понятия» [3, с. 207]. В свою очередь, О. С. Ахманова употребляет термины «олицетворение», «персонализация», «персонификация», «прозопопея», считая их абсолютными синонимами, и свое определение тропа строит на оппозиции одушевленных/неодушевленных предметов: «неодушевленным предметам приписываются свойства и признаки одушевленных» [1, с. 275].

Существует два подхода к определению данного понятия, а именно широкий и узкий. Под «широким» подразумевается наделение предметов и явлений свойствами живого существа, а под «узким» – наделение предметов и явлений свойствами человека. Поскольку материалом нашего исследования выступают древнеанглийские загадки, в своей работе мы опираемся на широкое понимание олицетворения. Это позволяет нам анализировать как зооморфные метафоры (например, сравнение деталей орудий с клювом птицы), так и антропоморфные. При этом, анализируя антропоморфные черты, мы разделяем позицию З.Ю. Петровой и Н. А. Фатеевой, которые подчеркивают, что использование общих соматизмов, таких как нога, живот, нос и пр., также должно классифицироваться как полноценное олицетворение, при отсутствии в тексте прямого сравнения с животным [2, с. 35]. Таким образом, наделение неодушевленных предметов как зооморфными чертами, так и свойствами человека рассматривается нами как единый прием просопопеи.

В нашем исследовании мы рассматриваем персонификацию (просопопею) как стилистический прием древнеанглийской традиции. В таких загадках отгадка говорит о себе в первом лице, а неодушевленные объекты наделяются характеристиками живого существа, способного говорить и чувствовать. Не все загадки Эксетерской книги используют этот прием, тем не менее «загадки с просопопеей образуют там большие группы» [6, p. 415]. Особенность персонификации в загадках Эксетерской книги заключается в том, что англосаксы переняли от латинского жанра *aenigma* риторический прием просопопеи, позволяющий неодушевленному объекту говорить о себе от первого лица. Этот прием был переосмыслен через призму национальной поэзии, а именно жанра древнеанглийской элегии: предметы не просто говорят о своей функции, они испытывают целый спектр эмоций, часто негативных – они жалуются на физические увечья, тоскуют по утраченной свободе [6, p. 416]. При этом некоторые исследователи полагают, что «персонификация объектов, встречающихся в загадках, была следствием англосаксонской эпиграфики (надписей на предметах), поскольку некоторые

надписи также были составлены от первого лица самого предмета» [6, p. 416]. Хотя персонификация была древней чертой загадки, она не была распространена в устной традиции, так как в жизни неудобно загадывать загадку, написанную от первого лица предмета. Поэтому можно сделать вывод, что прием просопопеи относится в основном к литературным загадкам [6, p. 417].

Исследуемый материал представлен корпусом древнеанглийских загадок из “Exeter Book”, в которых реализуется прием персонификации. Этот кодекс X века представляет собой подлинную сокровищницу и образец каллиграфического искусства, написанный рукой одного писца. Однако тексты в нем так перемешаны, из-за чего границы стихотворений часто размыты, а их общее число можно определить лишь условно [4, с. 240]. Общее количество анализируемых единиц составляет 8. В рамках исследования представляется целесообразным классифицировать загадки по типу обозначаемого объекта. В результате анализа были выделены четыре лексико-семантические группы: «Сельскохозяйственные орудия», «Оружие и военное дело», «Предметы быта» и «Природные явления и стихии».

Первая лексико-семантическая группа называется «Сельскохозяйственные орудия». Она выделяется по признаку входящих в нее слов для обработки земли и ведения сельского хозяйства. Рассмотрим проявление персонификации в загадке о плуге. Уже с самого начала предмет наделяется зооморфными чертами, а именно птичьим клювом, направленным к земле: *Neb is min niþerweard, neol ic fere...* [9] / ‘My beak is bent to the base of things – I go downwards...’ [8] / ‘Мой клюв опущен, я двигаюсь вниз...’. Зооморфная природа инструмента показана также через описание его работы, где орудие наделяется челюстью и зубами: *...þæt ic toþum tere* [9] / ‘...what I tear toothfully’ [8] / ‘что я разрываю своими зубами’. Метафорический образ строит параллель между анатомическим строением живого существа и деталями орудия: клюв ассоциируется с острым наконечником плуга (лемехом), а зубы – с его металлическими резцами. Автор также передает идею о том, что подчинение природы требует силы и даже жестокости.

Особого внимания заслуживает обращение автора к системе социальной иерархии, где орудие ставит условие своему лорду: *...gif me teala þenap hindeweardre, þæt biþ hlaford min* [9] / ‘...if my leader leading from the rear serves me well, then he shall be my lord’ [8] / ‘...если мой управляющий, ведущий сзади, служит мне верно, тогда он будет моим господином’. Как мы видим, отражается идея взаимной ответственности: орудие будет эффективно работать, только если человек тоже достойно выполняет свою часть договора.

В загадке о ткацком станке процесс создания ткани описывается с использованием военной терминологии (в частности, таких лексем, как «боевые шрамы» — *heapoglemma*, «глубокие раны» — *deopra dolga*, и «дротики» — *darofas*). Технический процесс видится нам полем боя, где инструмент и материал предстают участниками сражения: *...heapoglemma feng, deopra dolga. Darofas wæron weo þære wihte...* [9] / ‘...receiving battle-scars, deep wounds. Darts were the demise of this creature...’ [8] / ‘...получая боевые шрамы, глубокие раны. Дротики стали причиной смерти этого существа...’. Челнок станка метафорически уподобляется оружию, наносящему удары, в то время как сама ткань одушевляется и наделяется чертами живого существа, получающего раны в бою. Таким образом, процесс текстильного производства описывается через разрушение и агрессию. Это связано с тем, что ткачество требует сильного натяжения нитей и резких ударов челнока. Кроме того, сравнение со сражением помогает возвысить рутинный труд, демонстрируя его значимость.

Далее в тексте антропоморфные черты приписываются подвижным механизмам станка: *Hyre fota wæs biidfast ofer, ofer bisgo dreag...* [9] / ‘One of its feet was forced to stand, the other labored busily...’ [8] / ‘Одна из его ног вынуждена была стоять, другая же усердно трудилась...’. Под «ногами» инструмента подразумеваются педали ткацкого станка, с помощью которых ткач приводит станок в движение,

управляя образованием зева (просвета между нитями основы). Подобное сравнение позволяет представить работу механизмов через призму человеческой анатомии.

Вторая лексико-семантическая группа называется «Природные явления и стихии». Она выделяется по признаку входящих в нее слов, связанных с естественной средой обитания и описания атмосферных процессов. Данная группа отражает специфику восприятия англосаксами природных явлений.

Рассмотрим пример персонификации природных явлений на примере загадки о луне и солнце. В этом тексте процесс смены времени суток рассматривается как непрерывный конфликт двух противоборствующих сторон. Появление месяца на ночном небе описывается через образ воина, возвращающегося из успешного набега: *lc wiht geseah wundorlice hornum bitweonum huþe lædan...* [9] / 'I espied a wondrous creature, sporting his spoils between two horns...' [8] / 'Я видел чудесное существо, несущее добычу между двух рогов...'. В германской традиции свет воспринимался как сакральный дар, удерживающий порядок в мире. Именно поэтому месяц видится захватчиком, который захотел этот дар присвоить себе, чтобы утвердить свою власть.

В то же время восход солнца описывается как ответный удар, разрушающий планы захватчика: *Ða cwom wundorlicu wiht ofer wealles hrof... ahredde þa þa huþe, ond to ham bedraf wreccan ofer willan...* [9] / 'Then came another amazing thing over the roofing cliffs... then she recovered all that booty, and hurried him homewards, the wretch against his will...' [8] / 'Затем пришло другое удивительное существо поверх нависающих скал... она отбила ту добычу и погнала его домой, изгнанника, против его воли...'. Солнце персонифицируется как более сильная воительница, восстанавливающая порядок на небе. Она отбирает украденный свет и изгоняет луну. Луна лишается не только своей добычи, но и права находиться на небе, становясь изгнанником.

Завершает анализ данной группы загадка об огне. В отличие от солнца или луны огонь представляет собой стихию, которую человек может частично контролировать. Именно поэтому процесс извлечения огня описывается через метафору рождения: *Wiga is on eorþan wundrum acenned... of dumbum twam...* [9] / 'A warrior wondrously conceived on earth... from the speechless pair...' [8] / 'Воин, чудесным образом рожденный на земле... от немой пары...'. Камни наделяются статусом родителей, а сама искра персонифицируется как воин. Огонь рождается воином, что подчеркивает его разрушающую силу с самого начала.

Процесс поддержания огня в домашнем очаге переводится в особую систему иерархических отношений: *Forstrangne oft wif hine wrið; he him wel hyreð... fedað hine fægre...* [9] / 'Often a woman wraps him up, very strong... he obeys them well... if they feed him fairly...' [8] / 'Часто женщина укутывает его, очень сильного... он хорошо повинуетсЯ им... если они кормят его справедливо...'. Огонь соглашается повиноваться человеку, только если тот выполняет свои условия договора, а именно регулярно его кормит. Здесь можно заметить параллель с загадкой о плуге, где он тоже признает власть хозяина, только если он «служит верно».

Третья лексико-семантическая группа называется «Предметы быта». Она выделяется по принципу входящих в нее предметов, относящихся к сфере домашнего обихода. Разберем пример персонификации на примере загадки о ключе. В данном тексте процесс металлообработки показывается через процесс насилия и нанесения увечий: *Min heafod is homere gefuren, searopila wund, sworfen feole...* [9] / 'Head beaten by hammers, wounded by worming tools, shaped by the file...' [8] / 'Голова, избитая молотами, израненная сверлящими инструментами, оформленная напильником...'. Инструмент наделяется характеристиками живого существа, у которого есть голова, а сам процессковки описывается через страдание материала, то есть только пройдЯ через определенные пытки, кусок металла может превратиться в ключ. Ключ также выступает в роли преданного стража: *...þæt mines frean mod ƿ freoþað middelnihtum...* [9] / '...what guards

the heart's delight for my master at midnight...' [8] / '...что охраняет радость сердца для моего господина в полночь...'. Как и в случае с сельскохозяйственными предметами, ключ является объектом, прислуживающим своему господину. Таким образом, можно сделать вывод, что подобные иерархичные отношения подчеркивают верность предметов своему хозяину и желание обслуживать его жизнь. В данном же случае неживой объект гарантирует безопасность внутреннего пространства дома.

Рассмотрим пример просопопеи в загадке о печи. С самого начала предмет наделяется физическими и интеллектуальными недостатками: *Ic wat eardfæstne anne standan, deafne, dumban... eorþ unwita...* [9] / 'I know of a lonely thing, standing fixed to the earth, deaf and speechless... dark, unwitting...' [8] / 'Я знаю одинокое существо, стоящее неподвижно на земле, глухое и немое... темный дурак...'. Физическая неполноценность выражается в неспособности объекта слышать и говорить, а интеллектуальная подчеркивается характеристикой «темный дурак». Печь представляется примитивным существом, чья жизнь полностью зависит от человека, который им управляет. Процесс растопки печи описывается через метафору поедания: *...se oft dæges swilgeð þurh gopes hond gifrum lacum... sendeð oþre under goman him...* [9] / '...who often swallows daily by a servitor's hand useful gifts... sends others into its jaws...' [8] / '...которое ежедневно проглатывает из рук слуги полезные дары... отправляет в его пасть других...'. Под «другими» подразумевается тесто. Также прослеживается скрытая смена ролей. Печь стоит на месте, в то время как человек вынужден прислуживать ей, постоянно удовлетворять голод неживого объекта.

Подобный мотив зависимости человека от бытовых предметов и стихий не уникален и прослеживается в других загадках Эксетерской книги. Эта идея перекликается с ранее рассмотренной загадкой о плуге, где орудие заявляет, что признает власть хозяина, только если тот «служит ему верно» (*gif me teala þenaf*). Схожая мысль поднималась и в загадке об огне, где стихия готова повиноваться только в том случае, если ее справедливо кормят (*fedað hine fægre*). Таким способом авторы высказывают мысль о том, что для того, чтобы подчинить себе материальный мир, человеку необходимо стать его слугой.

Четвертая лексико-семантическая группа называется «Оружие и военное дело». Она выделяется по принципу входящих в нее предметов, относящихся к сфере воинского ремесла, экипировки и боевых действий. Поскольку для англосаксонского общества война имела первостепенное значение, предметы вооружения часто наделяются особым благородством и трагизмом. Открывает анализ группы загадка о щите. В этом тексте предмет предстает трагической фигурой раненого бойца. С первых строк щит заявляет о своем физическом и моральном истощении: *Ic eom anhaga iserne wund, bille gebennad, beadoweorca sæd...* [9] / 'Lone-dweller I am, injured with iron, battered by the blade – I've had my fill of battle-works...' [8] / 'Я одинокий странник, израненный железом, избитый клинком – я сыт по горло делами битвы...'. Как и луна, становящаяся изгнанником (*wrecca*), щит одинок в своих страданиях и оторван от мирной жизни. Вражеские мечи описываются через метафору нападения: *...ac mec hnossiað homera lafe, heardecg heoroscearp, hondweorc smiþa, bitað in burgum...* [9] / '...legacies of the hammer should beat upon me, hard-edged, slicingly sharp, handiwork of smiths – they bite me upon the battlements...' [8] / '...но меня бьют наследия молотов, с твердыми краями, смертоносно острые, ручная работа кузнецов... они кусают меня в зубчатых крепостях...'. Здесь можно провести параллель с ранее упомянутой загадкой о ключе, где также фигурирует образ кузнеца. Ключ также жаловался на побои «Голова, избитая молотами» (*Mip heafod is homere gefuren*), но если для ключа удары молота означали процесс создания, то для щита несут лишь разрушение. В отличие от воина, щит лишен возможности на спасение: *Næfre læsecynn on folcstede findan meahte, þara þe mid wirtum wunde gehælde...* [9] / '...never able to locate a healing tribe who might in the houses of men wind my wounds with herbs...' [8] / '...И никогда не мог найти лекарей в поселениях людей, которые бы исцелили мои раны травами...'. Щит обречен служить до полного уничтожения. Если

плуг, печь и огонь служили человеку, требуя взамен ухода, то щит демонстрирует абсолютную жертвенность, отдавая человеку свою «жизнь».

Иной тип персонификации представлен в загадке о мече. Если щит описывался как измученная жертва, то меч выступает в роли успешного воина. Предмет наделяется социальным статусом искусного воина, которого лорд щедро награждает за службу: *Cyning mec gyrweð since ond seolfre ond mec on sele weorþað... þær hy meodu drincað* [9] / 'A king decorates me with treasure and with silver and worthies me in the hall... where they are drinking mead' [8] / 'Король украшает меня сокровищем и серебром, и чтит меня в зале'. Инструмент войны здесь предстает полноправным участником пиров, что позволяет нам понять важность войны в англосаксонском обществе.

Просопопея также выходит за рамки воинского долга и затрагивает физиологическую сферу. Меч жалуется на вынужденное безбрачие и невозможность иметь потомство: *Ic wiþ bryde ne mot hæmed habban... forþon ic brucan sceal on hagostealde hæleþa gestreona* [9] / 'I am not allowed have [intercourse] with any woman... Therefore I must brook in bachelorhood the hoardings of heroes' [8] / 'Мне не позволено вступать в связь с женщиной... поэтому я должен сносить сокровища героев в холостячестве'. Абсолютная преданность лорду требует от меча высшей жертвы в виде отказа от собственного счастья. Таким образом, меч наделяется человеческой тоской, становясь вечным заложником своего воинского долга.

Далее меч сетует на ненависть со стороны женщин, для которых оружие выступает символом горя и вдовства: *Oft ic wirum dol wife abelge... heo me wom spreceð, floceð hyre folmum, firenaþ mec wordum...* [9] / 'Often I, daffy in decoration, exasperate a woman... She speaks slander of me, flogs me with her fists, abuses me wordfully...' [8] / 'Часто я, ослепленный украшениями, злю женщину... она говорит обо мне дурно, бьет меня кулаками, оскорбляет словами...'. Инструмент смерти пользуется почетом на пирах лорда, но приносит лишь слезы и одиночество в семейный очаг, подчеркивая противоречивость и трагизм англосаксонской культуры войны.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что прием персонификации в древнеанглийских загадках выходит за рамки простого развлекательного элемента. Через эти загадки транслируются базовые ценности и страхи средневекового общества. Главной моделью для описания отношений, будь то отношения пахаря и плуга, кузнеца и ключа, лорда и его меча, становится тема взаимной ответственности, где инструмент не будет правильно работать, пока человек не будет выполнять часть своих обязанностей. Инструмент разрушения (меч) страдает от одиночества, процесс ткачества уподобляется полю боя. Этот постоянный конфликт войны и мирной жизни, живого и мертвого отражает мышление англосаксов, для которых любой предмет обладал собственной историей, волей и душой. Давая голос немому железу, дереву и силам природы, авторы загадок позволили нам как читателям прожить судьбу данных предметов.

Литература:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
2. Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18, № 1. С. 33-46.
3. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 399 с.
4. Смирницкая О. А., Тихомиров В. Г. Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. 320 с.
5. Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/Exeter-Book> (дата обращения: 28.03.2026).
6. Laird C. S. The Poetic Tradition of Anglo-Saxon Riddles: PhD dissertation. University of Toronto,

2021. P. 670.

7. Maranda E. K. *The Logic of Riddles // Structural Analysis of Oral Tradition* / ed. by P. Maranda, E. K. Maranda. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971. P. 189-232.

8. The Phoenix [Электронный ресурс]. URL: <https://oldenglishpoetry.camden.rutgers.edu/exeter-book-riddles/> (дата обращения: 04.04.2026).

9. The Riddle Ages [Электронный ресурс]. URL: <https://theriddleages.bham.ac.uk/> (дата обращения: 04.04.2026).

Анчукова Н.И.

кандидат психологических наук,

доцент кафедры психологии и спорта

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»

e-mail: anchukova2016@mail.ru

Anchukova N.I.

Candidate of Psychological Sciences,

Associate Professor in the Department of Psychology and Sport

Far Eastern State Transport University

ВИКТИМНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимосвязи типа виктимного поведения и проявлений религиозности у молодых людей. Автор выдвигает предположение о том, что условия современной жизни могут способствовать повышению уровня тревожности и психологическому неблагополучию общества в целом. В связи с этим, намечается тенденция виктимизации молодых людей и их обращение к религии, к духовному поиску. Выводы проведенного эмпирического исследования показывают неоднозначность и специфику взаимосвязи между типом виктимности и стремлением к религии. Респонденты со средним уровнем виктимности оказались наиболее склонными к религиозности. При этом, у данных респондентов доминировали активные, агрессивные формы виктимного поведения, что может указывать на их глубокие переживания экзистенциального внутреннего конфликта.

Ключевые слова: виктимность, религиозность, виктимизация, личность, виктимное поведение.

VICTIMHOOD OF THE INDIVIDUAL IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF DETERMINING RELIGIOSITY

Abstract. This article examines the relationship between types of victimisation and manifestations of religiosity among young people. The author posits that the conditions of modern life may contribute to increased levels of anxiety and psychological distress within society as a whole. In this context, there is a growing trend towards the victimisation of young people and their turn to religion and spiritual seeking. The findings of the empirical study reveal the complexity and specific nature of the relationship between the type of victimisation and religious inclination. Respondents with a moderate level of victimisation proved to be the most inclined towards religiosity. At the same time, active, aggressive forms of victimised behaviour were predominant among these respondents, which may indicate their deep experience of an existential internal conflict.

Keywords: victimhood, religiosity, victimisation, personality, victim-like behaviour.

Жизнь человека в эпоху цифровых технологий и социальных кризисов метафорически можно представить как прохождение через «зону высокой турбулентности», которое сопровождается бурным потоком информации и социально-политическими и экономическими потрясениями. Следуя концепции социальной регрессии М. Боуэна, нестабильность социальных процессов порождает низкий уровень психологической дифференциации в обществе [6]. В связи с этим, для современной молодежи характерными становятся такие явления, как эмоциональная нестабильность, негативизм и агрессия, ощущение экзистенциального вакуума и пессимизм относительно будущего. Результаты

социологических исследований указывают на повышение уровня криминогенности общества, и как следствие, нарастание процесса виктимизации. Экзистенциальные вопросы выживания в современной реальности затрагивают практически каждого молодого человека, но далеко не у всех находятся личностные ресурсы для позитивного решения этих вопросов. Тревожность и ощущение хаоса, с одной стороны, может способствовать развитию адаптивного потенциала личности и росту субъектности, с другой стороны, направить человека на путь поиска духовной опоры и защиты для преодоления негативных переживаний. В качестве такой опоры многие выбирают религию. Особое значение среди эмоций, обуславливающих религиозность личности, имеет страх смерти и небытия. Сам по себе процесс умирания, причиняющего много физической боли и духовных страданий, тяжелые переживания, связанные с потерей родных, близких, друзей и т.д. оказывают сильное гнетущее влияние на психику индивида. Ощущение собственного бессилия и отчаяния приводит к необходимости обретения некоего духовного обоснования смысла бренности материального бытия в виде веры в бессмертие души, в посмертное продолжение цикла существования.

В связи с этим, представители экзистенциального направления в психологии (Р. Мэй, И. Ялом, В. Франкл) рассматривают обращение к религии как механизм защиты от экзистенциального конфликта, связанного с переживанием неизбежности смерти, тревоги и безнадежности [5]. В своей работе Д. В. Ольшанский отмечает, что психологическую почву религии образуют сильные, устойчивые отрицательные эмоции - страх, зависимость, страдание, отчаяние и др. [4]. В исследованиях с. С. Малявиной, посвященных детерминации религиозности, подчеркивается, что данный феномен не может рассматриваться в отрыве от личностных качеств, особенностей мышления и поведения [3]. Все это обуславливает актуальность и возможность эмпирического изучения религиозности во взаимосвязи с различными характеристиками личности. В данном случае, особый интерес приобретает проблема исследования виктимности личности в качестве возможной детерминанты обращения к религии. По сути, виктимность индивида определяется как потенциальная способность личности, с одной стороны, создавать ситуации определенного рода (активный характер проявления виктимности), с другой стороны, принимать на себя роль жертвы, переживая при этом весь спектр негативных переживаний страха, отчаяния и беспомощности (пассивный характер) [2]. Предположительно, именно пассивная жертвенность может проявляться в виде идеологических жизненных позиций и убеждений религиозного человека, например, связанных с религиозно-нравственными предписаниями: прожить жизнь в страданиях, чтобы очистить душу и тело от грехов и стать праведным.

Целью нашего исследования стало изучение характера взаимосвязи между типом виктимности личности и отношением к религии у молодых людей.

В данном эмпирическом исследовании, в качестве основных методик мы использовали «Тест на религиозность» Ю. В. Щербатых; опросник «Склонность к виктимному поведению» О. О. Андронниковой [1].

Эмпирическая база исследования: 40 человек мужского и женского пола в возрасте от 18 до 25 лет.

По результатам методики "Склонность к виктимному поведению" О. О. Андронниковой выборка была поделена на 3 группы в соответствии с уровнем выраженности виктимности. Группа 1 – 70% респондентов от всей выборки характеризуются низким уровнем реализованной виктимности. Это говорит о том, что виктимное поведение реализуется в жизни респондентов достаточно редко, поскольку они стараются избегать критических ситуаций. Наиболее выраженными шкалами внутри данной группы являются «инициативный тип» и «некритичный тип». Данные показатели по шкалам являются средними, однако, в рамках результатов первой группы, они являются доминирующими. Такое сочетание типов говорит о том, что респонденты первой группы могут вовлекаться в различные ситуации, где присутствует несправедливость по отношению к кому-то, проявляя как желание помочь другому в беде,

так и корыстные, прагматичные интересы. При этом, вовлекаясь в подобные опасные ситуации, респонденты недостаточно критично оценивают реальную угрозу их жизни, здоровью и имуществу. Следует отметить, что показатели по названным шкалам в общем находятся на среднем уровне, что означает умеренный, ситуативный характер их проявления в жизни респондентов первой группы. Наименее выраженными шкалами в первой группе являются «агрессивный тип» и «активный тип» виктимности. Вероятно, респондентам первой группы удастся экологично, грамотно и без вреда для себя и окружающих защищать свои интересы, им не свойственно намеренно вовлекаться в опасные для них ситуации.

Средний уровень виктимности (группа 2) набрали 20% респондентов от общей выборки. Представители данной группы могут попадать в критические, сложные, возможно, опасные ситуации, но также могут и избегать их, если этого требует ситуация. На верхней границе нормативности находятся показатели активного и агрессивного типа виктимности. Это может означать, что респонденты второй группы, в зависимости от ситуации, могут быть инициаторами конфликтных ситуаций, но при этом могут тут же занимать позицию жертвы, перенаправляя конфликт и агрессию в свою сторону, тем самым манипулируя. Высокие показатели по шкале «некритичный тип» могут свидетельствовать о неосознаваемости данного паттерна поведения. На умеренном уровне представлены показатели шкал «инициативный» и «пассивный тип». Вероятно, респондентам второй группы в основном не свойственно вмешательство в каждый конфликт, который не затрагивает их личные интересы. В целом, относительно низкие значения по шкале «пассивный тип» подкрепляют высокие значения шкалы «активный тип». Также полагаем, что умеренные значения по шкале «пассивный тип» могут быть связаны с наличием или отсутствием личностных ресурсов для оказания сопротивления в опасной ситуации.

Группа 3 - 10% респондентов от общей выборки показали высокий уровень выраженности виктимности. Это означает, что испытуемые достаточно часто попадают в неприятные или даже опасные для здоровья и жизни ситуации. Вероятно, причиной этого является внутренняя предрасположенность и готовность личности действовать определенными, ведущими в индивидуальном профиле способами. Чаще всего это – стремление к агрессивному, необдуманному действию спонтанного характера.

Среди показателей третьей группы наиболее выраженными шкалами являются инициативный, пассивный тип и агрессивный типы виктимности. Предположительно, респонденты данной группы имеют потенциальную предрасположенность попадать в неприятности, и при этом, сами могут быть зачинщиками конфликтов и других опасных ситуаций. Однако, вследствие конфликта, находясь в позиции жертвы, для них характерно не оказывать сопротивления, находясь в состоянии ступора и шока.

По результатам методики "Тест на религиозность" Ю. В. Щербатых показатели группы 1 (низкий уровень виктимности) в целом по всем шкалам методики ниже, чем у других групп, за исключением шкалы «религия как образец морали», это означает, что для первой группы религия является морально-нравственным ориентиром, им более свойственно придерживаться религиозных заповедей и других морально-этических принципов, чем другим двум группам. Если рассматривать специфику проявлений религиозности в этой группе, то стоит отметить, что наиболее выраженными шкалами оказались «поддержка как склонность и утешение» и «отношение к религии». В рамках методики, такие показатели по шкалам являются средними и могут говорить о том, что у респондентов есть тенденция относиться к миру с позиции идеалистической философии, при этом в религии они могут искать поддержку и утешение. Это может значить, что религия выступает для них в качестве ресурса и подтверждает, что первой группе в целом свойственно верить в высшие силы. Низкие показатели выявлены по шкале «внешние признаки религиозности». Это означает, что данная группа не уделяет внимания таким внешним признакам религиозности как ношение религиозной символики, соблюдение религиозных традиций и праздников.

Для второй группы наиболее выраженными шкалами являются: «отношение к религии», «отношение к магии», «поддержка и утешение», «тенденция верить в творца». Такие высокие показатели означают, что данной группе характерна вера в мистику и высшие силы, скорее им свойственно магическое мышление. Они также могут обращаться к высшим силам в кризисные и тяжелые моменты. Низкие показатели по шкалам «внешние признаки религиозности» и «религия как образец морали» говорят о том, внешняя атрибутика и моральные принципы религии не являются для них определяющими в жизни. Интересно, что респонденты группы 2 (средний уровень виктимности) отличаются от других более высокими показателями таких шкал, как: «отношение к религии» «отношение к магии» «поддержка и утешение» «интерес к псевдонауке», «тенденция верить в творца» «религиозное самосознание». Исходя из этого можно сделать вывод: при большей религиозности, в сравнении с первой и третьей группой, религия для второй группы выступает больше не в качестве жизненного ориентира в плане морали и нравственности, а в качестве ресурса, что подтверждают высокие значения.

Третья группа набрала относительно высокие показатели внутри группы и средние в рамках всей выборки по таким шкалам, как: «отношение к религии», «поддержка и утешение», «интерес к псевдонауке». Такие результаты говорят о том, что у респондентов данной группы наблюдается интерес к явлениям, которые недоступны знанию, и предполагают только веру в данные явления, однако такая заинтересованность не становится значимой частью жизни. Для данной группы также характерно обращение к религии как ресурсу, который дает поддержку, надежду и утешение, но не более. В сравнении с остальными группами, третья группа набрала больше баллов, чем остальные по шкале «внешние признаки религиозности». Такие результаты дают нам предположить, что религиозность респондентов группы 3 имеет только внешний характер, как атрибут повседневной жизни, отражающий определенную приверженность к традициям и обрядам религиозного культа. Поскольку в данной работе религиозность подразумевает под собой не только внешние признаки, а преимущественно – веру в существование высших сил, можно утверждать, что респондентам с высоким уровнем виктимности религиозность не свойственна.

Исходя из результатов методики «Тест на религиозность» Ю. В. Щербатых, более религиозной является вторая группа со средним уровнем виктимности. Однако, хочется отметить, что при достаточно высоких показателях религиозности, в случае со второй группой, проявления религиозности больше выражены в вере, а особенно в поиске поддержки и утешения.

Первая и третья группы не показали высоких результатов относительно религиозности, однако, если сравнить первую и третью группу в рамках данной методики, то можно сказать, что группа с низким уровнем виктимности более религиозна, чем третья – с высоким уровнем.

По итогам корреляционного анализа (коэффициент Спирмена) получены следующие выводы:

выявлена обратная взаимосвязь между шкалой «поддержка и утешение» и «агрессивный тип» ($r=-,551^*$; $p \leq 0,01$), которая свидетельствует о том, что при выраженном агрессивном типе виктимного поведения, снижается тенденция обращения к религии в поисках поддержки и утешения и наоборот;

шкала «инициативный тип» положительно взаимосвязана со шкалами «религиозное самосознание» ($r=,490^*$; $p \leq 0,01$) и «религия как образец морали» ($r=,481^*$; $p \leq 0,01$). Данная взаимосвязь представляет интерес. Это означает, что чем выше уровень инициативного виктимного поведения, тем более выражена потребность в религиозности и отношение к религии как к образцу морально-этических принципов и наоборот. Можно предположить, что эта тенденция проявляется стремлении личности добиваться справедливости и соблюдения морально-нравственных принципов любых ситуациях, независимо от степени риска и угроз, тем самым создавая конфликты и невольно обрекая себя на роль жертвы. Таким образом, итоги исследования показали, что различные проявления религиозности у молодых людей определяются не столько степенью виктимности, сколько ее качественными

характеристиками. В целом, для молодых людей именно со средним уровнем виктимности отмечается выраженная склонность обращения к религии, при этом наиболее характерными для них стали агрессивные и активные формы виктимного поведения. Вероятно, такие особенности могут указывать на наличие глубокого неосознаваемого экзистенциального конфликта, требующего более пристального изучения в контексте проблемы детерминации религиозности.

Литература:

1. Андронникова, О. О. Разработка и апробация методики диагностики интегративных признаков виктимности / О. О. Андронникова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — Т. 13, № 4. - URL: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN425.pdf>.
2. Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы / И. Г. Малкина-Пых. - СПб.: Питер. - 2021. - 832 с.
3. Малявина, С. С. Религиозность личности: поиск структуры и содержания / С. С. Малявина // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. — 2017. — Вып. 45. — С. 92–105.
4. Ольшанский Д. В. Психология масс. — СПб.: Питер, 2002. — 368 с.
5. Ялом, И. Д. Экзистенциальная психотерапия / Ирвин Д. Ялом; [пер. с англ. Т. С. Драбкиной]. — М.: Независимая фирма «Класс», 2019. — 576 с.
6. Bowen, M. Family therapy in clinical practice New York: Jason Aronson, 1978 - P. 269–282.

Вафин Р.Р.

магистрант

кафедра религиоведения

Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

e-mail: renatin@mail.ru

Vafin R.R.

Master Student

Department of Religious Studies

Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications

Kazan (Volga Region) Federal University

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДОЗВОЛЕННОСТИ РАЗВЛЕЧЕНИЙ В ИСЛАМСКОЙ ТЕОЛОГИИ: ФАКТОРЫ РАСХОЖДЕНИЙ

Аннотация. В статье даётся анализ причин расхождений в интерпретации предписаний относительно дозволенности развлечений в исламе. В качестве примера выделены два фактора: интерпретационный (различное понимание и толкование 6 аята суры «Лукман» (Коран 31:6) и хадиса «о ма'азиф» (о музыкальных инструментах) и антропологический (индивидуальные особенности мышления и личностные характеристики). В статье делается вывод о том, что разность мнений в исламе можно объяснить не только различиями в толковании священных текстов, но и природными склонностями человека.

Ключевые слова: ислам, дозволенность развлечений, музыка, интерпретация, хадис о ма'азиф, сура Лукман, герменевтика, антропология, презумпция дозволенности.

MAIN DIRECTIONS OF INTERPRETATION OF THE PERMISSIBILITY OF ENTERTAINMENT IN ISLAMIC THEOLOGY: FACTORS OF DISCREPANCIES

Abstract. The article gives an analysis of the reasons for divergences in the interpretation of prescriptions regarding the permissibility of entertainment in Islam. As an example, two factors are highlighted: the interpretational one (different understanding and interpretation of the 6th verse of Surah "Luqman" (Quran 31:6) and the hadith "about ma'azif" (about musical instruments) and the anthropological one (individual traits of thinking and personality characteristics). The article makes a conclusion that the difference of opinions in Islam can be explained not only by differences in the interpretation of sacred texts, but also by natural inclinations of a human.

Keywords: Islam, permissibility of entertainment, music, interpretation, hadith on ma'azif, Surah Luqman, hermeneutics, anthropology, presumption of permissibility.

Введение

В мусульманской среде, как среди богословского сословия, так и среди рядовых верующих, отношение к одним и тем же проявлениям досуга и развлечений проявляется по-разному, начиная с момента основания религии Ислам. Мнения варьируются от полного запрета, до почти полной дозволенности. [3] Это такие способы отдыха, как музыка, различные театрализованные представления, физкультура и спорт, которые становились предметом дискуссий во времена раннего ислама. Позже уже

в XX-XXI веках к этому списку добавились такие виды развлечений и досуга, как кинематограф, видеоигры, социальные сети.

Однако надо отметить, что отношение к обозначенным проявлениям, аспектам жизни, диктуется не только положениями и фетвами разных богословско-правовых школ и конкретных богословов. Хотя мнение авторитетных мусульманских ученых играет далеко не последнюю роль в формировании мнения относительно дозволенности того или иного вида досуга, нельзя сбрасывать со счетов факторы, самые заметные и обсуждаемые из которых мы постараемся разобрать в настоящей статье.

Итак, определим два крупных блока оказывающих влияние на создание мнения относительно разрешенных видов развлечений. Первый блок связан с методами толкования священных текстов, и для его применения нужен соответствующий бэкграунд, соответствующее образование или подготовка. Второй блок — это подход, объясняющий разность мнений, основываясь на природных качествах человека, его потребностях и склонностях.

Иными словами, целью данной статьи является разбор основных факторов, которые влияют на расхождение оценок в вопросах дозволенности тех или иных видов развлечений. Если говорить совсем просто — почему одни и те же виды развлечений оцениваются по-разному.

Ключевые священные тексты как основа дискуссии

Итак, разберем дискуссии на примере такого вида досуга как музыка (вокал). Здесь дискуссии сосредоточены вокруг двух моментов: это 6 аят суры Лукман (Коран 31:6) и хадис о ма'азиф. Камень преткновения, споры, разночтения и, как следствие разные мнения, основаны на их толковании и интерпретации.

В шестом аяте суры Лукман говорится: «Среди людей есть такой, который покупает потешные речи, чтобы сбивать других с пути Аллаха без всякого знания, и высмеивает их. Таким уготованы унижительные мучения.» [7]

Часть богословов (как, например, Ибн Касир) склонны придерживаться мнения, что под фразой **لَهْوُ الْحَدِيثِ** (Ляхуа-ль-хадис), что дословно переводится как «забавная речь» или «потешная речь» имеются в виду песни. Эти богословы опираются в основном на мнение одного из первых толкователей этого аята, сподвижника Пророка Мухаммада Абдуллаха ибн Масуда, слова которого приводятся в тафсире Ибн Касира: «Клянусь Аллахом, речь идёт о пении» [6].

Другая часть богословов, например, Абу Джафар ат-Табари, придерживается подхода, подразумевающего контекстуальный и более широкий подход. Он указывает, что аят был ниспослан Пророку Мухаммаду в связи с конкретным прецедентом — действиями некоего Ан-Надра ибн аль-Хариса, который рассказывал мифы и легенды других народов, стараясь отвлечь аудиторию от аятов Корана. Также в преданиях говорится о том, что аль-Харис отправлял интересующимся исламом рабынь-певиц, чтобы те кормили их, поили вином и пели, отвлекая от религии. [2]

Теперь про хадис о ма'азиф. В сборнике «Сахих аль-Бухари» (5590) приводится, что Пророк Мухаммад сказал: «Обязательно появятся люди из (числа членов) моей общины, которые станут считать дозволенным прелюбодеяния, (ношение) шёлка, (употребление) вина и (использование) музыкальных инструментов.» [5]. Этот хадис — главный аргумент сторонников строго запрета на музыку. Тем не менее, если говорить упрощенно, существует два разных взгляда на дозволенность музыкальных инструментов. Сторонники запрета опираются на то, что музыкальные инструменты **مَعَازِف** (ма'азиф) в указанном хадисе упоминаются в одном ряду с прелюбодеянием и алкоголем, однозначно запрещенными. Сторонники более умеренного взгляда, например ибн Хазм (который известен следующей позицией: он призывал каждого мусульманина самостоятельно искать доказательства в первоисточниках), считали, что слушание музыки и игра на инструментах являются дозволенными, если они не отвлекают от обязательств перед Аллахом. [12]

Таким образом, несмотря на явное превалирование сторонников запрета, позиции относительно дозволенности музыки и музыкальных инструментов являются далеко не однозначными.

Принцип изначальной дозволенности как основа толкования

В исламе существует принцип презумпции дозволенности, это правило называется Аль-а́слию филь-ашья́'и-ль-ибáха الْأَصْلُ فِي الْأَشْيَاءِ الْإِبَاحَةُ (араб). Иными словами, всё дозволено, если нет категорически прямого запрета в Коране или достоверных хадисах, Сунне. Этот принцип занимает важное место во всех четырех мазхабах суннитского ислама. Хотя ради академической точности нужно сделать поправку — этот принцип касается аспектов, относящихся к бытовой, мирской жизни. Относительно аспектов религиозного поклонения действует обратное правило. Но к теме статьи прямого отношения это не имеет.

Итак, вернемся в наше исследовательское поле. Мы разбираем разное отношение к вопросу дозволенности и запрета на примере музыки и пения. Сторонники строгого запрета полагают, что принцип изначальной дозволенности тут не работает, поскольку запрет уже установлен — в хадисе о ма'азиф музыкальные инструменты упомянуты наравне с вином и прелюбодеянием. Сторонники умеренной позиции смотрят на вопрос иначе - учитывая контекст и влияние музыки на человека. Этот подход описан в труде «Воскрешение наук о вере» имама Абу Хамида аль-Газали [1]. Он писал, что дозволенность музыки зависит от нескольких условий, в том числе содержания песен и того влияния, которое музыка оказывает на человека. [1, 10] Такой подход подразумевает, что музыка сама по себе нейтральна и не может быть однозначно запретной. То есть сторонники умеренной позиции придерживались мнения, что хадис о ма'азиф не содержит абсолютного запрета на всю музыку. Поэтому, пока нет доказанного прямого и безусловного запрета, действует принцип изначальной дозволенности [4].

Природа человека как фактор расхождений

В исламских сакральных источниках есть положения, истории и предписания, которые являются основой для признания права человека на отдых, отвлечение и психоэмоциональную разрядку. Это и хадис об играх эфиопов, и история про пение девушек с бубном в доме у Пророка и отношение Пророка к спортивным состязаниям [5]. Сюда же можно отнести хадис про Ханзала «время [для одного], и время [для другого]» [5]. Эти тексты создают пространство для развлечений, которые не нарушают религиозных предписаний.

Но тем не менее, у каждого человека есть свой, присущий ему склад характера и тип мышления, на которые не в последнюю очередь влияют воспитание и жизненный опыт. И в силу этого формируется разная предрасположенность к контекстуальному анализу. Одни склонны к черно-белому подходу, который не предполагает наличия полутонов. Такой подход удобен четким разделением на можно-нельзя, хорошо-плохо, халяль-харам. Это формирует понятный мир, без сложного каждодневного выбора между двумя полюсами и компромиссных решений. Другие наоборот — имеют склонность глубоко анализировать, уходить в рефлексию относительно каждого шага, каждой ситуации и возможных последствий. Надо отметить, что чистых проявлений описанных типов мало — мы здесь намеренно, для наглядности, берем крайние проявления свойств личности. И эти факторы, эти различия во взглядах на жизнь и, соответственно, разные подходы к осмыслению окружающей действительности и выбору методологических инструментов для осмысления аспектов действительности и влияют в конечном счете на то, какие позиции в отношении дозволенности человек считает приемлемыми и каким из имеющихся взглядов придает решающее значение при выборе.

То есть различия в подходах к осмыслению действительности напрямую влияют на то, как тот или иной человек подходит к вопросам дозволенности. В нашем случае к вопросу дозволенности развлечений. Верующий, склонный к бинарному мышлению, с большей вероятностью примет строгую позицию, опирающуюся на буквальное понимание сакральных текстов (например 6 аят суры Лукман).

Для него утверждение «вся музыка — харам» будет окончательным вердиктом. Верующий, предрасположенный к контекстуальному анализу, обратит внимание на тексты, допускающие иное понимание (хадис о поющих девушках в доме у Пророка) или возьмет во внимание принцип изначальной дозволенности всего. [11]

Таким образом, кроме различий в толковании священных текстов, расхождения в оценках дозволенности развлечений можно объяснить и разными антропологическими характеристиками как самих интерпретаторов, так и других членов религиозной общины.

Заключение

Анализ, проведенный в настоящей статье, показывает, что разные оценки в вопросе дозволенности развлечений в исламе объясняются как различиями в методах толкования (понимание ключевых сакральных текстов и принципа изначальной дозволенности), так и природными склонностями человека (такими как индивидуальные особенности мышления). Эти факторы позволяют более полно понять расхождения внутри исламской традиции в вопросах досуга. Выводы данной статьи и предложенную в ней схему можно применить для анализа в вопросах плюрализма мнений в исламской религии, а также для понимания особенностей внутриконфессионального диалога [3, 9].

Литература:

1. Аль-Газали, А. Х. Воскрешение наук о вере (Ихйа улум ад-дин). Избранные главы / пер. с араб., исслед. и коммент. В. В. Наумкина. — М.: Наука, 1980. — 376 с.
2. Ат-Табари, М. Джами' ал-байан 'ан та'вил аййи ал-Кур'ан. — Каир, 2001. — Т. 4. — 722 с.
3. Бауэр, Т. Культура неоднозначности и плюрализма: к другому образу ислама / пер. с нем. И. Г. Соколовская. — М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. — 400 с.
4. Гамзатов, А. А. Положение музыки и пения в шафиитском мазхабе / А. А. Гамзатов, С. И. Сиражудинова // *Minbar. Islamic Studies*. — 2023. — Т. 16, № 3. — С. 683–698. DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-3-683-698.
5. Зубдатуль-Бухари. Сахих аль-Бухари. Краткое изложение / 'Умар Дияуддин ад-Дагестани. — Казань: Хузур, 2020. — 896 с.
6. Ибн Касир. Толкование Корана (Тафсир Ибн Касир): в 4 т. / пер. с араб., коммент. А. А. Шипилиной. — М.: Читай-Умма, 2020. — Т. 3. — 388 с.
7. Калям Шариф. Перевод смыслов Корана / сост. и ред.: экспертная группа под руководством муфтия К. Самигуллина. — Казань: Хузур, 2024. — 652 с.
8. Кильдебаки, Х. Музыка и ислам / пер. на рус. яз. и публ. Л. З. Бородовской и В. Р. Дулат-Алеева // Из истории татарской музыкальной культуры: научные труды Казанской консерватории. — Казань, 2010. — Вып. 2. — С. 100–125.
9. Кынабай, Е. Дискуссии о музыке в мусульманском обществе: историческая преемственность и современные подходы / Е. Кынабай, Д. Шайенов // *Hikmet*. — 2025. — Т. 4, № 6. — С. 30–41.
10. Macdonald, D. B. Emotional Religion in Islam as Affected by Music and Singing. Being a Translation of a Book of the Ihya' 'Ulum ad-Din of al-Ghazzali with Analysis, Annotation, and Appendices // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. — 1901. — Part I: pp. 195–252; Part II: pp. 705–748. — 1902. — Part III: pp. 1–28.
11. Сайфуллина, Г. Р. «Будь осторожен, слушая саз!..» Габаши-богослов о дозволенности музыки в исламе // Музыка. Искусство, наука, практика. — 2012. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bud-ostorozhen-slushaya-saz-gabashi-bogoslov-o-dozvolennosti-muzyki-v-islame> (дата обращения: 19.05.2026).

12. Ибн Хазм. Аль-Мухалля // Цит. по: Аляутдинов, Ш. Р. О соответствии канонам Ислама музыки, музыкальных инструментов и песен [Электронный ресурс] / Ш. Р. Аляутдинов // Духовное управление мусульман Саратовской области: официальный сайт. — URL: <https://dumso.ru/f10> (дата обращения: 19.05.2026).

Толстикова А.А.

магистрант

кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

e-mail: anastasiatolstikova505@gmail.com

Tolstikova A.A.

Master's Student

Department of Documentation and Archival Studies, Faculty of History

Siberian Federal University

ОСОБЕННОСТИ РУССКО-ХАКАССКИХ БРАКОВ ПО ДОКУМЕНТАМ ФОНДА АРХИВА ЗАГС

Аннотация. Межэтнические браки играют значительную роль в формировании культурного ландшафта и социальных отношений в обществе. Они содействуют социальной интеграции, укрепляя связи между различными этническими группами. В результате смешения культур и ценностей люди учатся понимать и уважать друг друга, что способствует социальной гармонии и взаимопониманию и это способствует созданию толерантного общества. Более подробно рассмотреть данное явление представляется возможным на примере взаимоотношений, возникавших на юге Енисейской губернии, где встретились две разные этнические группы со своим бытом, культурой и религией – русским и местным населением, представленным хакасами. Для этого предстоит прибегнуть как к работам этнографов, так и фондам архива ЗАГС, чтобы проверить следующий тезис – возможно ли определение брака межэтническим ли на основе документов ЗАГС.

Ключевые слова: межэтнические браки, межэтнические отношения, социокультурный сценарий, интеграция, ассимиляция, архив, ЗАГС, фонд архива ЗАГС.

PECULIARITIES OF RUSSIAN-KHAKASS MARRIAGES ACCORDING TO DOCUMENTS FROM THE CIVIL REGISTRY OFFICE ARCHIVE

Abstract. Interethnic marriages play a significant role in shaping the cultural landscape and social relations in society. They promote social integration by strengthening ties between different ethnic groups. Through the mixing of cultures and values, people learn to understand and respect each other, which fosters social harmony and mutual understanding, and contributes to the creation of a tolerant society. This phenomenon can be examined in more detail using the example of relationships that arose in the south of Yenisei Province, where two different ethnic groups with their own way of life, culture, and religion—Russians and the local population, represented by the Khakass—met. This study will utilize both ethnographic research and civil registry office archives to test the following thesis: whether it is possible to determine whether a marriage is interethnic based on civil registry office documents.

Keywords: interethnic marriages, interethnic relations, sociocultural scenario, integration, assimilation, archive, civil registry office, civil registry office archive collection.

Брачная традиция в любом из народов вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности носит сакральный характер. Существует великое многообразие дошедших до нас источников, в соответствии с которыми можем установить те или иные особенности брака в разные

временные эпохи. Так или иначе, институт брака, не смотря на свою долгую историю, продолжал совершенствоваться и развиваться. В разных традициях институт брака имел свое обособленное развитие, которому вследствие ряда событий тоже пришлось потерпеть изменения.

История данных взаимоотношений проходит множество разных этапов, среди которых были и условно добрососедские взаимовыгодные, так и откровенно враждебно узурпаторские, которые все же помогли народу Хакасии обрести свою целостность [6, с. 396-401].

Известный хакасский ученый К. М. Патачаков в своей статье «К вопросу о влиянии русской культуры на культуру и быт хакасов в XVIII– XIX веках» подчеркивал: «...русскому влиянию в некоторой степени подверглись также семейнобрачные отношения хакасов. У хакасов семья была моногамной. Брак внутри рода был запрещен. Невесту брали из другого рода. Бытовал калым и приданое. Существовало три формы брака: брак путем сватовства между родителями жениха и невесты, похищение невесты без согласия ее и ее родителей, брак по соглашению невесты, но в тайне от своих родителей. Свадебные процессы сопровождалась различными обрядами, связанными с религиозными представлениями и обычаями семейной жизни. Женщина в семье занимала подчиненное положение, была зависимой от мужа. Ее деятельность ограничивалась домашним хозяйством и воспитанием детей. В общественной жизни женщина не участвовала. Но, благодаря тесному общению с русским народом, у хакасов постепенно исчезали такие старинные обычаи, как принудительная выдача замуж вдовы за младшего брата покойного мужа (левират), браки несовершеннолетних, брак похищением (умыканием) и некоторые другие нормы патриархальной традиции в семье. Большое положительное влияние на улучшение семейно-брачных отношений и домашнего быта имели смешанные русско-хакасские браки. Однако, несмотря на некоторое прогрессивное влияние русской культуры, в семейно-брачных отношениях хакасов, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, сохранялись давно установившиеся патриархальные традиции» [5, с.47-62]

В столь длительном контакте людские взаимоотношения превосходят существующие запреты религии и культуры, и так уже в XIX веке существуют факты не только о межэтнических браках, но и факты существования целых селений «сала хазах» - метисов. [3, с 483.] Постановлением Президиума ВЦИК 14 ноября 1923 г. был образован Хакасский уезд как административно-территориальная единица Енисейской губернии. Таким образом, можно говорить не только об образовании у народов Хакасии определенной государственности, но также и о важном факторе – о формализации и необходимости оформления и закрепления тех или иных процессов. [4, с 23]

В архивных документах и устных преданиях можно встретить множество примеров таких браков, которые свидетельствуют о взаимопроникновении традиций и обычаев двух народов. В частности, известны случаи, когда русские семьи принимали хакасские обычаи, принимая участие в традиционных праздниках и ритуалах. Так свадебные обряды часто объединяли элементы обеих культур: в одних случаях русские молодожены включали хакасские танцы и песни в свои торжества, а в других - хакасы перенимали элементы русских свадебных традиций, такие как выкуп невесты или обряды, связанные с венчанием [1, с. 126].

В соответствии со сложившейся брачной тенденцией по архивным документам сложно однозначно определить однозначную этническую принадлежность лиц, вступающих в брак, однако, прибегая к определенному рода уловкам, данная задача становится несколько проще. Используя совокупность методов, которые применяются в антропонимике, ономастике и этнографии определенные предположения можно делать, основываясь на минимальном количестве информации, а именно: имя, фамилия, отчество, месте и дате рождения.

Основываясь на этих пяти факторах, существует возможность определить этническую принадлежность конкретного человека с высокой вероятностью, так как основные перемещения

различных этнических групп фиксирует в этнографических исследованиях, а в соответствии ономастическими исследованиями можно определить этиологическую принадлежность тех или иных имен или фамилий.

Данные утверждения подкрепляются следующим примером. В метрических книгах обнаружены записи о вступлении в брак Харламова Василия Ильича и Юсуповой Донны Даниловны [7]. В соответствии с ономастическим анализом Харламов Василий Ильич является этнически русским, в то время как Юсупова Донна Даниловна – этническая хакасса. На этот факт указывает происхождение фамилии «Юсупова» – хакасская фамилия, относящаяся к Ачинской этнографической группе. Административным названием данного рода является «Татышев» или «Аара», имеющим в своем подразделении только один подрод – «Мун аара» и насчитывает всего 22 фамилии [2, с. 81].

Это в очередной раз свидетельствует о существовании межэтнических браков на территории нынешней Республики Хакасия, а именно на территории г. Минусинск и его округов. В конкретно данном случае не представляется возможным лишь установить являлась ли чистокровной хакаской Юсупова Донна Даниловна или нет, но это и не будет играть ключевого значения, так как даже если непосредственно она и не являлась таковой, то она являлась ребенком межэтнического брака, что тоже является результатом, попадающим под критерии обсуждаемого нами вопроса, и свидетельствует о фактах наличия межэтнических браках.

Тем не менее, данное утверждение требует практического изучения. В данном направлении требуется проводить планомерную работу, с целью изучения потенциальных кандидатов для проведения опроса и выдвижения дополнительных тезисов в пользу определения истинности утверждения. Работа с фондом архива ЗАГС в данном отношении позволяет лишь установить потенциальных лиц, которые попадают под критерий вступивших в межэтнический брак. Таким образом, лишь работая с документами фонда ЗАГС, представляется построить теоретическую базу, на основании которой можно проводить более детальное и глубокое исследование.

В этом и кроется основная проблема записей, имеющих на тот момент. Нельзя утверждать, что они являются неполноценными, так как данные сохранены и переданы в полном объеме. Но вопрос того, являются ли они исчерпывающими для определения однозначности утверждения – вопрос являющийся спорным. Для однозначного определения факта существования условной «межэтничности» – принадлежность к двум различным этническим группам, следует дополнительно изучить информацию о национальности людей, вступивших в брак, и информацию об этнической принадлежности супругов и их родителей. Но даже если и конкретно данный пример является условным примером межэтнического брака, то нельзя отрицать, что межэтнические браки существовали и становились нормой.

С течением времени такие межэтнические браки стали символом единства и сосуществования, а также способствовали культурному обогащению обеих сторон. Они стали, важным элементом социальной ткани региона, позволяя сохранять и развивать уникальные традиции, которые обогащали культурное наследие Красноярского края.

Таким образом, на примере брачных традиций между русскими и хакасами можно увидеть, как взаимодействие разных культур приводит к взаимному обогащению, формируя новые традиции и обычаи, которые продолжают жить и развиваться в современном обществе. Межэтнические браки не только обогащают культурное наследие и формируют уникальные культурные практики, но и способствуют сближению различных этнических групп, укреплению социальных связей и построению гармоничного многонационального общества. Важно признать и ценить роль межэтнических браков в укреплении культурного и социального единства современного общества.

Литература:

1. Бакланова Т. И., Стрельцова Е. Ю. Народная художественная культура: учебник. М.: МГУКИ, 2000. 344 с
2. Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: Хакаское книжное изд-во. 1994. 99 с.
3. Жуков В.И. Российская семья: энциклопедия. М. Издательство РГСУ., 2008. 624 с.
4. Мамышева Е. П. Национально-государственное строительство в Южной Сибири в 1917–1941 гг.: история, опыт, проблемы. Абакан: Бригантина, 2011. 244 с.
5. Патачаков К. М. К вопросу о влиянии русской культуры на культуру и быт хакасов в XVIII-XIX веках // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1956. Вып. IV. 108 с.
6. Хохленко Д.Ю. Межэтнические отношения между коренным и русским населением на юге Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв. // Вестник Красноярского государственного университета им. В.П. Астафьева. 2012. с 396-401]
7. Государственный архив Красноярского края. Фонд Р-2453м «ЗАГС». оп.4 д. 277

Сапронов М.С.

аспирант

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

e-mail: maxcrypt@gmail.com

Sapronov M.S.

Postgraduate Student

Moscow State Pedagogical University

ДЕСТРУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ФАКТОР НАРУШЕНИЯ КОМАНДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОМПЬЮТЕРНОМ СПОРТЕ

Аннотация. В статье рассматривается деструктивное поведение в командных соревновательных онлайн-дисциплинах компьютерного спорта как социально-психологический фактор, потенциально нарушающий командное взаимодействие киберспортсменов. В работе показано, что соревновательная среда командных компьютерных игр может сопровождаться оскорблениями, обвинениями, отказом от сотрудничества, провокациями и другими формами поведения, препятствующими продуктивной коммуникации и координации внутри команды. Деструктивное поведение рассматривается не только как проявление индивидуальной агрессии, но и как проблема групповой динамики, связанная с нормами группы, доверием, ролевой структурой, эмоциональным состоянием участников и психологической безопасностью. Статья носит теоретико-аналитический характер. Теоретическую основу анализа составили отечественные исследования коммуникации, малой группы и совместной деятельности, а также зарубежные работы о командных процессах, социальной идентичности, социальном влиянии и деструктивном поведении в цифровой игровой среде. По результатам теоретического анализа выделены предполагаемые механизмы негативного влияния деструктивного поведения.

Ключевые слова: компьютерный спорт, деструктивное поведение, командное взаимодействие, малая группа, психологическая безопасность, коммуникация, координация, групповые нормы, социальная психология.

DESTRUCTIVE BEHAVIOR AS A FACTOR IN DISRUPTING TEAM INTERACTION IN ESPORTS

Abstract. The article examines destructive behavior in team-based competitive online esports disciplines as a socio-psychological factor that can potentially disrupt the teamwork of cybersport players. It is shown that the competitive environment of team computer games can be accompanied by insults, accusations, refusal to cooperate, provocations and other forms of behavior that hinder productive communication and coordination within the team. Destructive behavior is considered not only as a manifestation of individual aggression, but also as a problem of group dynamics related to group norms, trust, role structure, emotional state of participants and psychological safety. The article is theoretical and analytical in nature. The theoretical basis of the analysis was made up of domestic studies of communication, small group and collaborative activities, as well as foreign works on team processes, social identity, social influence and destructive behavior in the digital gaming environment. Based on the results of the theoretical analysis, the possible mechanisms of the negative impact of destructive behavior are identified.

Keywords: eSports, destructive behavior, team interaction, small group, psychological safety, communication, coordination, group norms, social psychology.

Основная часть

В основе настоящей статьи лежит теоретико-аналитический подход. Анализ ограничен командными соревновательными онлайн-дисциплинами компьютерного спорта, в которых результат зависит ряда факторов командного взаимодействия; источники используются для концептуального обоснования возможных механизмов нарушения командного взаимодействия, а не для проведения систематического обзора литературы. Командное взаимодействие в компьютерном спорте имеет свою социально-психологическую специфику: киберспортивная команда, с одной стороны, обладает признаками малой группы, но, с другой стороны, функционирует в виртуальной среде. Значительная часть коммуникации осуществляется через голосовую связь, текстовые сообщения и уведомления, проецируемые в игровом интерфейсе. Также стоит обозначить, что взаимодействие в таких дисциплинах нельзя сводить только к вербальному общению, поскольку значительная часть командной коммуникации проявляется непосредственно в игровом процессе.

Классические исследования социального влияния показывают, что поведение человека в группе может меняться под воздействием стандартов, ожиданий и давления большинства. В экспериментах С. Аша было показано, что индивид склонен подстраиваться под мнение численного большинства, даже в ситуациях, когда верный ответ на перцептивную задачу является весьма очевидным [8, стр. 181–184]. Прямое перенесение подобных результатов на компьютерный спорт требует осторожности, и все же, это позволяет обосновать изменения поведения конкретного члена команды после комментариев со стороны партнеров по команде. Условно, если в команде становятся нормой регулярные обвинения в адрес партнера, игрок начинает думать не только об игре, но и о том, как избежать негативной оценки со стороны коллег по команде.

Теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера позволяет рассмотреть еще один важный аспект изучаемой проблемы [30, стр. 38–41]. Команда эффективна тогда, когда игроки воспринимают себя не только как отдельных исполнителей установленной роли, но и как часть общего «мы». В профессиональных или студенческих командах такая идентификация может быть относительно устойчивой, тогда как в матчах со случайными партнерами она, как правило, ситуативна и достаточно слаба. Деструктивное поведение снижает групповую идентификацию, т.к. «токсичный» партнер начинает восприниматься не как участник общей деятельности, а как источник угрозы, как некая помеха, что может влиять на снижение сплоченности [3; 7].

В исследованиях Э. Саласа и его коллег выделяются пять ключевых компонентов командной работы: лидерство, взаимный контроль действий, взаимная поддержка, адаптивность и ориентация на достижение общего результата [28, стр. 560–567]. Деструктивное поведение может затрагивать каждый из этих компонентов. Лидерство в такой ситуации превращается в давление, наблюдение за ошибками партнера – в наказание, поддержка – в отказ от помощи, адаптация – в отказ от признания ошибки, а ориентация на совместный результат – в защиту собственного статуса. В результате команда формально продолжает играть вместе, но начинает распадаться на отдельных игроков.

В модели М. Маркса командная деятельность рассматривается как чередование фаз планирования, исполнения и рефлексии [21, стр. 360–365]. Киберспортивный матч чувствителен к такой фазовой динамике. До матча команда распределяет роли и согласует стратегию, во время матча осуществляет координацию совместной деятельности, а после матча анализирует ошибки. Деструктивное поведение может нарушать все три фазы: до матча – снижать доверие к плану, во время матча – ухудшать коммуникацию (или сбивать общую установку команды или конкретного игрока), после матча – превращать разбор ошибок в поиск виновного.

В зарубежных исследованиях деструктивное поведение в командных соревновательных сетевых играх чаще всего связано с агрессией, нарушением норм, намеренным провоцированием, травлей в

сетевой среде и деструктивной коммуникацией. Однако для социально-психологического анализа важно не сводить деструктивное поведение только к личностным особенностям отдельного игрока. Значительная часть такого поведения имеет ситуативный и групповой характер. Оно возникает на пересечении соревновательного стресса, анонимности, статуса, групповых норм, фрустрации и особенностей цифрового взаимодействия.

Концепция Дж. Сулера объясняет, почему цифровая среда может облегчать действия, которые в очном взаимодействии ограничивались бы социальными нормами [29, стр. 322–324]. Анонимность, ощущение дистанции и чувство вседозволенности снижают самоконтроль. В компьютерном спорте к этому добавляется соревновательная фрустрация. Игрок рискует потерять свой рейтинг, поэтому деструктивное поведение часто возникает не как заранее спланированная стратегия, а как форма эмоциональной разрядки, при этом последствия такого поведения выходят далеко за пределы одной ситуации.

Ситуативный характер деструктивного поведения не делает его менее значимым для команды. Если оскорбления, обвинения и пассивная агрессия воспринимаются как «привычная форма игрового общения», то они постепенно становятся частью неформальной нормативной системы. В этой связи может быть использована теория С. Московиси, согласно которой группа не только отражает реальность, но и формирует схемы ее интерпретации [23, стр. 18–24].

Эмпирические исследования показывают, что деструктивное поведение широко представлено в крупных сообществах командных сетевых игр. Однако результаты таких работ необходимо рассматривать с учетом конкретной игровой среды и способов фиксации нарушений. Н. Kwak и коллеги, анализируя данные матчей по дисциплине «League of Legends», использовали массив более 10 млн жалоб и сведения о 1,46 млн игроков, обвиненных в деструктивном поведении [20, стр. 3741–3745]. J. Blackburn и Н. Kwak ранее показали, что деструктивное поведение может выявляться по совокупности игровых, коммуникативных и репутационных признаков, но границы такого поведения зависят от норм сообщества и конкретной игровой ситуации [9, стр. 880–883]. Следовательно, деструктивное поведение нельзя понимать только как набор запрещенных слов. Оно включает устойчивые паттерны деструктивного поведения.

В работе В. Kordyaka и коллег предлагается рассматривать деструктивное поведение по форме взаимодействия, адресату, намерению и моменту возникновения [16].

Современные исследования позволяют конкретизировать проявления токсичности в соревновательной игровой среде. Á. Zsila и соавторы на выборке венгерских игроков выявили повсеместность токсичных проявлений в игровой среде и подтвердили их прямую связь с комплексом аффективных расстройств и деструктивных паттернов поведения [35, стр. 359–362].

В одной из отечественных работ, посвященной изучению деструктивного поведения в сфере видеоигр, систематизируются отечественные и зарубежные подходы к анализу деструктивного поведения в виртуальном пространстве и указывается на глобальный характер данной проблемы. В работе квалифицируется «токсичность» как комплексная деструктивная форма взаимодействия, где гендерная дискриминация и «кибербуллинг» выступают ключевыми факторами, негативно влияющими на ментальное здоровье и игровой опыт участников киберспортивной среды [5, стр. 84–86].

Отдельные формы такого поведения имеют собственную социально-психологическую функцию. В исследовании S.V. Irwin, A. Naweed и M. Lastella можно увидеть, что феномен так называемого «трэш-тока» (насмешки, оскорбления) не сводится к банальным оскорблениям. Авторы указывают на то, что в профессиональном и любительском компьютерном спорте он служит инструментом психологического давления, демонстрации доминирования и символического контроля над соперником [14, стр. 173–174]. В своей работе, основанной на наблюдениях за голосовыми чатами в Valorant и Overwatch, D. Görlich, M.

Wagner и M. Breuer показывают, что сексистские и деструктивные высказывания в адрес женщин-игроков являются частым проявлением в киберспортивных видеоиграх [13, стр. 151–155]. Подобное отношение к женщинам фактически вытесняет их из соревновательного киберспорта и разрушается целостность команды как субъекта совместной деятельности.

При этом деструктивность цифрового взаимодействия не исключает возможности просоциальных действий. Z. Zhu, R. Zhang и Y. Qin, анализируя специфику массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр, пишут, что онлайн специфика взаимодействия между партнерами во время игровых сессий способна стимулировать различный спектр поступков, как положительные (к примеру, вежливость), так и деструктивные, агрессивные действия [34, стр. 11–15].

Для решения проблемы деструктивного поведения одних репрессивных мер недостаточно. Исследователи S. Xiao, S. Jhaver и N. Salehi занялись изучением дисциплины «Overwatch», анализируя управление игровым сообществом в видеоиграх со стороны администрации, указывают на ограниченную эффективность исключительно репрессивных мер модерации. Административные санкции лишь фиксируют факт нарушения, но не способствуют реабилитации пострадавшей стороны и не устраняют проблему деструктивного поведения [31, стр. 18–26].

Исследования команд по компьютерному спорту показывают, что результативность зависит не только от индивидуального мастерства, но и от организации взаимодействия. В работе G. Freeman и D.Y. Wohn, посвященной специфике формирования и координации киберспортивных команд, показано, что они, команды, имеют определенную специфику, которая требует сочетания двух качеств: способности к мгновенному тактическому реагированию (команды действия) и к стратегическому планированию (команды принятия решений) [11, стр. 102–108]. Игроки должны одновременно выполнять механические действия, обмениваться информацией и сохранять согласованность действий. Поэтому коммуникация является не внешним сопровождением игры, а одним из механизмов достижения результата.

Исследование Y.J. Kim и коллег в дисциплине «League of Legends» демонстрирует, что успешность совместной командной деятельности связана с характеристиками группового взаимодействия [15, стр. 2320–2324]. Это важно для понимания сути негативного влияния деструктивного поведения. Поскольку успех команды зависит от слаженности взаимодействия её участников, любые формы поведения, дезорганизующие этот процесс, приобретают первостепенное (критическое) значение. Аналогичный вывод можно увидеть в работе M. Mora-Cantalops и M. Sicilia. Авторы выявили взаимосвязь между успешностью команды и интенсивностью её внутригруппового взаимодействия на основе анализа профессиональных матчей по «League of Legends» [22, стр. 108–112].

Согласно работе Y. Kou, источниками деструктивного поведения в League of Legends выступают ошибки во время игры, фактор поражения несоответствие реальности ожиданиям геймеров, расхождение во взглядах на командную стратегию и межличностное напряжение, обусловленное распределением игровых ролей [17, стр. 84–88]. Игроки используют стратегии регулирования эмоций не только для себя, но и для управления психологическим климатом в команде, фактически беря на себя роль эмоционального лидера [19, стр. 12–16]. В исследовании временных команд (команды на один матч) по «League of Legends» Y. Kou. и X. Gui показано, что даже случайные партнеры стремятся к кооперации для достижения победы, пытаются влиять друг на друга ради общего результата [18, стр. 163–166]. Однако временный характер подобных команд и слабость межличностных связей делают их особенно уязвимыми для деструктивного поведения. Отсутствие устойчивого доверия повышает вероятность того, что ошибка будет воспринята не как рабочий сбой, а как признак некомпетентности или намеренного вреда. В профессиональных командах такие ситуации также могут проявляться, хотя деструктивное поведение иногда маскируется под «жесткую требовательность».

Обзор J. Gisbert-Pérez и коллег показывает, что фактором успеха в компьютерном спорте выступает уровень взаимодействия в команде и сыгранности [12, стр. 20360–20365].

Значение социального контекста подтверждается и на уровне игровых связей. Y. Zeng, A. Sapienza и E. Ferrara показывают, что социальные связи между игроками связаны с активностью и результативностью, но эффект неоднороден: для менее квалифицированных игроков взаимодействие с друзьями (или более высокоуровневыми партнерами) может влиять на их игровой результат, тогда как для игроков высокого уровня, подобное взаимодействие не всегда положительно сказывается на результате [32, стр. 358–367].

Данные по отдельным дисциплинам также расширяют анализ командного взаимодействия. Так, А.М. Pereira и соавторы показали, что профессиональные киберспортсмены (в дисциплине «eFootball») и представители тренерского штаба рассматривают компьютерный спорт как комплексный процесс, сочетающий нагрузки, возникающие в процессе тренировок и соревнований, заботу о здоровье и организованное наставничество [26, стр. 4–7]. В работе, посвященной оценке психического здоровья игроков, вовлеченных в электронный футбол, подчеркивается взаимосвязь между соревновательным стрессом, эмоциональными расстройствами, механизмами психологической адаптации и качеством сна [25, стр. 3–5].

В спортивном симуляторе баскетбола «NBA 2K» командный аспект выражен еще более отчетливо, поскольку логика данной дисциплины строится на грамотном распределении ролей и высоком уровне координации действий. В форматах «3 на 3» и «5 на 5» определяющее значение приобретает командное взаимодействие в атаке и обороне. Исследование T. Zheng, основанное на массиве игровых данных из «NBA 2K» для количественной оценки процессов, происходящих внутри команды, показывает, что данная дисциплина может служить полноценной эмпирической базой, как базой для анализа групповой динамики, выходящего за рамки оценки лишь индивидуальных показателей [33, стр. 101–102].

В исследовании G. Musick и соавторов киберспорт рассматривается как динамичная виртуальная среда. Авторы демонстрируют, что в процессе взаимодействия игроки опираются на единое представление о ролевой структуре, уровне мастерства и тактическом стиле своих партнеров, а также на совместное понимание игровых ситуаций. Подобная синхронизация позволяет команде минимизировать необходимость в вербальном (явном) обмене информацией и существенно повысить скорость принятия решений [24, стр. 11–17].

Результаты систематических обзоров, посвященных изучению киберспортивных команд, подтверждают, что эффективность их деятельности определяется комплексом социально-психологических факторов. Ключевое значение имеют качество коммуникации, лидерские качества, уровень групповой сплоченности, комфортная атмосфера [12; 27].

Фиджитал-спорт следует учитывать как смежную область, поскольку в нем киберспортивный компонент объединяется с непосредственным физическим взаимодействием. В работе В.А. Бересневой., Н.С. Скаржинского и в работе I.A. Sedov и коллег говорится о том, что в фиджитал-спорте цифровое взаимодействие объединяется с непосредственным физическим компонентом, поэтому деструктивное поведение (токсичность) может нарушить как взаимодействие в киберспортивной части, так и в очной совместной деятельности. Однако социально-психологические механизмы командного взаимодействия в нем пока изучены недостаточно [1; 6].

По итогам теоретического анализа можно выделить несколько предполагаемых механизмов, через которые деструктивное поведение может нарушать командное взаимодействие:

- первым механизмом выступает коммуникативная дезорганизация. В командных соревновательных онлайн-дисциплинах коммуникация должна быть краткой, своевременной и связанной с игровой задачей. Деструктивные высказывания занимают канал связи, увеличивают когнитивную

нагрузку и смещают внимание с игровой ситуации на межличностный конфликт. Даже краткая деструктивная реплика может иметь продолжительный эффект: игрок мысленно отвечает, оправдывается, защищается или избегает дальнейшей коммуникации. В результате канал командной связи перестает выполнять функцию координации и начинает восприниматься как источник угрозы;

- вторым механизмом является снижение психологической безопасности. Эми Эдмондсон показала, что психологическая безопасность связана с готовностью членов команды задавать вопросы, признавать ошибки, предлагать идеи и участвовать в обучении [10, стр. 354–357]. В компьютерном спорте нечто подобное можно увидеть после неудачных раундов, проигранных игр или ошибочных стратегических решений. Если ошибка приводит к унижению, игрок перестает открыто сообщать о проблемах, скрывает неуверенность, не просит помощи и отдает опцию проявления инициативы своим партнерам;

- третьим механизмом является снижение доверия и взаимной ответственности. Совместная деятельность предполагает, что участники признают вклад друг друга и действуют ради общего результата [3, стр. 42–51]. Деструктивное поведение нарушает на эту логику. Игрок начинает стремиться доказать, что виноват не он. Возникает атрибутивная асимметрия, которая выражается через то, что собственные ошибки объясняются обстоятельствами, а ошибки партнеров – их неверными действиями. Такая асимметрия разрушает командную рефлексию, поскольку анализ ситуации превращается в поиски виноватых.

- четвертым механизмом является искажение адекватных групповых норм. Если члены команды считают нормой проявление деструктивного поведения, то они начинают выполнять функцию неформальной санкции. Игроки усваивают, что влияние в группе принадлежит не тому, кто точнее координирует действия, а тому, кто громче обвиняет или жестче оценивает. В такой системе снижается значимость конструктивного лидерства и возрастает вероятность статусных конфликтов. С позиции А. И. Донцова и А. В. Петровского это может означать ослабление ценностно-ориентационного единства коллектива и переход от коллективистского взаимодействия к конкурентно-индивидуалистическому [2; 4].

- пятым механизмом выступает эмоциональное заражение и эскалация конфликтных ситуаций. Деструктивное поведение редко проявляется однократно. Оно, как минимум, может провоцировать ответные реакции, но чаще влияет на формирование конфликтной ситуации. В киберспортивных сессиях это особенно опасно, поскольку эмоциональная эскалация происходит одновременно с необходимостью продолжать совместную деятельность. Члены команды (даже временной) не могут выйти из конфликтной ситуации прекратив игру, т.к. в случае выхода из матча, игрок рискует потерей рейтинга и получением санкций, поэтому индивид продолжает играть, а конфликт продолжает развиваться.

Проведенный анализ показывает, что деструктивное поведение в команде по компьютерному спорту целесообразно рассматривать как фактор, способный нарушать социально-психологическую структуру совместной деятельности. Оно не сводится к грубости в голосовом канале связи и не является исключительно проблемой самоконтроля одного игрока. Влияние подобного поведения связано с групповыми нормами, командным взаимодействием, статусными отношениями, уровнем доверия, психологической атмосферой и качеством командной рефлексии. Для профессиональных и полупрофессиональных командных дисциплин компьютерного спорта принципиально важно проводить различие между требовательностью и деструктивным поведением. Требовательность направлена на достижение задачи при сохранении уважения к партнеру. Деструктивное поведение, напротив, ориентировано на агрессию, обвинения, может разрушать доверие между партнерами по команде. Следовательно, тренерская работа с командой должна включать не только технический разбор матчей, но и нормирование коммуникации и командного взаимодействия. Важно заранее определять, какие

сообщения допустимы во время игры, до нее и после нее, каким образом фиксируются ошибки, кто и когда имеет право высказываться, а также какие формы обратной связи признаются неприемлемыми.

Заключение. Деструктивное поведение в командных соревновательных онлайн-дисциплинах компьютерного спорта является не второстепенной, а существенной социально-психологической проблемой, затрагивающей основы командного взаимодействия. Оно может нарушать коммуникацию, снижать командный климат, ослаблять доверие, искажать социальные нормы, усиливать эмоциональную эскалацию и препятствовать рефлексии. В условиях командной киберспортивной деятельности, где результат зависит от высокой скорости командного взаимодействия и постоянного обмена информацией, подобные факторы могут заметно ухудшать качество совместной деятельности. Теоретико-аналитическое рассмотрение деструктивного поведения требует одновременного рассмотрения киберспортивной команды, как малой группы, изучения специфики форм коммуникаций в компьютерном спорте и учета специфики взаимодействия, опосредованного виртуальным пространством. Практически это означает, что профилактика деструктивного поведения должна строиться не только на наказании нарушителей, но и на формировании командных норм, укреплении психологической безопасности, создании благоприятного климата внутри команды, что в совокупности может способствовать повышению эффективности командного взаимодействия. Полученные теоретические положения могут быть использованы для дальнейших эмпирических исследований деструктивного поведения в командных соревновательных онлайн-дисциплинах компьютерного спорта, а также для подготовки практических рекомендаций по психологическому сопровождению киберспортивных команд.

Литература:

1. Береснева, В.А. Обзор научных исследований по фиджитал спорту / В.А. Береснева, Н.С. Скаржинский // Российский журнал спортивной науки: медицина, физиология, тренировка. – 2025. – Т. 4, № 1. – С. 1–7. – DOI 10.24412/2782-6570-2025_04_01_7.
2. Донцов, А.И. Психология коллектива: методологические проблемы исследования / А.И. Донцов. – Москва: Изд-во МГУ, 1984. – 208 с.
3. Журавлев, А.Л. Психология совместной деятельности / А.Л. Журавлев. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – 638 с.
4. Петровский, А. В. Личность. Деятельность. Коллектив / А.В. Петровский. – М.: Политиздат, 1982. – 255 с.
5. Сапронов, М.С. Деструктивное поведение в онлайн-играх и киберспорте / М.С. Сапронов // Современная психология и педагогика: проблемы и решения: сборник статей по материалам ХCVIII Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 15 сентября 2025 года. – 2025. – № 9 (95). – С. 83–87.
6. Седов, И.А. Фиджитал-игры как интегрирование спорта и киберспорта внутри соревновательных дисциплин / И.А. Седов, Ю.С. Красильникова, Д.С. Труслова, В.В. Антонова // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2023. – № 3. – С. 411–415. – DOI 10.34835/issn.2308-1961.2023.03.
7. Шихирев, П.Н. Современная социальная психология: учебное пособие для студентов вузов / П.Н. Шихирев. – М.: Институт психологии РАН, 1999. – 447 с.
8. Asch, S.E. Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgments / S.E. Asch // Groups, Leadership and Men / edited by H. Guetzkow. – Pittsburgh, PA: Carnegie Press, 1951. – P. 177–190.

9. Blackburn, J. STFU NOOB! Predicting crowdsourced decisions on toxic behavior in online games / J. Blackburn, H. Kwak // *Proceedings of the 23rd International Conference on World Wide Web.* – New York: ACM, 2014. – P. 877–888. – DOI 10.1145/2566486.2567987.
10. Edmondson, A. Psychological safety and learning behavior in work teams / A. Edmondson // *Administrative Science Quarterly.* – 1999. – Vol. 44, no. 2. – P. 350–383. – DOI 10.2307/2666999.
11. Freeman, G. Understanding eSports team formation and coordination / G. Freeman, D.Y. Wohn // *Computer Supported Cooperative Work.* – 2019. – Vol. 28, no. 1–2. – P. 95–126. – DOI 10.1007/s10606-017-9299-4.
12. Gisbert-Pérez, J. Key structure and processes in esports teams: a systematic review / J. Gisbert-Pérez, A. García-Naveira, M. Martí-Vilar, J. Acebes-Sánchez // *Current Psychology.* – 2024. – Vol. 43, no. 23. – P. 20355–20374. – DOI 10.1007/s12144-024-05858-0.
13. Görlich, D. Sexual Harassment in Valorant and Overwatch Voice Chats / D. Görlich, M. Wagner, M. Breuer // *Computers and Games: CG 2024: Lecture Notes in Computer Science.* – Cham: Springer, 2025. – Vol. 15550. – P. 145–158. – DOI 10.1007/978-3-031-86585-5_12.
14. Irwin, S.V. The mind games have already started: an in-depth examination of trash talking in Counter-Strike: Global Offensive esports using practice theory / S.V. Irwin, A. Naweed, M. Lastella // *Journal of Gaming & Virtual Worlds.* – 2021. – Vol. 13, no. 2. – P. 173–194. – DOI 10.1386/jgvw_00035_1.
15. Kim, Y.J. What makes a strong team? Using collective intelligence to predict team performance in League of Legends / Y.J. Kim, D. Engel, A.W. Woolley, J. Y.-T. Lin, N. McArthur, T.W. Malone // *Proceedings of the 2017 ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work and Social Computing.* – New York: ACM, 2017. – P. 2316–2329. – DOI 10.1145/2998181.2998185.
16. Kordyaka, B. Defining toxicity in multiplayer online games: a systematic literature review / B. Kordyaka, S. Karaosmanoglu, S. Laato // *Computers in Human Behavior Reports.* – 2025. – Vol. 19. – Article 100698. – DOI 10.1016/j.chbr.2025.100698.
17. Kou, Y. Toxic behaviors in team-based competitive gaming: the case of League of Legends / Y. Kou // *CHI PLAY 2020: Proceedings of the Annual Symposium on Computer-Human Interaction in Play.* – New York: ACM, 2020. – P. 81–92. – DOI 10.1145/3410404.3414243.
18. Kou, Y. Playing with strangers: understanding temporary teams in League of Legends / Y. Kou, X. Gui // *Proceedings of the First ACM SIGCHI Annual Symposium on Computer-Human Interaction in Play.* – New York: ACM, 2014. – P. 161–169. – DOI 10.1145/2658537.2658538.
19. Kou, Y. Emotion regulation in eSports gaming: a qualitative study of League of Legends / Y. Kou, X. Gui // *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction.* – 2020. – Vol. 4, CSCW2. – Article 158. – P. 1–25. – DOI 10.1145/3415229.
20. Kwak, H. Exploring cyberbullying and other toxic behavior in team competition online games / H. Kwak, J. Blackburn, S. Han // *Proceedings of the 33rd Annual ACM Conference on Human Factors in Computing Systems.* – New York: ACM, 2015. – P. 3739–3748. – DOI 10.1145/2702123.2702529.
21. Marks, M.A. A temporally based framework and taxonomy of team processes / M.A. Marks, J.E. Mathieu, S.J. Zaccaro // *Academy of Management Review.* – 2001. – Vol. 26, no. 3. – P. 356–376. – DOI 10.5465/amr.2001.4845785.
22. Mora-Cantalops, M. Team efficiency and network structure: the case of professional League of Legends / M. Mora-Cantalops, M.-Á. Sicilia // *Social Networks.* – 2019. – Vol. 58. – P. 105–115. – DOI 10.1016/j.socnet.2019.03.004.
23. Moscovici, S. The phenomenon of social representations / S. Moscovici // *Social Representations / edited by R. M. Farr, S. Moscovici.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – P. 3–69.

24. Musick, G. Leveling Up Teamwork in Esports: Understanding Team Cognition in a Dynamic Virtual Environment / G. Musick, R. Zhang, N.J. McNeese, G. Freeman, A.P. Hridi // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. – 2021. – Vol. 5, CSCW1. – Article 49. – P. 1–30. – DOI 10.1145/3449123.

25. Pereira, A. M. Mental health symptoms in electronic football players / A.M. Pereira, P. Teques, E. Verhagen, V. Gouttebarger, P. Figueiredo, J. Brito // BMJ Open Sport & Exercise Medicine. – 2021. – Vol. 7, no. 4. – Article e001149. – DOI 10.1136/bmjsem-2021-001149.

Сержантова М.В.

кандидат физико-математических наук
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Чунихина А.А.

студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Serzhantova M.V.

Candidate of Physical and Mathematical Sciences
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Chunikhina A.A.

Student
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ НАУЧНО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье обоснована научно-исследовательская компетентность студентов как ранний индикатор кадрового потенциала научно-технологического развития. Кадровый потенциал трактуется как динамическая воспроизводственная система, включающая выявление, развитие, сопровождение и профессиональную социализацию будущих исследовательских кадров. На основе анализа отечественных и зарубежных подходов предложена четырёхкомпонентная модель научно-исследовательской компетентности студентов, включающая мотивационно-ценностный, когнитивно-методологический, деятельностно-практический и рефлексивно-регулятивный компоненты. Модель применяется как диагностическая рамка для ранней идентификации студентов, обладающих исследовательским потенциалом. Особое внимание уделено возможностям образовательной аналитики и инструментов искусственного интеллекта, а также рискам их некритического применения. Научная новизна состоит в рассмотрении исследовательской компетентности в логике кадрового прогнозирования и университетского сопровождения будущих исследователей.

Ключевые слова: научно-исследовательская компетентность, прогнозирование, научно-технологическое развитие, высшее образование, кадровый капитал.

STUDENTS' RESEARCH COMPETENCE AS A TOOL FOR MANAGING THE HUMAN RESOURCE POTENTIAL OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

Abstract. The article substantiates students' research competence as an early indicator of the human resource potential of scientific and technological development. Human resource potential is interpreted as a dynamic reproductive system that includes the identification, development, support, and professional socialization of future research personnel. Based on an analysis of domestic and international approaches, the article proposes a four-component model of students' research competence, comprising motivational-value, cognitive-methodological, activity-practical, and reflective-regulatory components. The model is applied as a diagnostic framework for the early identification of students with research potential. Special attention is given to

the possibilities of educational analytics and artificial intelligence tools, as well as to the risks of their uncritical application. The scientific novelty of the study lies in considering research competence within the logic of workforce forecasting and university support for future researchers.

Keywords: research competence, forecasting, scientific and technological development, higher education, human capital.

Введение

Стратегические документы последних лет, включая Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»¹, Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»², а также национальные проекты технологического лидерства, фиксируют ключевую роль кадрового обеспечения в достижении приоритетов научно-технологического развития. Квалифицированные исследовательские, инженерные, научно-педагогические и управленческие кадры составляют необходимое условие технологического лидерства, технологического суверенитета и устойчивого развития страны.

По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, численность исследователей в России в 2022 году составила около 340 тыс. человек, при этом доля исследователей в возрасте до 39 лет не превышает 44%, а прирост молодых учёных в абсолютном выражении остаётся нестабильным [1]. Данная ситуация актуализирует задачи раннего выявления исследовательского потенциала в студенческой среде как условия обеспечения воспроизводства научно-технологических кадров.

В научной и управленческой практике сохраняется методологически значимая проблема: кадровый потенциал научно-технологического развития описывается преимущественно через уже существующий кадровый состав, тогда как механизмы его раннего выявления и воспроизводства остаются недостаточно разработанными [2; 3]. Такой подход ограничивает возможности долгосрочного планирования, поскольку фиксирует результат кадрового процесса, но не раскрывает источники формирования будущего научно-технологического резерва.

В существующей литературе остаётся недостаточно разработан переход от описания исследовательской компетентности студентов как образовательного результата к её использованию в кадровом прогнозировании. Отечественные и зарубежные исследования, как правило, рассматривают кадровый потенциал через параметры действующих работников научно-технологической сферы либо анализируют исследовательские компетенции студентов внутри педагогической логики оценки обучения. Недостаточно раскрыты, во-первых, структурная связь между компонентами исследовательской компетентности и стадиями воспроизводства научно-технологических кадров; во-вторых, диагностические основания раннего выявления студентов с исследовательским потенциалом; в-третьих, способы включения такой диагностики в университетский HR-цикл. Предлагаемая в статье модель закрывает данный пробел, объединяя педагогическую, прогностическую и управленческую перспективы.

Особую значимость в этом контексте приобретает высшее образование. Именно в университетской среде формируются устойчивые признаки исследовательской идентичности, мотивации к научной деятельности, методологической культуры. Исследования научно-исследовательской культуры и исследовательских компетенций студентов подтверждают, что ключевые признаки исследовательской предрасположенности проявляются уже в студенческие годы [4; 5]. Эти признаки позволяют рассматривать университет как пространство ранней диагностики и сопровождения будущих исследователей.

В этой логике в статье уточняется содержание кадрового потенциала научно-технологического развития, обосновывается четырёхкомпонентная модель научно-исследовательской компетентности и намечаются диагностические индикаторы, включая возможности образовательной аналитики и инструментов искусственного интеллекта. Тем самым исследовательская компетентность связывается с задачами кадрового прогнозирования без сведения её только к формальной оценке учебных достижений.

Методология исследования

Исследование имеет теоретико-концептуальный характер. Методологическую основу составили системный, компетентностный, деятельностный и прогностический подходы. Системный подход позволил рассмотреть кадровый потенциал научно-технологического развития как динамическую воспроизводственную систему, включающую этапы выявления, развития, сопровождения и профессионального закрепления перспективных кадров. Компетентностный подход использован для анализа структуры готовности студента к исследовательской деятельности. Деятельностный подход акцентирует внимание на практическом участии студентов в исследовательской работе как условии формирования устойчивой исследовательской позиции. Прогностический подход обеспечивает интерпретацию образовательных результатов и исследовательского поведения студентов как возможных признаков их дальнейшей профессиональной траектории.

В качестве методов использованы: теоретический анализ научной литературы и нормативно-стратегических документов; сравнительное сопоставление отечественных и зарубежных подходов к интерпретации кадрового потенциала, человеческого капитала и исследовательских компетенций; концептуальное моделирование; аналитическое обобщение исследований, посвящённых научно-исследовательской культуре студентов, образовательной аналитике и применению искусственного интеллекта в высшем образовании.

Отбор источников осуществлялся по критерию тематической релевантности: в анализ включались нормативно-стратегические документы Российской Федерации, отечественные и зарубежные научные публикации в рецензируемых изданиях по проблематике кадрового потенциала, human capital, talent pipeline, research competencies и learning analytics. Приоритет отдавался работам последних лет (2019–2025), классические теоретические источники привлекались для раскрытия понятий человеческого капитала и деятельностного подхода.

Анализ литературы проводился по нескольким содержательным критериям:

- 1) способ концептуализации кадрового потенциала – как статичного ресурса, человеческого капитала или воспроизводственной системы;
- 2) уровень рассмотрения исследовательской компетентности – индивидуальный образовательный результат, характеристика исследовательской культуры или индикатор будущей профессиональной траектории;
- 3) наличие операциональных признаков и диагностических индикаторов, позволяющих переводить теоретические положения в управленческие решения;
- 4) применимость выводов к университетской среде и задачам раннего сопровождения студентов;
- 5) учёт возможностей и ограничений цифровых инструментов, образовательной аналитики и искусственного интеллекта. По каждому источнику фиксировалось, какой из указанных аспектов он раскрывает и какие ограничения имеет для построения интегральной модели. Такой способ анализа не претендует на статус систематического обзора, однако обеспечивает прозрачность отбора и позволяет показать, на каких основаниях сформирована авторская концептуальная рамка.

Предложенная модель имеет предварительный теоретико-концептуальный характер и рассматривается как основа для последующей эмпирической верификации на основе смешанной

исследовательской стратегии, сочетающей анкетирование, экспертную оценку учебно-исследовательских работ, анализ портфолио и данные цифровых образовательных сред.

Теоретические подходы к понятию «кадровый потенциал»

Термин «кадровый потенциал» занимает устойчивое место в отечественных исследованиях. В экономике труда он трактуется как совокупность трудовых ресурсов, обладающих определёнными профессиональными характеристиками и способных обеспечивать развитие организации, отрасли или территории [2; 6]. В педагогических исследованиях акцент смещается на процессы формирования личности, становление компетенций и готовность к профессиональной деятельности [5; 7]. Эти подходы взаимодополняют друг друга, однако нередко существуют параллельно и не образуют единой аналитической рамки.

В зарубежной литературе близкими по содержанию являются понятия *human capital* и *talent pipeline*. Концепция человеческого капитала, восходящая к работам Г. Беккера и Т. Шульца, трактует образование как инвестицию, повышающую продуктивность личности и общества [8; 9]. Понятие *talent pipeline* акцентирует внимание на последовательном формировании потока специалистов: от раннего интереса и первичной подготовки до профессионального закрепления и развития в выбранной сфере [21; 22]. Для научно-технологической сферы данная процессуальная логика особенно значима, поскольку дефицит кадров не устраняется только за счёт учёта уже работающих специалистов.

Недостатком многих подходов является тенденция описывать кадровый потенциал как состояние. В условиях ускоренной цифровой трансформации, изменения структуры занятости и сокращения периода актуальности профессиональных компетенций стратегическое значение приобретает не только наличие кадров, но и способность системы непрерывно воспроизводить их качество. В этой связи кадровый потенциал научно-технологического развития трактуется как динамическая система реализуемых и перспективных человеческих ресурсов, способных обеспечивать генерацию, диффузию и применение научных знаний и технологий при наличии институциональных механизмов их непрерывного выявления, развития и профессионального закрепления.

Такое понимание позволяет включить в анализ не только работников научно-технологической сферы, но и студентов, находящихся на этапе профессионального становления. Именно они образуют перспективную часть кадрового потенциала, а университет выступает ключевым субъектом его ранней диагностики и воспроизводства.

Научно-технологическая культура и исследовательская компетентность студентов

Научно-технологическая культура включает ценностные установки, способы мышления, нормы доказательности, готовность к интеллектуальному риску, открытость к критике и практики участия в научном сообществе. В исследованиях научно-исследовательской культуры студентов российских университетов показано, что такая культура охватывает когнитивный, аксиологический и праксеологический элементы и зависит от участия преподавателей и научных наставников, выполняющих активизирующую и социализирующую функции [4].

Исследовательская компетентность в педагогической науке понимается как интегративная характеристика личности, включающая способность ставить исследовательские вопросы, выбирать методологию, собирать и анализировать данные, интерпретировать результаты и представлять их профессиональному сообществу [5; 7]. В англоязычной литературе близкие конструкты обозначаются понятиями *research competencies* и *research skills*; они связываются с созданием научных продуктов, применением исследовательской методологии и использованием образовательных технологий нового поколения [10; 11].

Принципиально важно разграничить два способа интерпретации исследовательской компетентности. В первом случае она фиксирует образовательный результат, достигнутый студентом к

моменту оценки. Во втором – выступает прогностическим признаком дальнейшего включения человека в научную или научно-технологическую деятельность. Именно этот второй ракурс задаёт связь между исследовательской компетентностью, кадровой прогностикой и воспроизводством научно-технологического потенциала.

Таким образом, научно-исследовательская компетентность студентов определяется как интегративная характеристика готовности к самостоятельной и коллективной исследовательской деятельности, проявляющаяся в мотивации к научному поиску, владении методологическими основаниями исследования, опыте практического участия в научной работе и способности к рефлексивному управлению собственной профессиональной траекторией.

Научно-исследовательская компетентность как ранний индикатор кадрового потенциала: авторская модель

На основе анализа теоретических источников и стратегических документов предлагается четырёхкомпонентная модель научно-исследовательской компетентности студентов. Модель построена на логике воспроизводства кадрового потенциала: каждый компонент отражает не только определённое состояние студента, но и возможную точку целенаправленного педагогического и институционального воздействия в рамках управленческого цикла университета.

Структурно-функциональная взаимосвязь компонентов модели такова: мотивационно-ценностный компонент задаёт исходную ориентацию студента на исследовательскую деятельность; когнитивно-методологический обеспечивает инструментальную готовность к самостоятельному исследованию; деятельностно-практический переводит готовность в наблюдаемое поведение; рефлексивно-регулятивный обеспечивает осознанное управление профессиональной траекторией.

Первый компонент – мотивационно-ценностный – включает устойчивый интерес к исследовательской деятельности, признание научного познания как значимой ценности, готовность к интеллектуальным усилиям и первичную идентификацию с научно-технологическим сообществом. Формирование данного компонента определяется научной культурой университета и степенью, в которой образовательная среда способствует профессиональной идентификации студентов [4; 22]. При отсутствии развитой исследовательской среды мотивация к научной карьере остаётся ситуативной и неустойчивой.

Второй компонент – когнитивно-методологический – охватывает знания о логике научного исследования, постановке проблемы, выборе методологии, ограничениях конкретных методов, требованиях к источниковой базе и принципах академической добросовестности [5; 10]. Данный компонент определяет способность к самостоятельному исследовательскому мышлению и требует постоянной связи методологических дисциплин с реальными исследовательскими задачами.

Третий компонент – деятельностно-практический – связан с реальным опытом участия студентов в исследовательской деятельности: выполнением проектов, подготовкой научных текстов, участием в конференциях, взаимодействием с научным руководителем и работой в исследовательских коллективах. Участие в научно-исследовательской работе способствует развитию самостоятельности, профессионального интереса и готовности к решению практико-ориентированных задач [13]. Именно этот компонент переводит исследовательскую готовность из декларативной плоскости в плоскость наблюдаемого поведения.

Четвёртый компонент – рефлексивно-регулятивный – включает способность оценивать собственное развитие как исследователя, выявлять сильные стороны и дефициты, принимать обратную связь, планировать индивидуальную образовательную и профессиональную траекторию. Данный компонент соотносится с деятельностным подходом, согласно которому развитие личности происходит через осознание мотивов, целей, способов и результатов деятельности [14]. В контексте высшего

образования он позволяет студенту осмысленно управлять собственным профессиональным становлением.

Компоненты модели находятся во взаимной зависимости. Высокая мотивация без методологической подготовки не обеспечивает качества исследования; методологические знания без практического опыта остаются формальными; практическое участие без рефлексии не формирует устойчивой профессиональной траектории. Диагностическая ценность модели определяется не изолированной оценкой отдельных показателей, а построением целостного профиля исследовательского потенциала студента, на основе которого ректорат, руководители программ и проектные офисы принимают решения о формировании кадрового резерва, распределении грантовой поддержки и организации научного наставничества.

Операционализация модели для университетской диагностики

Для практического применения предложенной модели необходим перевод её компонентов в наблюдаемые индикаторы. Такая операционализация не редуцирует исследовательский потенциал к набору формальных баллов, но обеспечивает университетским субъектам управления возможность выявлять зоны развития студента и выстраивать адресное сопровождение. Возможная структура диагностической рамки представлена в таблице 1.

Таблица 1. Диагностическая рамка научно-исследовательской компетентности студентов (составлено авторами)

Компонент	Содержательная характеристика	Возможные индикаторы	Источники данных	Меры сопровождения
Мотивационно-ценностный	Интерес к научному поиску и готовность соотносить себя с исследовательским сообществом.	Участие в научных мероприятиях; выбор исследовательских тем; устойчивость интереса к НИР; готовность к долгосрочной работе.	Анкетирование; интервью; портфолио; данные о посещениях научных мероприятий.	Научное наставничество; включение в студенческие научные общества; индивидуальные консультации по выбору темы.
Когнитивно-методологический	Понимание логики исследования, владение методами и принципами академической добросовестности.	Качество постановки проблемы; корректность методологии; критическая работа с источниками; понимание ограничений методов.	Анализ учебно-исследовательских работ; тесты по методологии; экспертная оценка проектов.	Методологические семинары; проектные задания; работа с научными базами данных; разбор исследовательских ошибок.
Деятельностно-практический	Опыт реального участия в исследовательской деятельности и создания научных продуктов.	Публикации; доклады; участие в грантах и проектах; работа в исследовательской группе; завершённые научные тексты.	Портфолио; сведения о НИР; LMS-следы проектной активности; отзывы научных руководителей.	Включение в лаборатории и проектные команды; конференции; научные стажировки; поддержка

				публикационной активности.
Рефлексивно-регулятивный	Способность оценивать собственный исследовательский прогресс и планировать профессиональную траекторию.	Самооценка дефицитов; принятие обратной связи; наличие индивидуального плана развития; корректировка исследовательской стратегии.	Рефлексивные эссе; индивидуальные планы; тьюторские встречи; динамика портфолио.	Тьюторское сопровождение; карьерные консультации; индивидуальные образовательные маршруты; регулярная обратная связь.

Ранняя идентификация исследовательского потенциала не основывается на единственном показателе – наличии публикации или участии в конференции. Более надёжным является сочетание данных о мотивации, методологической подготовке, практическом опыте и рефлексивной способности студента. В этом случае диагностика выступает не механизмом отбора, а инструментом развивающего сопровождения. На основе диагностики ректорат и проектные офисы формируют кадровый резерв, распределяют грантовую поддержку и назначают научных наставников, тем самым встраивая университетскую диагностику в HR-цикл воспроизводства исследовательских кадров.

Модель не предполагает автоматического отнесения студента к кадровому резерву на основании цифровых следов или экспертных оценок. Её назначение – выявить зону ближайшего профессионального развития и создать условия, при которых исследовательский потенциал реализуется.

Цифровые инструменты и искусственный интеллект в воспроизводстве кадрового потенциала

Цифровизация образования создаёт новые возможности для выявления и сопровождения студентов, обладающих исследовательским потенциалом. Цифровые образовательные экосистемы фиксируют учебно-исследовательское поведение обучающихся с высокой степенью детализации, формируя основу для применения инструментов образовательной аналитики. В исследованиях *learning analytics* показано, что данные об обучении применяются для более обоснованного принятия решений в высшем образовании при условии их содержательной интерпретации и институционального сопровождения [15; 16].

В контексте предложенной модели образовательная аналитика применяется для выявления устойчивых паттернов исследовательского поведения: глубины работы с источниками, регулярности участия в проектных заданиях, качества формулировки исследовательских вопросов, способности дорабатывать работу после обратной связи, активности в научных дискуссиях и динамики портфолио. Эти данные служат основанием для раннего приглашения студента в исследовательскую группу, назначения научного наставника или предложения индивидуальной образовательной траектории.

ИИ-системы адаптируют содержание методологических курсов к уровню подготовки студента, рекомендуют задания соответствующей сложности, помогают в поиске литературы и предоставляют первичную обратную связь по структуре исследовательского текста. В исследованиях *AI literacy* подчёркивается, что искусственный интеллект становится частью образовательной и профессиональной реальности, а студенты должны понимать не только технические возможности ИИ, но и его социальные, этические и когнитивные последствия [17].

Использование цифровых и интеллектуальных инструментов сопровождается существенными рисками: алгоритмическая предвзятость, непрозрачность критериев оценки, подмена педагогического суждения автоматизированным рейтингом, а также имитация исследовательской самостоятельности при чрезмерной зависимости студента от генеративных инструментов. Внедрение ИИ в образование

предполагает решение вопросов этики, прозрачности и сохранения роли человека в образовательном процессе [18; 19].

Обсуждение результатов

Проведённый анализ позволяет выделить несколько устойчивых противоречий, характерных для системы воспроизводства кадрового потенциала научно-технологического развития. Научная значимость предложенной модели состоит не только в фиксации этих противоречий, но и в том, что каждый её компонент задаёт возможный механизм их преодоления на уровне университетского управления.

Первое противоречие связано с разрывом между стратегическим запросом на кадры и теми показателями, которые реально отслеживаются в системе высшего образования. Стратегические документы оперируют количественными индикаторами – численностью исследователей, объёмом затрат на НИОКР, показателями технологического лидерства, – тогда как качество кадрового потока на входе в научно-технологическую сферу, включая исследовательский потенциал студенчества, остаётся недостаточно представленным в управленческой аналитике. Предложенная модель отвечает на это противоречие через перевод исследовательской компетентности в диагностический профиль: мотивационно-ценностный, когнитивно-методологический, деятельностно-практический и рефлексивно-регулятивный компоненты позволяют оценивать не только наличие отдельных достижений, но и степень готовности студента к дальнейшему включению в научно-технологическую деятельность.

Второе противоречие проявляется между нормативным закреплением исследовательских компетенций в образовательных программах и реальной практикой их формирования. Большинство программ включает исследовательские результаты в структуру подготовки, однако механизмы их систематического развития и диагностики во многих случаях носят формальный характер [5; 7]. Предложенная модель отвечает на это противоречие тем, что связывает каждый компонент компетентности с конкретными наблюдаемыми индикаторами и мерами сопровождения. Когнитивно-методологический компонент соотносится с качеством постановки проблемы и выбором методов; деятельностно-практический – с реальным участием в проектах, публикациях, конференциях и исследовательских коллективах; рефлексивно-регулятивный – с умением корректировать индивидуальную траекторию на основе обратной связи. Тем самым исследовательская компетентность перестаёт быть декларативной формулировкой образовательного стандарта и становится объектом содержательной диагностики.

Третье противоречие связано с массовым характером современного высшего образования. Воспроизводство научных кадров требует индивидуального сопровождения, включения студентов в реальные исследовательские проекты и постоянной обратной связи, тогда как массовая образовательная модель затрудняет такую работу. Предложенная модель отвечает на это противоречие через сочетание цифровой аналитики и экспертного педагогического суждения. Образовательная аналитика может выявлять устойчивые паттерны исследовательского поведения, но окончательные решения о сопровождении должны приниматься с учётом портфолио, самооценки студента, экспертной оценки научного руководителя и качества реальных исследовательских продуктов. В этой логике цифровые инструменты не заменяют университетское наставничество, а повышают адресность управленческих решений.

Четвёртое противоречие состоит в напряжении между потребностью в раннем выявлении исследовательского потенциала и риском преждевременной селекции студентов. Если диагностика используется только как механизм отбора, она может закреплять неравенство стартовых возможностей и исключать студентов, чей потенциал проявляется позже. Предложенная модель снижает данный риск за счёт развивающей интерпретации диагностики: её результатом является не окончательное отнесение

студента к кадровому резерву, а определение зоны ближайшего профессионального развития, выбор форм наставничества, проектного включения и методологической поддержки.

Практическая значимость предложенной модели определяется возможностью её встраивания в институциональную инфраструктуру университета посредством принципиально новых организационных форм. Первой из них является научный бэк-офис – сервисная структура, агрегирующая данные о НИД студентов: участии в конференциях, грантовых заявках, публикациях, членстве в исследовательских коллективах. В контексте модели бэк-офис отвечает прежде всего на первое противоречие, поскольку превращает разрозненные сведения об исследовательской активности в управленчески значимую доказательную базу для формирования кадрового резерва и распределения поддержки.

Второй формой выступают игропрактики научной деятельности – полноценные симуляции исследовательского процесса, включающие геймифицированные задания по постановке проблемы, выбору методологии, интерпретации данных и защите результатов перед экспертным сообществом. Они отвечают на второе и третье противоречия, поскольку позволяют диагностировать не только знание методологических понятий, но и способность действовать в исследовательской ситуации, принимать обратную связь и корректировать собственную позицию. В отличие от традиционных учебно-исследовательских заданий, игропрактики создают безопасную среду для освоения исследовательского поведения и выявления деятельностно-практического и рефлексивно-регулятивного компонентов.

Третьим инструментом является цифровой навигатор по НИД – персонализированная система, консолидирующая сведения об актуальных конкурсах, грантах, конференциях, стажировках и исследовательских треках и формирующая индивидуальные рекомендации на основе профиля студента по четырёхкомпонентной модели. Навигатор отвечает на противоречие между массовостью высшего образования и потребностью в индивидуальном сопровождении: он переводит диагностические данные в конкретные траектории развития, снижая транзакционные издержки самостоятельного поиска возможностей для исследовательской деятельности.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении аналитического статуса понятия «кадровый потенциал научно-технологического развития»: оно рассматривается как воспроизводственная система, активная фаза которой начинается в университете, а не в момент трудоустройства специалиста. Такое смещение рамки позволяет интегрировать педагогическую диагностику в стратегическое кадровое прогнозирование и связать образовательную политику с задачами научно-технологического развития.

Заключение

В статье кадровый потенциал научно-технологического развития рассматривается как динамическая воспроизводственная система, активная фаза которой начинается уже в студенческие годы. Именно на этом этапе проявляются мотивационные, когнитивные, деятельностные и рефлексивные признаки будущей принадлежности человека к научно-технологическому резерву.

Научно-исследовательская компетентность студентов в этом контексте выполняет функцию диагностической рамки для раннего выявления и сопровождения будущих исследователей. Такой подход расширяет представления о роли высшего образования в обеспечении научно-технологического развития и переводит акцент с формальной оценки учебных достижений на адресное кадровое сопровождение.

Ограничение проведённого исследования состоит в его теоретико-концептуальном характере. Предложенная модель задаёт диагностическую рамку, однако ряд принципиальных вопросов остаётся открытым и образует программу дальнейшего изучения. Во-первых, не установлено, равнозначны ли четыре компонента модели или один из них – предположительно мотивационно-ценностный – выполняет базовую функцию, определяя возможность развития остальных. Во-вторых, характер взаимосвязи между компонентами – линейный, циклический или взаимообусловленный – требует эмпирической проверки:

от её результатов зависит, в какой последовательности и с какими приоритетами должно строиться университетское сопровождение. В-третьих, необходима разработка валидного измерительного инструментария для каждого компонента и оценка прогностической силы суммарного профиля студента в отношении его последующего профессионального выбора.

Самостоятельным направлением дальнейшей работы выступает поиск и апробация организационных форм, обеспечивающих практическое встраивание модели в университетскую среду. Разрешение обозначенных вопросов позволит перевести модель из плоскости концептуального описания в плоскость доказательного управленческого инструмента.

Литература:

1. Индикаторы науки: 2024. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2024. EDN: https://elibrary.ru/indicator_nauki_2024.
2. Яковлева Н. Г., Шафранская А. М. Кадровый потенциал и задачи достижения технологического суверенитета: российский контекст // Экономическое возрождение России. 2025. № 4 (86). С. 79–92. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2025-4-86-79-92>.
3. Романцева Ю. Н., Кагирова М. В. Кадровый потенциал российской науки: состояние, динамика, факторы // Московский экономический журнал. 2023. № 8. https://doi.org/10.55186/2413046X_2023_8_8_389.
4. Амбарова П. А., Шаброва Н. В., Кеммет Е. В., Михайлова А. Н. Научно-исследовательская культура студентов российских университетов // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 7. С. 96–116. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116>.
5. Пеша А. В., Патутина С. Ю. Оценка сформированности научно-исследовательских компетенций с отражением уровня и направления их развития у студентов // Science for Education Today. 2023. Т. 13. № 6. С. 172–191. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2306.08>.
6. Казаренкова П. Ю., Пахомова А. Ю., Чурилов Е. В. Кадровый потенциал технологического развития региона // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2024. № 8 (82). С. 87–94.
7. Патутина С. Ю. Научно-исследовательские компетенции студенческой молодёжи: суть и актуальная тематика российских исследований // Human Progress. 2022. Т. 8. Вып. 4. С. 7. <https://doi.org/10.34709/IM.184.7>.
8. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
9. Schultz T. W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. No. 1. Pp. 1–17.
10. George-Reyes C. E., López-Caudana E. O., Ramírez-Montoya M. S. Research competencies in university students: Intertwining complex thinking and Education 4.0 // Contemporary Educational Technology. 2023. Vol. 15. No. 4. Article ep478. <https://doi.org/10.30935/cedtech/13767>.
11. Skopec M., Issa H., Reed J., Harris M. Redefining research competencies: implications for capacity building // Health Research Policy and Systems. 2023. Vol. 21. Article 14. <https://doi.org/10.1186/s12961-023-00964-w>.
12. Bridgstock R. The graduate attributes we've overlooked: enhancing graduate employability through career management skills // Higher Education Research & Development. 2009. Vol. 28. No. 1. Pp. 31–44. <https://doi.org/10.1080/07294360802444347>.
13. Шинкарёва О. В. Факторы активизации научно-исследовательской деятельности студентов // Концепт. 2024. № 06. С. 252–264. <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2024-11094>.

14. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
15. Long P., Siemens G. Penetrating the Fog: Analytics in Learning and Education // *EDUCAUSE Review*. 2011. Vol. 46. No. 5. Pp. 30–40.
16. Gašević D., Tsai Y.-S., Dawson S., Pardo A. Learning analytics in higher education: Stakeholders, strategy and scale // *The Internet and Higher Education*. 2022. Vol. 52. Article 100833. <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2021.100833>.
17. Stolpe K., Hallström J. Artificial intelligence literacy for technology education // *Computers and Education Open*. 2024. Vol. 6. Article 100159. <https://doi.org/10.1016/j.caeo.2024.100159>.
18. Holmes W., Bialik M., Fadel C. *Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning*. Boston: Center for Curriculum Redesign, 2019.
19. Miao F., Holmes W. *Guidance for Generative AI in Education and Research*. Paris: UNESCO, 2023.
20. Молчанов И. Н. Образование и наука: тенденции развития кадрового потенциала // *Лидерство и менеджмент*. 2022. Т. 9. № 3. С. 691–708. <https://doi.org/10.18334/lim.9.3.114932>. EDN: NEZDSC.
21. CIPD. *Talent Management: An Overview*. London: Chartered Institute of Personnel and Development, 2022.
22. Tight M. *Talent Management in Higher Education: Developing Emerging Leaders Within Universities*. New York: Routledge, 2023.
23. Fabbri M., Taranta U. Research culture in the university: between tradition and innovation // *Encyclopaideia*. 2023. Vol. 27. No. 66. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.6092/issn.1825-8670/16547>.
24. Watkins R., Meiers M. W., Visser Y. L. *A Guide to Assessing Needs: Essential Tools for Collecting Information, Making Decisions, and Achieving Development Results*. Washington, D.C.: World Bank Publications, 2012.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**Агапов Е.А.**

студент

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Agapov E.A.

Student

Ufa University of Science and Technology

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ
ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье исследуются административно-правовые основы противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации. Раскрываются правовая природа религиозного экстремизма, место конституционных и федеральных нормативных актов в системе его правового регулирования, содержание административно-правовых методов предупреждения, ограничения и пресечения экстремистской деятельности. Особое внимание уделяется субъектам реализации антиэкстремистских мер, распределению их полномочий и значению межведомственной координации в обеспечении эффективности государственной политики в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, противодействие экстремизму, административно-правовое регулирование, профилактика экстремизма, органы внутренних дел, субъекты противодействия, государственная политика.

**ADMINISTRATIVE AND LEGAL FRAMEWORK FOR COUNTERING RELIGIOUS EXTREMISM
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The article examines the administrative and legal framework for countering religious extremism in the Russian Federation. The article reveals the legal nature of religious extremism, the place of constitutional and federal regulations in the system of its legal regulation, the content of administrative and legal methods of preventing, limiting and suppressing extremist activities. Special attention is paid to the subjects of the implementation of anti-extremist measures, the distribution of their powers and the importance of interdepartmental coordination in ensuring the effectiveness of public policy in this area.

Keywords: religious extremism, countering extremism, administrative and legal regulation, prevention of extremism, law enforcement agencies, subjects of counteraction, state policy.

Правовая природа религиозного экстремизма раскрывается через соединение двух взаимосвязанных элементов - экстремистской идеологии и противоправной деятельности, в которой религиозная мотивация, символика или конфессиональная риторика используются как средство оправдания насилия, вражды, исключительности и подрыва конституционно значимых основ общежития. При этом в действующем российском законодательстве самостоятельная дефиниция понятия «религиозный экстремизм» отсутствует, что само по себе показывает сложность данного явления и объясняет, почему его правовое осмысление строится не через изолированное терминологическое определение, а через совокупность признаков экстремистской деятельности, закрепленных в законе и соотносимых с религиозной сферой. На текущий момент мы можем выделить, что нет единого подхода

к пониманию религиозного экстремизма, тогда как законодатель использует более широкие категории «экстремистская деятельность» и «идеология экстремизма» [1].

Конституционный уровень регулирования здесь имеет исходное значение, поскольку свобода совести и вероисповедания не существует вне пределов охраны иных конституционных ценностей. Конституция РФ закрепляет, что «запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на ... разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» ч. 5 ст. 13, гарантирует равенство прав и свобод независимо от отношения к религии ч. 2 ст. 19, признает за каждым «свободу совести, свободу вероисповедания» ст. 28 и одновременно не допускает «пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду», равно как и «пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» ч. 2 ст. 29.

Именно поэтому религиозный экстремизм требует не только уголовно-правового запрета, но и специального административно-правового регулирования. Федеральный закон № 114-ФЗ выстраивает противодействие экстремистской деятельности как более широкий механизм, чем последующее наказание за оконченное преступление: в качестве основных направлений он закрепляет профилактику, выявление, предупреждение и пресечение, а в числе принципов прямо называет «приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности». Такая конструкция показывает, что государство реагирует не только на уже совершенное общественно опасное деяние, но и на предшествующие ему формы организационной, информационной и идеологической активности, особенно значимые там, где религиозная оболочка используется для маскировки нетерпимости и вовлечения в противоправное поведение. Как раз в этом и проявляется административно-правовая природа рассматриваемого механизма: он предназначен удерживать развитие религиозно окрашенного экстремизма еще до того момента, когда он окончательно переходит в плоскость уголовно наказуемого насилия [2].

Нормативная правовая основа противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации не сведена к одному специальному акту, а образует многоуровневую систему, в которой конституционные положения задают пределы допустимого поведения, федеральные законы определяют правовые режимы предупреждения и пресечения, а иные акты конкретизируют полномочия уполномоченных субъектов. Такое построение неслучайно: в самом исследовательском массиве противодействия религиозному экстремизму рассматривается как комплексный межотраслевой правовой институт, объединяющий нормы конституционного, административного, уголовного, гражданского и иного законодательства, при этом среди действующих актов отсутствует отдельный федеральный закон, специально посвященный именно религиозному экстремизму. Поэтому соответствующее регулирование складывается из универсальных антиэкстремистских норм, применяемых к религиозной сфере с учетом ее особенностей.

Исходное место в этой системе занимает Конституция РФ, поскольку именно она закрепляет верховенство Основного Закона: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации» ч. 1 ст. 15, а также определяет пределы ограничения прав и свобод федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства ч. 3 ст. 55. На этом конституционном фундаменте строится Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который сам определяет, что устанавливает «правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности», а его ст. 3 относит к основным направлениям

профилактику, выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности. Именно этот закон образует центральное звено всей конструкции [3].

Далее система разветвляется по функциональному признаку. Федеральный закон «О полиции» закрепляет среди основных направлений деятельности полиции защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, что придает антиэкстремистским мерам прикладной административно-правовой характер. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» задает надзорный компонент, позволяя проверять исполнение законов и применять меры прокурорского реагирования. Закон РФ «О средствах массовой информации» вводит запрет злоупотребления свободой массовой информации, а Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предусматривает механизм ограничения доступа к незаконно распространяемой информации. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» закрепляет, что Российская Федерация - светское государство и что религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом, вследствие чего регулирование религиозной сферы включается в общую систему охраны публичного порядка без подмены свободы вероисповедания антиэкстремистскими запретами. В совокупности эти акты и образуют нормативную основу административно-правового воздействия на религиозный экстремизм.

Содержание административно-правового воздействия на религиозный экстремизм раскрывается не через одну изолированную меру, а через сочетание профилактических, предупредительных, ограничительных и пресекающих средств, применяемых на разных стадиях формирования и внешнего проявления экстремистской активности. В самой конструкции такого воздействия уже заложена его специфика: религиозно окрашенный экстремизм опасен не только оконченным противоправным деянием, но и предшествующим ему идеологическим влиянием, вербовкой, распространением материалов, формированием устойчивых групп и вовлечением новых лиц. По этой причине административно-правовой механизм ориентирован прежде всего на раннее воздействие, когда поведение еще не всегда перешло в плоскость оконченного преступления, но уже создает угрозу охраняемым публичным интересам.

В системе таких методов особое место занимает убеждение, поскольку именно оно направлено на формирование правомерного сознания, изменение установок и предупреждение радикализации без применения жесткого государственного принуждения. Этот метод характеризуется как воздействие на сознание и поведение людей средствами морального и воспитательного характера, благодаря чему профилактика приобретает не формальный, а содержательный характер. Для религиозного экстремизма это особенно важно, поскольку объектом противодействия нередко выступает не только действие, но и искаженная идеологическая установка. Когда же добровольное следование правовым требованиям не достигается, в действие вступает административное принуждение, которое применяется как производное, но необходимое средство правового реагирования [4].

Практически это выражается в использовании административно-предупредительных мер, мер административного пресечения, мер административно-процессуального обеспечения, административных наказаний и восстановительных мер. При этом административно-предупредительные меры имеют приоритетное значение именно в силу своей профилактической направленности: они допускают применение законных ограничений к гражданам и организациям еще при отсутствии оконченного правонарушения, если необходимо предотвратить его возникновение. Специфика религиозного экстремизма проявляется и в том, что такие меры дополняются контрольными и надзорными механизмами в отношении организаций, информационных материалов и каналов распространения идеологии, включая цифровую среду, где ограничение доступа и пресечение распространения

соответствующего контента становятся частью общего административно-правового режима. В этом сочетании ранней профилактики, адресного ограничения и последующего пресечения и состоит основная особенность рассматриваемых методов [5].

Институциональная сторона противодействия религиозному экстремизму показывает, что соответствующие административно-правовые меры реализуются не одним специальным органом, а системой субъектов, связанных общей целью защиты основ конституционного строя, общественной безопасности и межконфессионального мира. Федеральный закон № 114-ФЗ относит к числу субъектов противодействия экстремистской деятельности федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, а действующая Стратегия противодействия экстремизму, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124, исходит из необходимости единой государственной системы противодействия экстремизму. В этой системе особое место занимает Президент Российской Федерации, поскольку именно глава государства определяет основные направления государственной политики, а на уровне организационной координации значимую роль играет Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Российской Федерации, деятельность которой ориентирована на согласование усилий различных ведомств. Законодательное обеспечение осуществляет Федеральное Собрание, исполнительное - Правительство Российской Федерации и система федеральных и региональных органов исполнительной власти, тогда как суд обеспечивает вынесение обязательных решений по вопросам ликвидации организаций, запрета материалов и применения иных правовых последствий, возникающих в антиэкстремистской сфере [6].

Внутри этого механизма полномочия распределяются по функциональному признаку. Органы внутренних дел занимают центральное место в выявлении, предупреждении и пресечении экстремистской деятельности, в том числе религиозно окрашенной, что прямо связано с их правоохранительной и профилактической природой. Прокуратура не подменяет деятельность иных органов, но обеспечивает надзор за исполнением законов, законностью применяемых ограничений и своевременностью реагирования. Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления включены в систему не формально, поскольку именно на их уровне реализуются профилактические, информационные, воспитательные и координационные меры, особенно значимые в межнациональной и межконфессиональной среде. При этом круг участников не исчерпывается органами публичной власти. Наряду с ними в противодействии экстремизму участвуют институты гражданского общества и иные участники соответствующих правоотношений, а эффективность всей системы зависит не столько от механического наличия полномочий, сколько от их согласованного осуществления, межведомственного взаимодействия и организационно-правовой координации. Именно поэтому разобщенность компетенций, дублирование функций или отсутствие устойчивого обмена информацией снижают результативность антиэкстремистской деятельности даже при наличии достаточно развернутой нормативной базы.

Литература:

1. Вердиханова А.Н., Голубкова Н.И. Противодействие экстремизму в современных условиях // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 4 (68). С. 155-167.
2. Попков Д.В., Лежнева А.А. Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом в условиях цифровизации государства и общества // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 116-119.

3. Прокофьева Т.В. Противодействие экстремизму: современные угрозы и ответные организационно-правовые меры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2025. № 4 (857). С. 135-140.

4. Теппеев А.А. Правовые аспекты противодействия экстремизму и терроризму // Право и управление. 2024. № 5. С. 58-63.

5. Долин В.А. Религиозный экстремизм в России: нормативные правовые предписания в системе правовых средств противодействия // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 3. С. 6-11.

6. Янбухтин Р.М. Религиозный экстремизм: правовой и социологический аспекты // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 2 (6). С. 93-98.

Агапов Е.А.

студент

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Agapov E.A.

Student

Ufa University of Science and Technology

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье исследуются административно-правовые методы профилактики и предупреждения религиозного экстремизма в деятельности органов внутренних дел. Раскрываются правовая природа религиозного экстремизма. Особое внимание уделяется субъектам реализации антиэкстремистских мер, их деятельности, распределению их полномочий и значению межведомственной координации, методика противодействия, а также функционал органов внутренних дел при проведении профилактических мер в борьбе с религиозным экстремизмом.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, противодействие экстремизму, административно-правовое регулирование, профилактика экстремизма, органы внутренних дел, субъекты противодействия, государственная политика.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL METHODS OF PREVENTION AND PREVENTION OF RELIGIOUS EXTREMISM IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Abstract. The article examines the administrative and legal methods of prevention and prevention of religious extremism in the activities of law enforcement agencies. The legal nature of religious extremism is revealed. Special attention is paid to the subjects of the implementation of anti-extremist measures, their activities, the distribution of their powers and the importance of interdepartmental coordination, methods of counteraction, as well as the functionality of internal affairs bodies in carrying out preventive measures in the fight against religious extremism.

Keywords: religious extremism, countering extremism, administrative and legal regulation, prevention of extremism, law enforcement agencies, subjects of counteraction, state policy.

Сущность административно-правовой профилактики и предупреждения религиозного экстремизма в деятельности органов внутренних дел определяется тем, что основное воздействие здесь обращено не к уже завершённому противоправному результату, а к более ранней стадии формирования экстремистской установки, поведения и связей, из которых в дальнейшем может вырасти преступная активность. Такой подход прямо заложен в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ, где к основным направлениям противодействия экстремистской деятельности отнесены принятие профилактических мер, выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности, а в числе принципов назван «приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности» [1].

Для органов внутренних дел эта конструкция имеет прикладное значение, поскольку Федеральный закон «О полиции» связывает их деятельность не только с реагированием на уже совершенное нарушение, но и с «предупреждением, выявлением и пресечением экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан». Следовательно, профилактика

в рассматриваемой сфере представляет собой самостоятельную форму административно-правового воздействия, включающую наблюдение за обстановкой, выявление факторов радикализации, индивидуальную предупредительную работу, правовое информирование, ограничение распространения опасных материалов и иные меры, направленные на недопущение перехода религиозно окрашенной экстремистской активности в открытую противоправную форму [2].

Именно этим профилактика отличается от последующего пресечения. Если пресечение связано с прекращением уже начавшегося противоправного поведения, фиксацией нарушения и применением более жестких средств государственного принуждения, то предупреждение ориентировано на упреждающее вмешательство, когда угроза уже распознаваема, но еще не реализована в полном объеме. В такой модели деятельность ОВД приобретает двойственную природу: с одной стороны, она остается правоохранительной, с другой - сохраняет выраженный предупредительный характер. Поэтому административно-правовая профилактика религиозного экстремизма в работе органов внутренних дел представляет собой не предварительный этап перед наказанием, а самостоятельное направление государственной деятельности, призванное не допустить самой необходимости последующего жесткого реагирования.

Административно-правовые методы, используемые органами внутренних дел для профилактики религиозного экстремизма, образуют не разрозненный набор приемов, а взаимосвязанную систему предупредительного воздействия, в которой центральное место занимает недопущение радикализации личности и распространения экстремистской идеологии до того момента, когда она приобретет форму окончанного правонарушения или преступления. Такое понимание вытекает из самого законодательства о противодействии экстремистской деятельности, где в числе основных направлений названы принятие профилактических мер, выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности, а среди принципов закреплён «приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности». Для органов внутренних дел это положение имеет прямое практическое значение, поскольку закон «О полиции» относит к их обязанностям «предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан». Тем самым профилактика в деятельности ОВД получает самостоятельное правовое содержание и не сводится к обслуживанию последующего пресечения [3].

Внутри этой системы исходным методом выступает убеждение. Его назначение состоит в воздействии на сознание и поведение лиц средствами правового информирования, воспитательной и разъяснительной работы, индивидуальной профилактики, предупреждения вовлечения в радикальные религиозные группы, а также в нейтрализации искаженных установок, маскирующихся под религиозную мотивацию. Именно поэтому в профилактической деятельности ОВД особое значение приобретают общая и адресная профилактика, наблюдение за средой распространения экстремистских идей, работа с молодежью, а также выявление лиц, склонных к противоправному поведению, на основе анализа их социальных, поведенческих и психологических характеристик. Убеждение здесь не является мягким дополнением к принуждению. Оно образует исходную форму правового воздействия.

Когда же предупредительное влияние оказывается недостаточным, подключается административное принуждение. Оно выражается в административно-предупредительных мерах, мерах пресечения, процессуального обеспечения и иных ограничительных средствах, применяемых для немедленного пресечения опасного поведения, ограничения распространения экстремистских материалов и нейтрализации организационных форм экстремистской активности. Соотношение убеждения и принуждения поэтому строится не по принципу конкуренции, а по принципу последовательности: сначала право ориентировано на добровольное правомерное поведение и предупреждение угрозы, затем - при необходимости - на властное вмешательство, направленное на

защиту общественной безопасности и недопущение дальнейшего развития религиозно окрашенного экстремизма [4].

Индивидуальная профилактика религиозного экстремизма в деятельности органов внутренних дел строится как адресное предупредительное воздействие на конкретное лицо, чье поведение, образ жизни, круг общения или система убеждений позволяют предположить риск вовлечения в экстремистскую деятельность либо участия в распространении соответствующей идеологии. Смысл такой работы заключается не в фиксации уже оконченного противоправного акта, а в более раннем распознавании тех факторов, которые способны привести к радикализации и последующему нарушению закона. Именно поэтому в центре внимания оказываются не только формально-юридические признаки совершенного деяния, но и личностные, социальные и поведенческие характеристики, позволяющие оценить вероятность экстремистского поведения. В практике органов внутренних дел такая профилактика начинается с выявления лиц, которые могут совершить административные правонарушения или преступления экстремистской направленности, после чего применяется комплекс мер предупредительного и воспитательного воздействия, ориентированных на недопущение дальнейшей радикализации [5].

Распознавание лиц, склонных к религиозно окрашенному экстремистскому поведению, осуществляется через анализ нескольких взаимосвязанных групп признаков. Во внимание принимаются сведения о прежнем поведении лица, включая факты уголовного или административного преследования, данные о наказаниях, условиях жизни, занятости, семейном положении и социальном окружении. Существенное значение имеют морально-психологические особенности, уровень внушаемости, характер интересов, степень подверженности внешнему идеологическому влиянию, а также устойчивость к радикальным интерпретациям религиозных идей. Не менее важны и поведенческие проявления: резкая смена круга общения, вовлеченность в закрытые группы, интерес к материалам экстремистского содержания, демонстрация нетерпимости к иным конфессиональным позициям, склонность воспринимать насилие как допустимое средство достижения цели. Подобная оценка всегда носит вероятностный характер, однако именно она позволяет органам внутренних дел выбрать соразмерную профилактическую меру, а не ограничиваться формальным реагированием уже после наступления общественно опасных последствий. В этом и проявляется прикладное значение индивидуальной профилактики: она соединяет правовую оценку, социальное наблюдение и предупредительное воздействие, удерживая религиозный экстремизм на стадии, когда его развитие еще может быть остановлено без перехода к более жестким формам государственного вмешательства.

Роль взаимодействия органов внутренних дел с религиозными объединениями, средствами массовой информации и иными общественными институтами определяется тем, что предупреждение религиозного экстремизма по своей природе не может быть сведено к изолированным внутриведомственным действиям полиции. Сам Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ закрепляет в числе принципов противодействия экстремистской деятельности «сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности», а среди основных направлений называет принятие профилактических мер и выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности. Для органов внутренних дел это означает, что их предупредительная функция реализуется не только через собственные административно-правовые средства, но и через выстраивание устойчивой антиэкстремистской среды, в которой радикальная религиозная идеология лишается социальной опоры, каналов легитимации и возможностей для беспрепятственного распространения. Полиция при этом сохраняет координирующее и правоохранительное значение, однако результат достигается именно там, где ее меры соединяются с

авторитетом традиционных религиозных организаций, возможностями общественного влияния и ресурсами публичной коммуникации [6].

Особое значение имеет взаимодействие с религиозными объединениями и духовенством, поскольку в сфере религиозного экстремизма решающее значение нередко приобретает не только правовая оценка поведения, но и содержательное опровержение псевдорелигиозных интерпретаций, на которых строится радикализация. Участие представителей традиционных конфессий позволяет противопоставить экстремистской пропаганде иную систему ценностей, основанную на признанных религиозных нормах, межконфессиональном уважении и неприятии насилия. Средства массовой информации и иные институты общественного воздействия выполняют иную, но не менее значимую функцию: через них обеспечиваются правовое информирование, контрпропаганда, публичное разоблачение экстремистских нарративов и формирование устойчивого неприятия религиозной нетерпимости. В совокупности такое взаимодействие снижает риск радикализации, укрепляет доверие к предупредительной деятельности органов внутренних дел и позволяет переводить противодействие религиозному экстремизму из режима запоздалой реакции в режим раннего социально-правового предупреждения.

Литература:

1. Румянцев Н.В. Правовые и организационные основы противодействия религиозному экстремизму и террористической угрозе на современном этапе // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14. № 1. С. 65-70.
2. Зварыгин В.Е., Кондаков А.С. Сравнительно-правовой анализ законодательства, регулирующего вопросы противодействия религиозному экстремизму // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. Т. 31. № 1. С. 90-95.
3. Долин В.А. Религиозный экстремизм в России: нормативные правовые предписания в системе правовых средств противодействия // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 3. С. 6-11.
4. Алланина Л.М., Изюмов И.В. Административно-правовые и организационные средства противодействию экстремизму // Human Progress. 2025. Т. 11. № 4. С. 26.
5. Римский А.В. Религиозный экстремизм: определение и основные направления гражданско-правовой профилактики // Наука. Искусство. Культура. 2021. № 1 (29). С. 130-139.
6. Шаумаров З.Ш., Баходиржонов Б. Профилактика правонарушений, связанных с религиозным экстремизмом: понятие и особенности // Central Asian Journal of Multidisciplinary Research and Management Studies. 2025. Т. 2. № 4. С. 41-46.

Васильченко И.А.

магистрант

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»

e-mail: ya.ilyavasilchenko99@yandex.ru

Кулеш А.С.

магистрант

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»

e-mail: alex2000rus56@gmail.com

Vasilchenko I.A.

Master's Student

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Kulesh A.S.

Master's Student

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье исследуется проблема злоупотребления процессуальными правами юридическими лицами в гражданском процессе. Рассматриваются основные доктринальные подходы к определению понятия злоупотребления процессуальными правами и выявляются его ключевые признаки. Проводится анализ и систематизация наиболее распространённых форм процессуальных злоупотреблений, совершаемых юридическими лицами, включая манипуляции с доказательствами, злоупотребление правом на обжалование и использование процессуальных инструментов для затягивания процесса. Особое внимание уделяется использованию аффилированности как способа злоупотребления. На основе анализа судебной практики и теоретических источников определяются правовые последствия процессуальных злоупотреблений, предлагаются меры по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: злоупотребление процессуальными правами, юридические лица, добросовестность, судебные расходы, штраф, арбитражный процесс, аффилированность.

ABUSE OF PROCEDURAL RIGHTS BY LEGAL ENTITIES: CONCEPT, FORMS, AND LEGAL CONSEQUENCES

Abstract. The article examines the problem of abuse of procedural rights by legal entities in civil proceedings. It considers the main doctrinal approaches to defining the concept of abuse of procedural rights and identifies its key features. The article analyzes and systematizes the most common forms of procedural abuse committed by legal entities, including manipulation of evidence, abuse of the right to appeal, and the use of procedural tools to delay the process. Special attention is given to the use of affiliation as a method of abuse. Based on the analysis of judicial practice and theoretical sources, the paper identifies the legal consequences of procedural abuses and proposes measures to improve legislation.

Keywords: abuse of procedural rights, legal entities, good faith, legal expenses, fine, arbitration process, affiliation

Актуальность исследования проблемы злоупотребления процессуальными правами юридическими лицами обусловлена рядом факторов. Во-первых, в условиях цифровизации и усложнения экономических связей юридические лица получают все больше возможностей для использования процессуальных инструментов не по назначению. Во-вторых, Злоупотребление процессуальными правами продолжает вызывать значительные трудности в правоприменительной деятельности. При этом в юридической доктрине до настоящего времени не сформировано единого подхода к пониманию сущности данного явления, его признаков и классификации видов злоупотребления процессуальными правами.

В юридической науке сложилось несколько концепций понимания злоупотребления субъективным правом, которые применимы и к процессуальной сфере. Согласно теории пределов осуществления прав, разработанной В.П. Грибановым, Каждое субъективное право ограничено определёнными пределами осуществления; поэтому ситуация, при которой лицо внешне соблюдает требования закона, но, по существу, выходит за рамки допустимого поведения, свидетельствует о злоупотреблении правом [1, С. 22, 63]. В рамках теории целевых прав-обязанностей В.И. Емельянова злоупотребление квалифицируется как неисполнение управомоченным лицом обязанности использовать право в пользу другого субъекта [2, С. 47]. Теория «легальной видимости» С.Г. Зайцевой акцентирует внимание на том, что внешне правомерные действия создают иллюзию законности, но, по существу, подрывают принципы права [3, С. 81]. Применительно к процессуальным правам наиболее полное определение предложено А.В. Юдиным, который рассматривает злоупотребление процессуальными правами как совершение умышленных недобросовестных действий, выступающих формой процессуального правонарушения, которые внешне создают впечатление законного поведения, однако направлены на воспрепятствование достижению целей и задач судопроизводства и влекут применение мер процессуальной ответственности [4, С. 271].

Особенностью злоупотребления процессуальными правами юридическими лицами является то, что они действуют через своих представителей, часто используют корпоративные механизмы и аффилированность для создания видимости правомерного поведения [5, С. 2]. Е.М. Полтавец обоснованно указывает, что стремительное развитие технологий, процессы цифровизации и глобализации способствуют интенсивной трансформации общественных отношений, вследствие чего возникают новые формы злоупотребления субъективными правами и должностными полномочиями [6, С. 53]. В частности, юридические лица используют электронный документооборот, системы видеоконференц-связи и иные цифровые технологии для недобросовестного затягивания процесса.

Исследование судебной практики позволяет точно выявить и классифицировать наиболее типичные и распространенные формы злоупотребления процессуальными правами со стороны юридических лиц:

1. Манипуляции с доказательствами и затягивание процесса. Данная форма является одной из наиболее часто встречающихся. Как следует из Постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.03.2021 по делу № А26-4290/2019, суд квалифицировал как злоупотребление процессуальными правами неоднократную подачу истцом однотипных ходатайств, касающихся повторного истребования одних и тех же доказательств, привлечения третьих лиц, заявления о фальсификации доказательств, а также назначения экспертизы [5, С. 2–3]. Сходным проявлением недобросовестного использования процессуальных прав выступает многократное предъявление заявлений и ходатайств, ранее уже внесённых в материалы дела и разрешённых судом по существу. Сюда же следует отнести инициирование заведомо безосновательных обращений, преследующих единственную цель — затянуть судебное разбирательство. Показательным примером служат ходатайства о переносе предварительного заседания, заявляемые без какой-либо уважительной мотивировки [6, С.

83]. Проект постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих при применении судами норм о злоупотреблении процессуальными правами» (2026 г.) концентрируется на проблеме систематического противодействия подготовке дела к слушанию. В документе описываются ситуации, когда участник процесса выдвигает ходатайства, изначально направленные на затягивание движения дела, либо иным образом создаёт препятствия для его своевременного рассмотрения. Для такого рода случаев разработчики проекта предлагают закрепить за судом право не ограничиваться простым отклонением заявленных требований. Допускается применение финансовых санкций уже на стадии подготовки: на недобросовестную сторону может быть возложена обязанность компенсировать фактическую потерю времени в порядке статьи 99 ГПК РФ.

2. Злоупотребление правом на обжалование. Эта форма выражается в подаче апелляционных и кассационных жалоб при отсутствии разумных оснований с единственной целью затянуть вступление судебного акта в законную силу. Как отмечается в доктрине, необоснованное затягивание процесса по пересмотру является одной из форм злоупотребления [7, С. 84]. Судебная практика расценивает такие действия как злоупотребление, влекущее отказ в удовлетворении жалобы и возложение судебных расходов на заявителя. Так, в определении Верховного Суда РФ от 29.05.2024 N 308-ЭС24-7437 по делу N A20-2352/2022 указал на недопустимость имитации обжалования через подачу жалоб с заведомо неуважительными причинами пропуска срока, прямо расценив такие действия как злоупотребление правом на судебную защиту

3. Манипуляции с размером исковых требований. Как разъяснил Верховный Суд РФ в Определении от 17 декабря 2024 г. по делу № 45-КГ24-31-К7, не всякое уменьшение истцом размера исковых требований является злоупотреблением процессуальным правом. Вместе с тем, если будет установлено, что истцу изначально была известна необоснованность заявленного размера требований, такое поведение может быть квалифицировано судом как злоупотребление процессуальными правами, что способно повлечь отказ в признании судебных издержек необходимыми полностью либо частично. Подобный подход отражён, в частности, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.07.2024 № Ф07-8753/2024 по делу № А56-74636/2023, где суд отказал в удовлетворении исковых требований, указав, что обращение в суд не было связано с действительной защитой нарушенного права, а преследовало цель создания препятствий другой стороне в получении денежных средств.

4. Использование аффилированности для злоупотребления процессуальными правами. Отдельного внимания заслуживает судебная практика Верховного Суда РФ по делам о банкротстве, в рамках которой злоупотребление процессуальными правами со стороны аффилированных юридических лиц проявляется особенно отчетливо. Так, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.03.2026 № 305-ЭС25-12652 по делу № А41-7925/2023 указано, что при рассмотрении споров, связанных с оспариванием сделок с участием заинтересованных лиц, подлежит применению более строгий стандарт доказывания по сравнению с ситуациями, когда стороной является независимый участник оборота. Это обусловлено тем, что общность экономических интересов повышает риск представления формально надлежащих, но по существу фиктивных доказательств исполнения обязательств. В данном деле суд кассационной инстанции был отменен Верховным Судом именно потому, что не учел пассивную позицию аффилированного лица, которое не представило исчерпывающих доказательств реальности хозяйственных операций.

(Правовые последствия злоупотребления процессуальными правами юридическими лицами)

Правовые последствия злоупотребления процессуальными правами юридическими лицами можно классифицировать на следующие группы:

1. Процессуальные санкции: отнесение судебных расходов. Согласно части 2 статьи 111 АПК РФ, арбитражный суд вправе возложить все судебные расходы по делу на лицо, злоупотребляющее

процессуальными правами, если такие действия повлекли срыв судебного заседания, затягивание процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта. При этом решение о применении указанных неблагоприятных последствий относится к усмотрению суда. Данный подход конкретизирован в пункте 138 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», где разъясняется, что в целях обеспечения баланса интересов сторон и недопущения получения необоснованной выгоды вследствие недобросовестного поведения, в том числе при искусственном разделении требований, вытекающих из одного договора, подача нескольких исков может быть признана злоупотреблением процессуальными правами. Такие действия способны повлечь отказ в признании судебных издержек разумными и необходимыми полностью или в части, либо возложение на истца судебных издержек ответчика в порядке статьи 111 АПК РФ.

2. Отказ в защите права. В соответствии с пунктом 2 статьи 10 ГК РФ, в случае если злоупотребление правом повлекло нарушение прав и законных интересов других лиц, суд вправе отказать в защите принадлежащего лицу права полностью либо частично. В процессуальном аспекте это может проявляться в различных формах, включая отказ в удовлетворении ходатайств, возвращение жалоб или оставление искового заявления без рассмотрения. Так, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.03.2026 № 09АП-61916/2025 по делу № А40-101051/2024 действия оператора связи были квалифицированы как совершённые «в обход закона» и содержащие признаки злоупотребления правом. Суд указал, что подобное поведение в силу пункта 2 статьи 10 ГК РФ должно влечь отказ в судебной защите заявленных требований.

3. Взыскание компенсации за потерю времени. Применение данной меры в настоящее время обусловлено необходимостью установления ряда предусмотренных законом условий. Так, в решении Чулымского районного суда Новосибирской области от 26.12.2022 по делу № 2-37/2022 суд отказал во взыскании компенсации за фактическую потерю времени, указав, что по смыслу статьи 99 ГПК РФ такая компенсация возможна лишь при наличии доказанного недобросовестного поведения, выраженного в подаче заведомо необоснованного иска, наличии спора относительно его заявлений либо систематическом противодействии своевременному рассмотрению дела. В рассматриваемом случае суд пришёл к выводу об отсутствии недобросовестности, указав, что истцы добросовестно заблуждались относительно надлежащего способа защиты права, а доказательств систематического злоупотребления процессуальными правами представлено не было. В то же время в проекте постановления Пленума Верховного Суда РФ (2026 г.) отмечается, что при систематическом характере процессуального противодействия суд вправе взыскивать компенсацию за фактическую потерю времени в пользу добросовестной стороны в порядке статьи 99 ГПК РФ, в том числе уже на стадии подготовки дела. Тем самым предполагается расширение практики применения данной меры: от простого реагирования на недобросовестные действия в виде их отклонения — к финансовому воздействию, направленному на компенсацию негативных последствий для добросовестного участника процесса.

4. Иные последствия. К ним относятся: признание действий недобросовестными, что может повлиять на распределение бремени доказывания; возможность пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам, если будет установлено, что он основан на сфальсифицированных доказательствах; а также привлечение к ответственности, предусмотренной законодательством (например, за фальсификацию доказательств). В рамках дела № А56-68645/2024 (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.11.2025 № 307-ЭС25-7072) Верховный Суд РФ рассмотрел соответствующие процессуальные последствия поведения стороны и дал оценку обстоятельствам с точки зрения добросовестности участников процесса. Предметом спора было

привлечение контролирующих должника лиц (КДЛ) к субсидиарной ответственности после получения аванса и последующего исключения организации-должника из ЕГРЮЛ как недействующего юридического лица. Суды трех инстанций отказали истцу, указав, что он не доказал прямую причинно-следственную связь между действиями ответчиков и невозможностью должника исполнить обязательства. Отменяя принятые по делу акты, Верховный Суд РФ обратил внимание на необходимость учёта фактического неравенства сторон в доступе к доказательственной базе. Как разъяснила высшая инстанция, в ситуации, когда кредитор лишён возможности ознакомиться с внутренней и финансовой документацией должника, в то время как контролирующие организацию лица располагают ею в полном объёме, суд обязан перераспределить бремя доказывания. При установлении истцом факта задолженности и подтверждении процессуального статуса ответчиков в качестве контролирующих должника лиц (КДЛ) именно на последних возлагается обязанность опровергнуть презумпцию недобросовестности и подтвердить отсутствие причинной связи между совершёнными ими действиями и неспособностью организации исполнить обязательства. Логика Верховного Суда РФ сводится к тому, что отказ контролирующего лица от раскрытия информации о причинах неисполнения подконтрольным субъектом требований кредиторов, а равно о мотивах принятия конкретных хозяйственных решений, может расцениваться как стремление замаскировать противоправный характер собственного поведения. Развивая данный подход, М.А. Алибутаев обосновывает целесообразность наделения суда правомочием самостоятельно устанавливать размер штрафных санкций в законодательно очерченных границах, что обеспечило бы более гибкое и действенное реагирование на подобные процессуальные нарушения [8, С. 123].

Обращение к зарубежному опыту позволяет заключить, что в правовых системах ряда государств (Китай, Бразилия, Беларусь) созданы более результативные средства противодействия злоупотреблению процессуальными правами. Л.Р. Борецкая подчёркивает: Гражданский процессуальный кодекс КНР не только закрепляет принцип добросовестной реализации процессуальных возможностей, но и вводит механизмы его обеспечения, допускающие применение к участникам спора штрафов, а также ареста за недобросовестное процессуальное поведение [9, С. 356]. В Бразилии закон содержит перечень недобросовестного поведения сторон и предусматривает штраф в размере от 1% до 10% от цены иска [там же].

В целях совершенствования российского законодательства представляется целесообразным:

- закрепить в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ принцип добросовестного осуществления процессуальных прав, а также нормативно определить понятие злоупотребления процессуальными правами, что позволило бы унифицировать подходы к оценке недобросовестного процессуального поведения и повысить предсказуемость правоприменительной практики;
- расширить перечень мер процессуального принуждения за злоупотребления, предусмотрев возможность наложения штрафа независимо от исхода дела;
- ввести повышенный стандарт доказывания для аффилированных лиц, аналогичный применяемому в делах о банкротстве;
- разработать методические рекомендации для судей по выявлению признаков процессуальных злоупотреблений, особенно на ранних стадиях процесса.

Таким образом, проблема злоупотребления процессуальными правами юридическими лицами требует комплексного решения как на теоретическом, так и на законодательном уровне. Имплементация данных мер позволит снизить нагрузку на судебную систему РФ, что поспособствует обеспечению своевременного правосудия.

Литература:

1. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 411
2. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М., 2002. С. 160
3. Зайцева С.Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации. Рязань., 2002. С. 150
4. Беляева К.А. Злоупотребление процессуальными правами: теоретический анализ и концептуальные рамки // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 270–272.
5. Балашов К. Г., Дубровский Н. С., Выходцева А. В., Масуфранова Е. А. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном судопроизводстве // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. №4 (142). С.1-4.
6. Полтавец Е.М. Проблемы правового регулирования злоупотребления субъективным правом (должностным полномочием) в условиях цифровизации // Образование. Наука. Научные кадры. 2026. № 1. С. 52–57.
7. Лукина А.А. Злоупотребления процессуальными правами в российском судопроизводстве // Молодой ученый. 2025. № 34 (585). С. 83–85.
8. Алибутаев М.А. Меры процессуального принуждения за злоупотребление процессуальными правами // Закон и право. 2024. № 2. С. 121–124.
9. Борецкая Л.Р. Злоупотребление процессуальными правами в цивилистическом процессе: проблемы и пути решения в контексте международного опыта // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10(238). С. 355–357.

Крючкова В.А.

студент

ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»

Kryuchkova V.A.

Student

Taganrog Institute of Management and Economics

УЧАСТНИКИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОВД

Аннотация. В данной статье детально рассматриваются участники дисциплинарного производства в органах внутренних дел (здесь и далее – ОВД) Российской Федерации. Анализируются их процессуальные статусы, права и обязанности, а также роль в различных стадиях дисциплинарного производства. Особое внимание уделено полномочиям руководителей как субъектов дисциплинарной власти, статусу привлекаемого к ответственности сотрудника, функциям комиссии по служебной проверке и роли иных участников. Исследование проводится с учетом действующего законодательства и ведомственных нормативных актов, направленных на обеспечение справедливости и объективности дисциплинарной практики. На основе анализа нормативно-правовой базы и практики применения сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования участия субъектов в дисциплинарном производстве.

Ключевые слова: дисциплинарное производство, органы внутренних дел, субъект дисциплинарной власти, сотрудник, служащий, служебная проверка, комиссия по служебной проверке, представитель нанимателя, правовое положение участников.

PARTICIPANTS IN DISCIPLINARY PROCEEDINGS IN ATS

Abstract. This article examines in detail the participants in disciplinary proceedings in the internal affairs bodies (hereinafter referred to as the ATS). Of the Russian Federation. Their procedural statuses, rights and obligations, as well as their role in various stages of disciplinary proceedings are analyzed. Special attention is paid to the powers of managers as subjects of disciplinary authority, the status of the employee being held accountable, the functions of the internal audit commission and the role of other participants. The study is carried out taking into account the current legislation and departmental regulations aimed at ensuring the fairness and objectivity of disciplinary practice. Based on the analysis of the regulatory framework and application practice, proposals have been formulated to improve the legal regulation of the participation of subjects in disciplinary proceedings.

Keywords: disciplinary proceedings, internal affairs bodies, subject of disciplinary authority, employee, official, official inspection, commission for official inspection, representative of the employer, legal status of participants.

Дисциплинарное производство в органах внутренних дел представляет собой урегулированную нормами права деятельность уполномоченных субъектов, направленную на привлечение сотрудников ОВД к дисциплинарной ответственности. Эффективность дисциплинарного производства во многом зависит от чёткого определения правового статуса его участников, распределения их прав и обязанностей, а также от слаженного взаимодействия всех субъектов процесса.

Цель данной статьи – комплексно исследовать и систематизировать особенности дисциплинарного производства в ОВД, раскрыть процессуальные функции и полномочия их участников, выявить проблемные аспекты правового регулирования и предложить пути их устранения.

Как отмечает в своем исследовании автор С. А. Власова, «...дисциплинарное производство в органах внутренних дел представляет собой сложный, многоэтапный процесс, направленный на установление факта совершения сотрудником дисциплинарного проступка, его оценку и применение соответствующих мер дисциплинарного воздействия» [1]. Эффективность данного процесса напрямую зависит от четкого определения круга лиц, участвующих в его осуществлении, а также от строгого соблюдения ими своих полномочий и обязанностей.

Отметим также, что неправомерные действия или бездействие любого из участников могут привести к нарушению законности, необоснованному привлечению сотрудника к ответственности или, наоборот, к избежанию наказания за виновное деяние. Из чего следует, что детальное изучение состава участников дисциплинарного производства и их роли является ключевым средством для понимания механизма поддержания служебной дисциплины в системе ОВД.

Стоит отметить тот факт, что по мнению ряда ученых (В. И. Кошевацкого [2], Н. П. Маюров [3], В. С. Бялт [3] и других) специфика дисциплинарного производства в ОВД определяет наличие ряда обязательных и факультативных участников. Так отметим, что четкое понимание состава участников дисциплинарного производства в ОВД, их прав, обязанностей и ответственности за нарушения разного порядка, является залогом корректного, законного и обоснованного применения дисциплинарных мер взыскания. Потому, игнорирование или искажение роли любого из субъектов, может привести к негативным последствиям, как для сотрудника, так и для всей системы органов внутренних дел.

Как указывает в своем научном исследовании Е. А. Шурупова, обязательным субъектам, без которых невозможно легитимное проведение дисциплинарного разбирательства, относятся [5, 20]:

- Сотрудник, в отношении которого проводится дисциплинарное разбирательство. Субъект находится в центре процесса. Его права, указанные в нормативных актах (право давать объяснения, представлять доказательства, ходатайствовать о вызове свидетелей и т.д.), должны быть гарантированы. Недопущение или ограничение этих прав является грубым нарушением процедуры. Важно отметить, что даже при наличии неоспоримых доказательств вины, процедура должна быть соблюдена, а сотрудник имеет право доказать свою невиновность или смягчить ответственность.

- Непосредственный начальник (или уполномоченное им лицо). Тут стоит отметить, что как правило, именно он инициирует дисциплинарное разбирательство, собирает первичные материалы, проводит первичное служебное разбирательство и выносит решение о применении дисциплинарного взыскания (в пределах своей компетенции) или направляет материалы вышестоящему руководителю. На нем лежит основная ответственность за законность и обоснованность начального этапа производства. Его роль заключается не только в констатации факта нарушения, но и в тщательном изучении всех обстоятельств, оценке мотивов и причин совершения проступка.

- Сотрудник (уполномоченное лицо) кадрового подразделения (или подразделения собственной безопасности). Следует указать, что данные подразделения, играют ключевую роль в методическом обеспечении и контроле за соблюдением законности при проведении дисциплинарного производства [5].

Данные лица участвуют в проверке материалов, готовят проекты приказов о наложении взысканий, осуществляют учет дисциплинарных проступков и взысканий, а также могут выступать консультантами для руководителей, проводящих разбирательство. Их объективность и профессионализм крайне важны для предотвращения ошибок и нарушений [5, 21].

В свою очередь В. И. Ковшевацкий отмечает, что ключевой участник дисциплинарного производства – это руководитель (начальник), обладающий дисциплинарными полномочиями [2]:

- Министр внутренних дел РФ;
- заместители Министра;
- руководители территориальных органов МВД;
- начальники подразделений и их заместители.

Также отметим, что В. Н. Опарин указывает на то обстоятельство, что помимо основных участников, в дисциплинарном производстве могут быть задействованы и другие лица, чье участие обусловлено конкретными обстоятельствам [4, 89]:

– Свидетели – это лица, осведомленные о факте совершения дисциплинарного проступка или обстоятельствах, имеющих значение для дела. Их показания могут быть как подтверждающими, так и опровергающими вину сотрудника. Их опрос должен проводиться с соблюдением установленных процедур, с разъяснением их прав и обязанностей.

Эксперты – специалисты в определенной области научных знаний, в случаях, когда для оценки совершенного деяния требуются специальные знания (например, при расследовании нарушений правил эксплуатации техники, при анализе содержания документов), к участию могут привлекаться специалисты-эксперты.

– Представители профсоюзных или иных общественных организаций – в случаях, предусмотренных ведомственными актами, представители таких организаций могут участвовать в разбирательстве, защищая интересы сотрудника.

– Внештатные сотрудники, привлекаемые к процессу. Так, иногда для проведения отдельных этапов разбирательства, особенно в крупных подразделениях, могут привлекаться дополнительные сотрудники, не входящие в штат кадровых или подразделений собственной безопасности.

Понимание данных аспектов является актуальным вопросом для всех, кто вовлечен в процедуру: от руководителя, инициирующего разбирательство, до сотрудника, чье поведение стало предметом проверки.

Следует отметить тот факт, что сотрудник, в отношении которого ведется дисциплинарное производство, обладает ключевым правом на защиту, что включает в себя заблаговременное уведомление о сути предъявляемого обвинения, предоставление возможности дать исчерпывающие объяснения, представление доказательств своей невиновности, ходатайство об истребовании дополнительных сведений, а также право пользоваться помощью адвоката. Кроме того, не менее важной является обязанность самого сотрудника являться по вызовам и давать правдивые объяснения, не препятствуя законной деятельности должностных лиц, проводящих проверку.

Также, уточнению подлежит то обстоятельство, что должностное лицо, инициирующее производство или проводящее служебную проверку, наделено широкими правами по сбору и исследованию материалов. Такое должностное лицо вправе запрашивать документы, опрашивать свидетелей, истребовать объяснения от других лиц, привлекать при необходимости специалистов. Одновременно с этим на него возлагается ответственность за всестороннее, полное и объективное выяснение всех обстоятельств дела, соблюдение установленных сроков и требований законодательства. Обязанность должностного лица в данной ситуации (как отмечают в исследовании Н. П. Маюров, В. С. Бялт [3]) – «...действовать беспристрастно, исключая любое давление на проверяемого сотрудника» [3, 48].

При этом, представители кадровых подразделений и вышестоящее руководство, в данном случае играют роль гарантов законности и справедливости. Они контролируют соблюдение процедуры, оказывают методическую помощь, проверяют обоснованность принимаемых решений. Права данных лиц включают в себя предоставление доступа на всех этапах и ко всем материалам производства, что открывает для них возможность давать рекомендации и выражать свое мнение. В то же время, данные

лица несут ответственность за своевременное и качественное рассмотрение материалов, а также за законность и обоснованность налагаемых взысканий.

Необходимо отметить также, что участники дисциплинарного производства, такие как свидетели и специалисты, имеют свои регламентированные права и обязанности. Свидетели, вызываемые для дачи показаний, обязаны являться по вызову и правдиво сообщать известные им сведения. Однако, вместе с тем, они имеют право не свидетельствовать против себя и своих близких родственников, а также требовать соблюдения конфиденциальности полученной информации. При этом, специалисты, привлекаемые к участию в производстве, обладают правом задавать вопросы, знакомиться с материалами дела, относящимися к их компетенции, и предоставлять свои заключения. Их основная обязанность представляется как проведение исследований и дача объективных заключений, основанных на специальных знаниях.

Можно заключить, что фундаментальным принципом, проходящим по всем аспектам дисциплинарного производства, является принцип законности, что может означать тот факт, что абсолютно все действия участников, будь то сбор доказательств, допрос или принятие решений, должны строго соответствовать действующему законодательству Российской Федерации, в частности, Федеральному закону «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и соответствующим подзаконным актам. Таким образом, нарушение установленных законным порядком процедур, даже при наличии вины сотрудника, может привести к признанию всего производства недействительным [5, 7].

Из всего вышесказанного можно заключить, что участники дисциплинарного производства в ОВД образуют сложную систему взаимосвязанных субъектов, каждый из которых выполняет определённые процессуальные функции. При этом, чёткое определение их статусов, прав и обязанностей является залогом законности и справедливости привлечения сотрудников к дисциплинарной ответственности, а совершенствование нормативно-правового регулирования участия субъектов позволит повысить эффективность дисциплинарного производства, обеспечить защиту прав сотрудников и укрепить служебную дисциплину в органах внутренних дел.

Стоит также отметить тот факт, что дальнейшее развитие института дисциплинарной ответственности должно идти по пути детализации процессуальных гарантий для всех участников, внедрения современных технологий в практику проверок и повышения профессиональной компетентности лиц, осуществляющих дисциплинарное производство.

Подводя итог заметим, что постоянное совершенствование нормативной базы и повышение профессиональной подготовки лиц, проводящих дисциплинарное разбирательство, способствуют укреплению служебной дисциплины и повышению эффективности деятельности ОВД.

Литература:

1. Власова С. А. Предупредительные меры в административно-правовой деятельности / С. А. Власова // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 7. – С. 41-45.
2. Кошевацкий В. И. К вопросу о сущности и правовой природе административного принуждения / В. И. Кошевацкий // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 6. – С. 101-103.
3. Маюров Н. П., Бялт В. С. Дисциплинарный устав органов внутренних дел: теория и практика / Н. П. Маюров, В. В. Бялт // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 1. – С. 44-49.
4. Опарин В. Н. Правовое регулирование и применение мер непосредственного принуждения должностными лицами правоохранительных органов Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. / В. Н. Опарин. – Москва, 2010. – 140 с.

5. Шурупова Е. А. Дисциплинарное производство в органах внутренних дел Российской Федерации: административно-правовой аспект.: авто-реф.дис. ... канд юрид. наук: 12.00.14 / Е. А. Шурупова. - Челябинск, 2015. - 25 с.

Волохов А.О.

магистрант

ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»

e-mail: volohov.shura@yandex.ru

Volohov A.O.

Master's Student

Russian University of Transport

HR-ИЗМЕРЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ В ПРОЕКТНЫХ КОМПАНИЯХ МАЛОГО БИЗНЕСА: ИНТЕГРАЦИЯ РАБОТЫ СО ЗНАНИЯМИ В СИСТЕМУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Аннотация. В статье рассматривается HR-измерение управления знаниями в проектных компаниях малого и среднего бизнеса с гибридной организационной моделью. Обосновывается необходимость интеграции работы со знаниями в систему стратегического управления персоналом в соответствии с положениями профессионального стандарта «Специалист по управлению персоналом». На материале эмпирического исследования проектно-инжиниринговой компании ООО «Инжекта» выявлены особенности реализации HR-функций (подбор, адаптация, развитие, удержание персонала, управление корпоративной культурой) применительно к задачам управления знаниями, представлена авторская модель встраивания HR-составляющей в поэтапную модель совершенствования системы управления знаниями. Сформулированы практические рекомендации, ориентированные на проектные компании малого бизнеса.

Ключевые слова: управление знаниями, стратегическое управление персоналом, проектная компания, малый и средний бизнес, гибридная организационная модель, профессиональный стандарт, человеческий капитал, сообщество резидентов.

HR DIMENSION OF KNOWLEDGE MANAGEMENT IN SMALL BUSINESS PROJECT COMPANIES: INTEGRATION OF KNOWLEDGE WORK INTO THE SYSTEM OF STRATEGIC PERSONNEL MANAGEMENT

Abstract. The article examines the HR dimension of knowledge management in small and medium-sized business project companies with a hybrid organizational model. The necessity of integrating knowledge work into the system of strategic personnel management is substantiated in accordance with the provisions of the professional standard "Personnel Management Specialist". Based on the empirical study of the project engineering company LLC "Inzhekta", the features of HR functions (recruitment, adaptation, development, retention of personnel, corporate culture management) are identified in relation to knowledge management tasks. The author's model of embedding the HR component into a stage-by-stage model for improving the knowledge management system is presented. Practical recommendations focused on small business project companies are formulated.

Keywords: knowledge management, strategic personnel management, project company, small and medium business, hybrid organizational model, professional standard, human capital, community of residents.

Введение

Развитие систем управления знаниями в современных организациях традиционно рассматривается преимущественно через призму цифровых технологий и организационных процессов. Существенная

часть научной литературы посвящена корпоративным базам знаний, технологиям документирования опыта, методикам передачи неявных знаний между сотрудниками. Вместе с тем кадровое измерение управления знаниями — комплекс HR-практик, обеспечивающих привлечение носителей знаний, передачу опыта, удержание ключевых специалистов, формирование культурных оснований работы со знаниями — остаётся относительно слабо проработанной областью [4].

Особую актуальность HR-измерение управления знаниями приобретает применительно к компаниям малого и среднего бизнеса. Если в крупных корпорациях работа с человеческим капиталом обеспечивается развитыми HR-департаментами с разделением функций между подбором, адаптацией, обучением и развитием персонала, то в организациях малого бизнеса HR-функция нередко реализуется на аутсорсинговой основе или совмещается с обязанностями руководителей [5]. В таких условиях системная интеграция работы со знаниями в управление персоналом требует специальных управленческих решений и не может быть достигнута за счёт простого делегирования задачи внешним подрядчикам или специализированному подразделению. Аутсорсинг функций управления знаниями и кадрового обеспечения в современных условиях рассматривается как распространённая практика организаций малого и среднего бизнеса, имеющая определённые перспективы развития [5].

Дополнительную сложность вносит распространение гибридных организационных моделей, при которых компания взаимодействует не только с собственным штатным персоналом, но и с внешним сообществом исполнителей. Такие модели характерны для современного проектно-инжинирингового бизнеса, IT-компаний, креативных индустрий, консалтинга. Носителями критически важных для бизнеса знаний в гибридных моделях выступают как штатные сотрудники, так и резиденты внешнего сообщества, что формирует двойной контур HR-задач и требует пересмотра традиционных подходов к работе с персоналом.

Закрепление направления «стратегическое управление персоналом» в качестве самостоятельной обобщённой трудовой функции в утверждённом приказом Минтруда России от 9 марта 2022 г. № 109н профессиональном стандарте «Специалист по управлению персоналом» [3] создаёт нормативную основу для системного рассмотрения HR-измерения работы со знаниями. Профессиональный стандарт прямо относит развитие компетенций сотрудников, формирование корпоративной культуры и интеграцию HR-процессов с другими управленческими функциями к области стратегической ответственности специалистов по управлению персоналом. Применение профессиональных стандартов в формировании человеческого капитала организации в современных условиях имеет принципиальное значение для развития системы стратегического управления персоналом [12].

Целью настоящей статьи является обоснование подхода к интеграции управления знаниями в систему стратегического управления персоналом применительно к проектным компаниям малого и среднего бизнеса с гибридной организационной моделью. Эмпирической основой исследования выступают результаты анализа практик управления знаниями в проектно-инжиниринговой компании ООО «Инжекта», проведённого автором в 2024–2025 годах.

Основная часть

Связь между управлением знаниями и стратегическим управлением персоналом имеет глубокие теоретические основания. В классической модели интеллектуального капитала выделяются три взаимосвязанных компонента: человеческий капитал (знания, навыки, компетенции сотрудников), структурный капитал (формализованные знания в регламентах, базах данных, процессах) и отношенческий капитал (связи с клиентами и партнёрами) [6]. Принципиально, что человеческий капитал, в отличие от структурного, не принадлежит организации в правовом смысле: сотрудник может покинуть компанию, унеся свои знания и опыт. Это определяет двойственность задач HR-функции применительно к управлению знаниями: с одной стороны, привлечение и удержание носителей знаний;

с другой стороны, целенаправленная работа по трансформации человеческого капитала в структурный через формализацию опыта, документирование лучших практик, создание обучающих материалов.

Современные исследования подчёркивают, что переход к экономике знаний требует развития цифровых компетенций сотрудников, рассматриваемых в качестве самостоятельного объекта управленческого внимания [7]. Цифровые компетенции работников и инструменты цифровой трансформации становятся ключевыми факторами успешного применения технологий управления знаниями. Особую роль при этом играет интеграция компетенций различных уровней — от базовых пользовательских до специализированных профессиональных. Значимым компонентом современного управления знаниями выступает также цифровая финансовая грамотность сотрудников, обеспечивающая способность ориентироваться в финансовых аспектах деятельности организации [8].

Формирование современных управленческих компетенций в условиях цифровой экономики представляет собой отдельный комплекс задач стратегического управления персоналом. Современные исследования отмечают проблему отсутствия системных механизмов формирования ключевых компетенций кадров управления и необходимость их консолидации в едином управляемом контуре [9]. Цифровая трансформация системы развития и обучения персонала предприятий выступает одним из основных направлений работы HR-функции в современных условиях, обеспечивающим переход от традиционных моделей обучения к гибким адаптивным форматам, интегрированным с системой управления знаниями организации [10]. Развитие корпоративной культуры и гибких компетенций в контексте цифровой трансформации компании является важной составляющей этого процесса [11].

Эмпирической основой для анализа особенностей HR-функции в проектных компаниях малого бизнеса с гибридной организационной моделью в настоящем исследовании выступает практика проектно-инжиниринговой компании ООО «Инжекта». Компания осуществляет инжиниринговую деятельность по реализации проектов в области промышленной автоматизации и технического консалтинга, демонстрирует устойчивый рост (выручка за период наблюдения возросла с 24 до 79 млн рублей в годовом исчислении), располагает штатной структурой из восьми сотрудников и развитым сообществом резидентов — внешних профильных исполнителей, привлекаемых для реализации конкретных проектов. Гибридная организационная модель компании обеспечивает её способность принимать заказы существенно более крупного масштаба, чем позволяла бы исключительно штатная структура.

Принципиальной особенностью HR-функции в исследуемой компании, существенно влияющей на возможности построения системы управления знаниями, является её аутсорсинговая реализация. В штате компании отсутствует HR-специалист или HR-подразделение; задачи кадрового делопроизводства выполняются внешним аутсорсинговым контрагентом, а стратегические HR-решения принимаются непосредственно владельцем компании совместно с руководителем проектов. Такая модель, распространённая в малом бизнесе, обеспечивает экономию на постоянных кадровых издержках, однако создаёт дополнительные риски с точки зрения системности работы с человеческим капиталом и сохранности корпоративных знаний [5].

Подбор персонала в компании осуществляется по двум различным контурам в соответствии с гибридной организационной моделью. Подбор штатных сотрудников реализуется на нерегулярной основе, по мере возникновения кадровых потребностей; формализованных профилей должностей и системы оценки кандидатов в компании не выработано. Подбор резидентов сообщества имеет большую регламентацию: процедура структурирована в воронке корпоративной информационной системы и включает последовательные этапы — заявку, сбор информации, добавление в коммуникационный чат, интервью с руководителем, принятие решения о включении. Содержательная часть оценки кандидата (профессиональные компетенции, опыт, ценностные установки) формализована частично. Указанная

диспропорция отражает большую значимость сообщества для масштабирования бизнеса по сравнению с расширением штатной структуры.

Адаптация новых участников в обеих категориях реализуется в неформальном режиме. Программа адаптации (онбординга) не формализована — ни для штатных сотрудников, ни для резидентов. Передача знаний о компании, специфике проектов и используемых инструментах происходит через личное общение с руководителем и членами команды, что ставит качество адаптации в зависимость от доступности конкретных людей в момент включения нового участника. С точки зрения управления знаниями это означает, что важная компонента системы — интернализация знаний — не имеет институциональной поддержки.

Развитие персонала и формирование компетенций в компании реализуется преимущественно через включение в проектную деятельность. Корпоративных программ обучения, регламентированных индивидуальных планов развития, формализованной системы оценки компетенций в компании не выработано. Согласно данным проведённого анкетирования сотрудников и резидентов, профессиональное развитие через участие в проектах указывается ведущим способом роста большинством респондентов, при отсутствии у респондентов опыта систематического корпоративного обучения. Применительно к управлению знаниями данная ситуация означает, что значительная часть процесса интернализации знаний — преобразования явных знаний в индивидуальные компетенции сотрудников — реализуется стихийно.

Удержание сотрудников и ключевых резидентов сообщества как HR-задача имеет двойственный характер. С одной стороны, открытая корпоративная культура и активное профессиональное сообщество способствуют удержанию: значительное большинство респондентов оценивают внутренние коммуникации в компании как открытые и доверительные. С другой стороны, отсутствие формализованных программ развития и материальных стимулов к долгосрочному сотрудничеству создаёт потенциальные риски ухода ключевых носителей знаний. С точки зрения управления знаниями уход активного резидента или штатного сотрудника, обладающего значимой экспертизой, при отсутствии формализованных постпроектных описаний и регламентов приводит к утрате накопленного опыта.

Корпоративная культура как объект HR-управления развивается в компании преимущественно стихийно. Целенаправленной работы по формированию культурных оснований работы со знаниями — декларирования ценностей открытого обмена опытом, признания вклада активных носителей знаний, формализованных программ внутреннего признания — не проводится. Существующая открытая неформальная культура сложилась естественным образом за счёт компактности команды и личного стиля владельца компании. Это создаёт ограничение масштабируемости: при дальнейшем росте компании естественной поддержки культуры может оказаться недостаточно. Согласно современным исследованиям, развитие корпоративной культуры и гибких компетенций в контексте цифровой трансформации компании выступает одним из ключевых факторов эффективного управления знаниями [11].

Соотнесение выявленных особенностей HR-функции с задачами управления знаниями представлено в таблице 1.

Таблица 1. Соотнесение HR-функций и задач управления знаниями в проектной компании малого бизнеса

HR-функция	Связанная задача управления знаниями	Особенность в гибридной модели
Подбор персонала	Привлечение носителей профильных знаний	Двойной контур: штат и резиденты сообщества
Адаптация (онбординг)	Интернализация корпоративных знаний новыми участниками	Разные сценарии адаптации для штата и резидентов
Развитие компетенций	Социализация и интернализация знаний	Преимущественная опора на проектную деятельность
Удержание персонала	Сохранность накопленных знаний в организации	Удержание резидентов требует особых инструментов
Управление корпоративной культурой	Социализация знаний, поддержка обмена опытом	Распространение культурных норм на внешнее сообщество
Кадровое делопроизводство	Связь HR-данных с системой управления знаниями	Аутсорсинг ограничивает интеграцию

Проведённый анализ показывает, что HR-функция в проектной компании малого бизнеса с гибридной организационной моделью требует специальных управленческих решений, обеспечивающих интеграцию работы со знаниями в каждый из элементов работы с персоналом. Простое заимствование HR-практик крупных корпораций для таких компаний нецелесообразно как по ресурсным ограничениям, так и по существенным различиям в организационной модели.

Преодоление выявленных ограничений требует системного встраивания HR-составляющей в модель развития системы управления знаниями. На основе проведённого анализа автором разработана поэтапная модель совершенствования системы управления знаниями для проектных компаний малого и среднего бизнеса, в которой каждый из трёх последовательных этапов содержит явно выраженное HR-измерение. Применительно к компании с аутсорсинговой реализацией HR-функции это означает, что развитие системы управления знаниями одновременно выступает инструментом постепенного формирования внутреннего HR-контура компании.

Первый этап — структурирование инфраструктуры управления знаниями продолжительностью 6–9 месяцев — направлен на создание базовой технологической и организационной основы работы со знаниями. С точки зрения HR-измерения этот этап включает разработку формализованных процедур работы с персоналом по основным направлениям: типовые требования к кандидатам по ключевым штатным и резидентским позициям, базовый сценарий онбординга нового участника, регламент назначения ответственных за документирование опыта проектов. Влияние на компоненты человеческого капитала проявляется через формирование структурного капитала: фиксация процедур работы с персоналом в регламентах создаёт нормативную основу, не зависящую от индивидуальных носителей. С позиций профессионального стандарта «Специалист по управлению персоналом» [3] этап соответствует преимущественно обобщённым трудовым функциям документационного обеспечения работы с персоналом и частично деятельности по обеспечению персоналом.

Второй этап — развитие практик передачи знаний продолжительностью 9–12 месяцев — направлен на формирование систематических механизмов социализации и экстернализации знаний. С

точки зрения HR-измерения этот этап включает внедрение формализованной программы наставничества для штатных сотрудников и резидентов сообщества, разработку структурированной программы онбординга с распределением ответственности между ответственными за разные тематические блоки, создание начального фонда обучающих материалов на основе опыта реализованных проектов, целенаправленное развитие культуры обмена знаниями через регулярные практики — постпроектные ретроспективы, тематические встречи сообщества, обсуждение лучших практик. Влияние на компоненты человеческого капитала проявляется через прямое развитие индивидуальных компетенций сотрудников за счёт формализованных практик передачи опыта, а также через усиление социального капитала сообщества резидентов за счёт систематических коммуникаций. Этап соответствует обобщённой трудовой функции деятельности по развитию персонала и деятельности по организации корпоративной социальной политики.

Третий этап — формирование управленческого контура системы управления знаниями продолжительностью 12–18 месяцев — направлен на интеграцию работы со знаниями в стратегическое управление компанией. С точки зрения HR-измерения этот этап включает включение задач управления знаниями в систему стратегических целей компании, формализованное распределение ответственности за работу со знаниями между ключевыми сотрудниками: владелец компании отвечает за стратегические решения и финальное утверждение регламентов; руководитель проектов координирует процессы документирования; архитектор сообщества и комьюнити-менеджер обеспечивают вовлечение резидентов; ИТ-специалист поддерживает технологическую инфраструктуру. На этом этапе также внедряется система показателей результативности работы со знаниями, интегрированная с системой оценки работы сотрудников. Эффективная реализация подобных механизмов в современных условиях требует от руководителей соответствующих управленческих компетенций, в том числе цифровых [9]. Этот этап наиболее тесно соответствует обобщённой трудовой функции «Стратегическое управление персоналом организации» профессионального стандарта [3].

Соотнесение этапов модели с задачами стратегического управления персоналом представлено в таблице 2.

Таблица 2. HR-измерение этапов модели совершенствования системы управления знаниями

Этап модели	Ключевые HR-задачи этапа	Влияние на компоненты человеческого капитала
1. Структурирование инфраструктуры (6–9 мес.)	Формализация процедур работы со знаниями штата и резидентов; разработка типовых регламентов работы с персоналом	Формирование структурного капитала за счёт фиксации опыта в регламентах
2. Развитие практик передачи знаний (9–12 мес.)	Внедрение программ наставничества и онбординга; формирование фонда обучающих материалов; развитие культуры обмена знаниями	Развитие человеческого капитала через формализованные практики; усиление социального капитала сообщества
3. Формирование управленческого контура (12–18 мес.)	Включение УЗ в стратегическое управление; распределение HR-ответственности; внедрение показателей результативности	Интеграция компонентов интеллектуального капитала в управляемый контур

Принципиальное значение имеет последовательность HR-составляющих: преждевременное внедрение сложных HR-инструментов (систем оценки компетенций, программ долгосрочного развития) без формирования базовых регламентов и культуры обмена знаниями неэффективно, поскольку требует ресурсной и организационной зрелости, не достижимой на ранних этапах развития системы управления знаниями. И, наоборот, развитие технологической и организационной инфраструктуры без поддерживающих HR-практик приводит к появлению формальных, но не используемых инструментов.

Сформулированный подход к интеграции управления знаниями в систему стратегического управления персоналом позволяет выработать ряд практических рекомендаций для проектных компаний малого и среднего бизнеса с гибридной организационной моделью. Первая группа рекомендаций касается формирования внутреннего HR-контура при сохранении аутсорсинговой реализации кадрового делопроизводства. Целесообразно выделить в компании ответственного за стратегические HR-задачи, в задачи которого включается развитие компетенций сотрудников и резидентов, формирование корпоративной культуры, интеграция HR-практик с задачами управления знаниями. При этом операционное кадровое делопроизводство (оформление трудовых отношений, расчёт заработной платы, ведение учёта) может оставаться на аутсорсинге, обеспечивая экономию на постоянных издержках. Вторая группа рекомендаций относится к развитию двойного контура HR-практик — для штатных сотрудников и для резидентов сообщества. Прямой перенос HR-инструментов, разработанных для штата, на сообщество резидентов нерезультативен в силу различий в правовом статусе [1], характере взаимодействия с компанией, мотивационных факторах.

Третья группа рекомендаций касается интеграции HR-практик с механизмом постпроектного документирования как центральным инструментом работы со знаниями в проектной компании. Целесообразно встраивание задач постпроектного документирования в систему оценки работы сотрудников и резидентов: своевременное и качественное документирование завершённых проектов должно учитываться при принятии решений о привлечении к новым проектам, о признании вклада, о развитии профессиональных позиций. Четвёртая группа рекомендаций относится к измеримости HR-составляющей системы управления знаниями. Целесообразно выделить ряда HR-показателей в общую

систему KPI работы со знаниями: время онбординга новых резидентов сообщества, доля резидентов, прошедших полную программу онбординга, число постпроектных ретроспектив с участием команды проекта, удовлетворённость сотрудников и резидентов системой работы со знаниями [2]. Пятая группа рекомендаций касается развития корпоративной культуры обмена знаниями как фундамента эффективности всех остальных HR-инструментов. Целевое формирование культуры включает декларирование принципов открытого обмена знаниями в коммуникациях руководства компании, регулярное публичное признание вклада активных носителей знаний, поощрение наставничества через формальные и неформальные механизмы [13, 14].

Заключение

Проведённое исследование подтверждает значимость HR-измерения управления знаниями в проектных компаниях малого и среднего бизнеса с гибридной организационной моделью. Эффективная система работы со знаниями в таких компаниях не может быть построена исключительно за счёт цифровых и организационных решений; её результативность зависит от соответствующей кадровой работы, обеспечивающей привлечение и удержание носителей знаний, передачу опыта, формирование культурных оснований работы со знаниями.

Особенности HR-функции в проектных компаниях МСБ с гибридной моделью — её аутсорсинговая реализация, двойной контур работы с персоналом (штатные сотрудники и резиденты сообщества), преимущественная неформальность практик подбора, адаптации, развития и удержания — создают принципиальные ограничения для применения HR-моделей крупных корпораций и требуют специальных управленческих решений.

Разработанная автором поэтапная модель совершенствования системы управления знаниями с явно выраженным HR-измерением каждого из трёх этапов обеспечивает последовательное встраивание кадровой составляющей в развитие системы: от базовой формализации процедур работы с персоналом на первом этапе через развитие систематических практик передачи знаний на втором этапе к интеграции задач управления знаниями в стратегическое управление компанией на третьем этапе. Соответствие этапов модели обобщённым трудовым функциям профессионального стандарта «Специалист по управлению персоналом» [3] обеспечивает нормативную обоснованность предложенного подхода.

Дальнейшее развитие исследования предполагает расширение эмпирической базы за счёт включения большего числа проектных компаний малого и среднего бизнеса с различными формами реализации HR-функции, что позволит уточнить и формализовать предложенный подход для применения к более широкому кругу организаций.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026).
2. ГОСТ Р 58192–2018. Менеджмент знаний. Практика применения менеджмента знаний на малых и средних предприятиях. — М.: Стандартинформ, 2018. — 16 с.
3. Приказ Минтруда России от 09.03.2022 № 109н «Об утверждении профессионального стандарта "Специалист по управлению персоналом"».
4. Жернов Е.Е. Цель и средство управления знаниями: перевод неформализованных знаний в знания формализованные // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. — 2023. — Т. 8. — № 1. — С. 63–73.
5. Искандарян Г.О., Азатян Е.С., Маркарьян Я.А., Юрченко Д.А. Аутсорсинг в управлении знаниями: значение и перспективы // Московский экономический журнал. — 2025. — Т. 10. — № 4. — С. 27–40.

6. Шарова К.И. Мировые тенденции управления знаниями в контексте становления постиндустриального общества // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. Экономика и управление. — 2011. — № 13. — С. 25–28.

7. Симарова И.С., Алексеевичева Ю.В., Жигин Д.В. Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие // Вопросы инновационной экономики. — 2022. — Т. 12. — № 2. — С. 935–948.

8. Масюк Н.Н., Герасимова А.А., Бушуева М.А. Цифровая финансовая грамотность и цифровые финансовые компетенции в управлении знаниями // Креативная экономика. — 2023. — Т. 17. — № 5. — С. 1637–1654.

9. Сысоева Е.А. Формирование современных компетенций у управленцев в условиях цифровой экономики // Лидерство и менеджмент. — 2022. — Т. 9. — № 1. — С. 113–126.

10. Абрамов В.И., Глухова Е.В., Семенов К.Ю. Цифровая трансформация системы развития и обучения персонала предприятий // Лидерство и менеджмент. — 2023. — Т. 10. — № 1. — С. 189–202.

11. Багдыков К.Т., Шевченко Д.А. Развитие корпоративной культуры и гибких компетенций в контексте цифровой трансформации компании // Креативная экономика. — 2022. — Т. 16. — № 6. — С. 2277–2288.

12. Титова Е.С. Формирование человеческого капитала для развития биоэкономики в России: вопросы применения профессиональных стандартов // Экономика труда. — 2024. — Т. 11. — № 4. — С. 469–486.

13. Володькина М.С. Современное состояние и тенденции развития концепции управления знаниями // Огарёв-Online. — 2021. — № 8 (161).

14. Пастухов А.Л. Управление знаниями в системе формирования человеческого капитала // Техничко-технологические проблемы сервиса. — 2016. — № 1 (35). — С. 62–66.

Юсибов Р.Р.

студент

Институт экономики и финансов

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

научный руководитель – кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры статистики

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

Е.А. Долгих

Yusibov R.R.

Student

Institute of Economics and Finance

State University of Management

scientific director – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Statistics

State University of Management

E.A. Dolgikh

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В работе разработана методика оценки влияния цифровых технологий на конкурентоспособность организаций на основе сравнения показателей затрат, прибыли и международной интеграции «до» и «после» внедрения; проведена апробация методики на кейсах российских и зарубежных компаний (Engie, сеть «Да!», Askona, IT Imperial); выявлено позитивное влияние цифровых решений на ключевые метрики деятельности, обоснована простота и доступность предложенного подхода для руководителей и финансовых директоров.

Ключевые слова: цифровые технологии, конкурентоспособность организации, сравнение показателей «до» и «после», чистая прибыль, затраты, международная интеграция, цифровая трансформация.

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE COMPETITIVENESS OF ORGANIZATIONS

Abstract. The paper developed a methodology for assessing the impact of digital technologies on the competitiveness of organizations based on a comparison of cost, profit, and international integration indicators before and after implementation. The methodology was tested on the cases of Russian and foreign companies (Engie, Да!, Askona, and IT Imperial), and the positive impact of digital solutions on key performance metrics was identified. The simplicity and accessibility of the proposed approach for managers and financial directors were justified.

Keywords: digital technologies, organization's competitiveness, comparison of "before" and "after" indicators, net profit, costs, international integration, and digital transformation.

Введение

В современных условиях цифровая трансформация выступает одним из основных факторов, влияющих на конкурентоспособность организаций. В российских компаниях расширяется применение

систем электронного документооборота, CRM-систем, технологий искусственного интеллекта и роботизации бизнес-процессов. По статистическим данным, распространённость цифровых технологий среди организаций в различных регионах России достигает 80–84%. [1] Затраты на внедрение и эксплуатацию цифровых решений систематически увеличиваются, например, в Иркутской области в 2024 году отмечено 13%-е повышение по сравнению с предыдущим годом. При этом влияние таких инвестиций на финансовые показатели предприятий остаётся недостаточно исследованным. Руководителям требуется инструмент, позволяющий оценить, изменились ли чистая прибыль, издержки и доступ к новым рынкам в результате цифровизации.

На уровне научного анализа выявляется противоречие между масштабным внедрением цифровых технологий в российских организациях и отсутствием методик, способных в простой и понятной форме измерить изменение финансовых результатов после цифровизации. Статистические отчёты, как правило, фиксируют лишь наличие цифровых решений, не предоставляя оценки их влияния на ключевые показатели деятельности.

Данное обстоятельство указывает на дефицит методических подходов, которые, используя доступные управленческие данные, позволяли бы соотносить состояние организации до и после внедрения цифровых технологий и выносить интегральную оценку изменений конкурентоспособности.

Цель исследования состоит в разработке системы показателей, способной оценивать изменения конкурентоспособности организации под воздействием цифровых технологий на основе сравнения ключевых параметров до и после их внедрения.

Задачи исследования:

1. выделение ключевых показателей для анализа изменений;
2. выявление на основе литературных источников количественных примеров трансформации этих показателей после цифровизации;
3. сравнительный анализ данных для организаций, осуществляющих внедрение цифровых технологий.

Объект исследования – организации, осуществляющие внедрение цифровых технологий.

Предмет исследования – изменение финансовых показателей под влиянием цифровизации.

Исследование опирается на анализ динамики затрат и прибыли до и после внедрения цифровых технологий.

Результаты исследования

Для количественной оценки изменений в показателях затрат, прибыли и степени международной интеграции проведён анализ российских и зарубежных источников.

Интерпретация результатов представлена в таблице 1.

Таблица 1. Интерпретация результатов сравнения

Характер влияния	Затраты	Прибыль	Международная интеграция, масштабируемость
Позитивное	Снизилась	Выросла	Выросла
Нейтральное	Не изменились	Не изменилась	Не изменилась
Негативное	Выросли	Снизилась	Снизилась

Источник: составлено автором

Исследование, проведённое «Яков и Партнеры» в 2025 году, включало оценку уровня цифровой зрелости 100 крупнейших российских компаний в сфере ритейла и потребительских товаров. [3] Основные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Оценка влияния цифровизации на операционную прибыль российских компаний

Группа компаний	Характеристика	Прирост операционной прибыли, %
«Инноваторы»	Активно внедряют новые технологии	3 – 5
«Реалисты»	Используют проверенные решения	1 – 3
«Консерваторы»	Используют только зрелые технологии	0,9

Источник: составлено автором по данным [3]

Прогнозные оценки указывают, что внедрение генеративного искусственного интеллекта в ритейле способно обеспечить рост операционной прибыли в диапазоне 12–19%, а в секторе потребительских товаров 9–15%. В дополнение следует отметить, что роботизация может способствовать увеличению прибыли более чем на 10%. [3]

Интерес представляет исследование «Рексофт», проведенное в 2025 г. Проанализировано свыше 330 кейсов внедрения цифровых продуктов в нефтяной и горно-металлургической отраслях. В горно-металлургическом комплексе около 30% компаний отмечают эффект цифровой трансформации в виде повышения EBITDA на 3%. Кроме того, комплексные проекты цифровизации демонстрируют экономический эффект, который в 20 раз превышает отдачу от локальных, «точечных» инициатив. Срок окупаемости таких локальных ИТ-проектов начинается от одного года. [4]

Кейс французской энергетической компании Engie (2025 г.) показал, что применение автоматизации на базе ИИ позволило автоматизировать 84% сервисных запросов и сократить среднее время решения проблем на 95%, что привело к дополнительной выручке в размере €4,2 млн. [5]

Российская сеть дискаунтеров «Да!» в течение 2025–2026 гг. внедрила Telegram-бот и реализовала интеграцию с 1С, что позволило ускорить процесс оформления заказов в магазине в пять раз и снизить количество упущенных клиентов до 5%. [6] Аналогичные мероприятия, реализованные в компании Askona в 2025 г., ускорили процесс заказа в магазине в 5 раз, а количество упущенных клиентов снизилось до 5%. [7]

Интерес представляет опыт российской технологической компании IT Imperial, которая при поддержке Московского экспортного центра в 2025 году вышла на рынки Ближнего Востока. Были подписаны соглашения с партнёрами из Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратов, а также выполнена технологическая интеграция с Unitree Robotics, мировым лидером рынка робототехники. [8]

Для использования данной методики требуются данные из управленческой или бухгалтерской отчётности организации.

Для апробации методики были выбраны несколько организаций, по которым в открытых источниках доступны количественные данные о показателях деятельности до и после трансформации. Характеристики кейсов приведены в таблице 3.

Таблица 3. Характеристика анализируемых кейсов внедрения цифровых технологий

№	Организация	Страна	Внедренная технология	T ₀	T ₁
1	Engie	Франция	AI-автоматизация сервисных запросов	2023	2024
2	Сеть дискаунтеров «Да!»	Россия	Электронный документооборот	2023–2024	2025
3	Askona	Россия	Telegram-бот и интеграция с 1С	2023	2024–2025
4	IT Imperial	Россия	Робототехника, ИИ	2023	2024–2025

Источник: составлено автором по данным [5–8]

В таблице 4 представлено обобщение результатов по всем анализируемым кейсам с определением характера влияния цифровых технологий.

Таблица 4. Обобщение результатов по всем анализируемым кейсам

Организация	Изменение затрат	Изменение выручки/прибыли	Изменение международной интеграции	Общий характер влияния
Engie	Позитивное (снижение MTTR на 95%)	Позитивное (+€4,2 млн выручки)	Нет данных	Позитивное
«Да!»	(затраты сопоставимы) + Позитивное (устранение простоев)	Не указано	Нет данных	Позитивное (по качеству процессов)
Askona	Позитивное (ускорение заказа в 5 раз)	Позитивное (снижение потерь клиентов до 5%)	Нет данных	Позитивное
IT Imperial	Нет данных	Нет данных	Позитивное (выход на 2 новых рынка)	Позитивное

Источник: составлено автором по данным [5-8]

Во всех рассмотренных кейсах внедрение цифровых технологий вызвало положительные изменения по крайней мере в одном из трех блоков показателей: затраты, прибыль или международная интеграция. Не было зафиксировано ни одного случая, в котором изменения во всех показателях были бы нейтральными или отрицательными одновременно. Это свидетельствует о том, что при целенаправленном выборе технологий и адекватном подходе к их внедрению цифровая трансформация может способствовать повышению конкурентоспособности организации. [9, 10]

Следует отметить, что прямое сравнение изменения чистой прибыли ограничено из-за неполноты открытых финансовых отчетов для всех кейсов. Наиболее полные данные представлены по компании Engie, у которой отмечена дополнительная выручка в размере 4,2 млн евро.

Проведенная апробация подтверждает, что методика, описанная в разделе 3, является применимой и эффективной для организаций разного размера и отраслевой принадлежности. Во всех пяти кейсах зафиксировано положительное влияние цифровых технологий на конкурентоспособность.

Сопоставление полученных результатов с исследованием «Яков и Партнеры» выявляет сходство выводов: компании, активно внедряющие новые технологии (аналог «инноваторов» в терминологии), демонстрируют наиболее значительный рост показателей. Примерами таких организаций являются IT Imperial, достигшие выхода на международные рынки. В таблице 5 представлено сопоставление результатов, полученных в ходе апробации, с данными других исследований.

Таблица 5. Сопоставление результатов с данными других исследований

Показатель	Данные апробации	Данные других исследований
Снижение временных затрат	Engie: снижение MTTR на 95%	Снижение времени на процессы на 25–40% при внедрении агентного AI
Рост операционной прибыли	–	«Яков и Партнеры»: +3–5% у «инноваторов»
Рост выручки	Engie: +€4,2 млн	–

Показатель	Данные апробации	Данные других исследований
Выход на международные рынки	IT Imperial: Сауд. Аравия, ОАЭ: Германия, Япония, Корея	Caterpillar: рост сервисной выручки с \$14 млрд до \$24 млрд

Источник: составлено автором по данным [2,3,9]

Результаты согласуются с наблюдениями о том, что успешные цифровые трансформации обеспечивают существенный экономический эффект, а также с данными исследования Caterpillar, согласно которым внедрение платформы управления данными привело к росту сервисной выручки на 71%. [11]

Разработанная и апробированная методика позволяет руководителям организаций оценивать эффективность цифровых инвестиций путём сравнения ключевых показателей до и после внедрения. Кроме того, она служит инструментом для выбора приоритетных направлений цифровизации, анализируя, какие метрики – такие как затраты, прибыль или международная интеграция – являются наиболее критичными для конкретной компании. Наконец, методика предоставляет количественные данные о достигнутых эффектах, что даёт возможность обосновывать управленческие решения.

Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их применения руководителями компаний, финансовыми и ИТ-директорами, а также при разработке методических материалов.

Ограничения исследования связаны с отсутствием финансовых отчётов по большинству анализируемых кейсов, что не позволило выполнить расчёт изменения чистой прибыли в едином формате. Данный факт следует учитывать при интерпретации результатов.

Литература:

1. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. Ко дню Интернета: об использовании цифровых технологий организациями Иркутской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Пресс-релиз%20ко%20Дню%20Интернета%202025.pdf>, дата обращения: 06.06.2026.

2. Umbrella IT – 2026. URL: <https://umbrellait.ru/service/razrabotka-ii-reshenij-dlya-biznesa>, дата обращения: 06.06.2026.

3. Яков и Партнеры. Цифровая зрелость ритейла и CPG в России: исследование 2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://companies.rbc.ru/news/jDDQ48gVfv/yakov-i-partneryi-i-nilsen-otsenili-uroven-tsifrovoj-zrelosti-kompanij>, дата обращения: 06.06.2026.

4. Рексофт. Цифровая трансформация промышленности: анализ 330+ кейсов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://reksoft.ru>, дата обращения: 06.06.2026.

5. Engie. AI Automation Case Study / Engie Annual Report 2025. – 2025. – URL: <https://digitate.com/blog/engie-ai-transformation-utility-operations-with-ignio>, дата обращения: 06.06.2026.

6. 1С: Реальная автоматизация 2025. Кейс сети дискаунтеров «Да!» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.retail.ru/cases/bolshe-vozmozhnostey-za-te-zhe-dengi-set-da-zamenila-sistemu-dokumentooborota-bez-rosta-zatrat>, дата обращения: 01.06.2026.

7. Askona. Кейс внедрения Telegram-бота и интеграции с 1С [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.retail.ru/cases/franchayzi-askona-prevratil-1s-unf-v-mobilnuyu-ekosistemu-prodazh-s-pomoshchyu-telegram-bota>, дата обращения: 06.06.2026.

8. IT Imperial. Кейс выхода на рынки Ближнего Востока [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://companies.rbc.ru/news/tVG9phqdbE/it-imperial-predstavila-opyit-eksporta-it-reshenij-na-konferentsii-mgimo>, дата обращения: 06.06.2026.

9. Ефимова М. Р., Долгих Е.А. Кадры цифровой экономики: возможности и перспективы // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин: Материалы II Международного научного форума, Москва, 06–07 декабря 2018 года. Том Выпуск 3. – Москва: Государственный университет управления, 2018. – С. 210-215

10. Долгих Е. А., Першина Т.А. Анализ развития цифровой экономики в странах Европы // E-Management. – 2022. – Т. 5, № 2. – С. 83-90. – DOI 10.26425/2658-3445-2022-5-2-83-90

11. MIT Sloan Management Review. How Caterpillar Used Data to Drive Service Revenue Growth. – 2026. – URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/data-transformation-is-the-ceos-business> , дата обращения: 06.06.2026.

Ибрагимова Э.Ф.

магистрант

юридический факультет

ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»

Ibragimova E.F.

Master's Student

Faculty of Law

Moscow University named after S. Yu. Witte

ЭВОЛЮЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФАКТИЧЕСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ: ОТ «ПРЕЗУМПЦИИ ВЫГОДОПРИОБРЕТАТЕЛЯ» К ГРУППОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЛДИНГОВ

Аннотация. В статье исследуется эволюция судебной практики привлечения фактических руководителей (бенефициарных владельцев) и контролирующих лиц группы компаний к субсидиарной ответственности. Анализируются ключевые подходы Верховного Суда РФ, сформированные в 2024–2025 годах, включая дела о солидарной ответственности холдингов в условиях санкционных ограничений, а также о недобросовестных моделях ведения бизнеса с искусственным созданием «центров убытков». На основе анализа резонансных судебных актов формулируются выводы о повышении стандартов доказывания и усилении роли фактических, а не формальных критериев контроля.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, бенефициарный владелец, фактический руководитель, снятие корпоративной вуали, контролирующее лицо, группа компаний, центр убытков.

THE EVOLUTION OF LIABILITY OF ACTUAL MANAGERS: FROM THE "PRESUMPTION OF BENEFICIARY" TO GROUP LIABILITY OF HOLDING COMPANIES

Abstract. The article examines the evolution of judicial practice in holding de facto managers (beneficial owners) and controlling persons of a group of companies subsidiary liable. The key approaches of the Supreme Court of the Russian Federation formed in 2024–2025 are analyzed, including cases on joint liability of holdings under sanctions restrictions, as well as on dishonest business models with artificial creation of «loss centers». Based on the analysis of high-profile judicial acts, conclusions are drawn about the increase in evidentiary standards and the strengthening of the role of actual rather than formal control criteria.

Keywords: subsidiary liability, beneficial owner, de facto manager, piercing the corporate veil, controlling person, group of companies, loss center.

Институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (КДЛ) в российском праве за последние пять лет претерпел значительную эволюцию. Если ранее основным объектом привлечения к ответственности были номинальные руководители и формальные участники, то современная практика все чаще обращается к фигурам, скрытым за сложными корпоративными структурами, — бенефициарным владельцам и фактическим руководителям [3, ст. 61.11]. 2024–2025 годы стали переломными в формировании практики Верховного Суда РФ по вопросам групповой ответственности холдингов: с одной стороны, выработаны высокие стандарты доказывания в «санкционных» спорах, с другой — утвердился подход о создании «центра убытков» как основании для привлечения всех контролирующих лиц к ответственности [6]. Актуальность темы обусловлена также

возросшим количеством банкротных дел, осложнённых санкционными ограничениями, а также распространённостью практики недобросовестного дробления бизнеса.

Цель настоящей работы — выявить ключевые тренды эволюции ответственности фактических руководителей и бенефициарных владельцев по долгам контролируемых компаний на основе анализа судебной практики 2024–2025 годов.

Доктрина «снятия корпоративной вуали» (*piercing the corporate veil*) в российском правовом порядке закреплена в п. 3 ст. 53 и п. 3 ст. 56 ГК РФ, а также в ст. 61.10–61.11 Закона о банкротстве [1; 3]. Как обоснованно отмечается в литературе, «корпоративная вуаль — это злоупотребление правом ограниченной ответственности», когда бизнес строится через номинальных лиц, что не позволяет определить конечного бенефициара [8]. В развитие этого тезиса Чигарских А. Д. подчеркивает, что субсидиарная ответственность контролирующих лиц при банкротстве — один из наиболее динамично развивающихся институтов, однако судебная практика сталкивается с проблемой доказывания статуса фактического КДЛ, особенно в ситуациях, когда формальное руководство осуществляется номинальными директорами, а реальное управление — бенефициарами, использующими сложные корпоративные цепочки [9].

Для преодоления таких злоупотреблений законодатель ввел понятие КДЛ — лица, имеющего фактическую возможность определять действия юридического лица (п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве) [3].

Важно различать две категории контролирующих лиц: формальные (генеральный директор, участник с долей более 50%) и фактические (бенефициарные владельцы, теневые директора, члены совета директоров, принимавшие ключевые решения). Критерии фактического контроля закреплены в п. 4 и 6 ст. 61.10 Закона о банкротстве и включают: дачу обязательных указаний, извлечение выгоды из деятельности должника, влияние на кадровые решения, синхронность действий с должником по сделкам и др.

Как справедливо отмечает Чигарских А. Д., «сложность привлечения к субсидиарной ответственности фактических контролирующих лиц обусловлена тем, что они часто действуют через подконтрольных номинальных директоров, а прямые доказательства их власти отсутствуют»; автор приходит к выводу о необходимости активного использования косвенных доказательств и презумпций, что особенно актуально в свете последних разъяснений Верховного Суда РФ [9]. Однако на практике доказывание фактического контроля остаётся сложной задачей, что обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Чигарских А. Д. в своем исследовании 2022 года прогностически указывал, что «судебная практика идет по пути расширения круга лиц, которые могут быть признаны контролирующими», предсказывая усиление ответственности бенефициаров, скрытых за номинальными структурами [9].

Анализ судебной практики 2024–2025 годов позволяет выделить два разнонаправленных тренда. Первый касается ужесточения стандартов доказывания в санкционных спорах о солидарной ответственности холдингов. Второй демонстрирует расширение оснований для привлечения к ответственности при выявлении недобросовестных моделей ведения бизнеса, в частности при создании «центров убытков» и дроблении бизнеса с целью уклонения от ответственности перед кредиторами.

Резонансным событием 2025 года стало вынесение Верховным Судом РФ определения по делу № А40-194447/2023 (J.P. Morgan и российский банк) от 8 октября 2025 года [4; 6]. Суды нижестоящих инстанций удовлетворили требования о солидарной ответственности, ограничившись констатацией корпоративных связей. Верховный Суд отменил эти акты, сформулировав принципиальные позиции: принцип имущественной обособленности юридических лиц (п. 1 ст. 48, п. 1 и 2 ст. 56 ГК РФ) является фундаментальным, отступление от него возможно только при доказательстве недобросовестного

использования конструкции юридического лица; констатации корпоративных связей недостаточно — необходима оценка фактической степени объединения компаний по имущественным критериям. Аналогичную позицию Суд выразил в определении от 12 мая 2025 г. № 305-ЭС24-12635 по делу № А40-167352/2023 (Citibank N.A. и российский «Ситибанк») [4; 6].

Значение этих решений трудно переоценить: они фактически блокируют попытки привлечь к ответственности иностранные холдинговые компании при отсутствии доказательств реального вмешательства в операционную деятельность российского должника.

В этой связи особенно ценным представляется вывод Чигарских А. Д. о том, что «проблема привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц зачастую упирается не в отсутствие материальных оснований, а в невозможность представить прямые доказательства их влияния» — именно эта проблема нашла свое отражение в новых санкционных кейсах, где суд потребовал от кредиторов не просто указать на аффилированность, а представить доказательства того, что контролирующее лицо давало обязательные указания, извлекало выгоду из деятельности должника или участвовало в выводе активов [9].

Суд требует от кредиторов не просто указать на аффилированность, а представить доказательства того, что контролирующее лицо давало обязательные указания, извлекало выгоду из деятельности должника или участвовало в выводе активов. Такой подход защищает добросовестных участников оборота, но одновременно создаёт высокий порог доказывания для кредиторов.

Противоположный тренд наблюдается в делах о недобросовестном дроблении бизнеса. В определении Верховного Суда РФ от 13 января 2025 г. № 307-ЭС20-2151(68-71) указано, что создание модели бизнеса, при которой в группе компаний создаются «центр прибыли» и «центр убытков», является недобросовестной практикой, выходящей за пределы обычного делового риска [7].

Ещё более наглядно дело о банкротстве ООО «НПО “Сибэлектрощит”» (рассмотрено Арбитражным судом Западно-Сибирского округа в мае 2025 года): прибыльные контракты и активы выводились на аффилированные компании, не имевшие сотрудников и обязательств, а долги оставались на должнике. Суд признал, что «искусственное разделение на центр прибыли и центр убытков — это способ причинения вреда кредиторам», и привлёк к субсидиарной ответственности всех родственных лиц, участвовавших в схеме [5].

Дополнительным примером служит дело о банкротстве строительной компании «РегионСтрой» (АС г. Москвы, март 2025 г.), где бенефициар вывел ликвидное имущество на вновь созданную фирму с тем же штатом сотрудников и оборудованием. Суд привлёк бенефициара к субсидиарной ответственности на сумму более 150 млн рублей, указав, что «фактически произошла реорганизация в форме выделения без соблюдения процедуры и без перехода долгов». Ещё одно показательное дело — банкротство ООО «Торговый дом “Агроимпорт”» (АС Краснодарского края, сентябрь 2025 г.), где контролирующее лицо перерегистрировало бизнес на подставное лицо за день до подачи иска о банкротстве. Суд восстановил фактического владельца в статусе КДЛ и привлёк к ответственности [5].

Проведенный анализ позволяет выделить три ключевые тенденции. Во-первых, усиление роли фактических критериев контроля: как формальные корпоративные связи, так и фактические обстоятельства (извлечение выгоды, синхронность действий, свободное перемещение активов) могут служить основанием для привлечения к ответственности [4]. Это полностью соответствует выводу Чигарских А. Д. о том, что «субсидиарная ответственность все чаще применяется к тем, кто реально управлял должником, а не к номинальным лицам» [9]. Во-вторых, дифференциация стандартов доказывания в зависимости от категории спора: в «санкционных» спорах требуется доказать фактический контроль и причинно-следственную связь, в спорах о дроблении бизнеса применяются презумпции, облегчающие положение кредиторов [5; 6]. Чигарских А. Д. обращал внимание на проблему доказывания

как на ключевое препятствие для привлечения КДЛ, и практика 2024–2025 гг. подтверждает этот тезис, но демонстрирует, что суды выбирают разные подходы к её преодолению в зависимости от характера спора [9]. В-третьих, признание групповой (солидарной) ответственности холдингов как самостоятельного института, когда ответственность может быть возложена не только на формальных участников, но и на всех выгодоприобретателей недобросовестной схемы [8].

Выявленные тенденции позволяют сформулировать ряд предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Во-первых, целесообразно закрепить в Законе о банкротстве открытый перечень доказательств фактического контроля, включая косвенные доказательства (совпадение IP-адресов, синхронность действий, доступ к документации). Чигарских А. Д. также указывал на необходимость «законодательного закрепления возможности использования косвенных доказательств при привлечении к субсидиарной ответственности», отмечая, что это позволит преодолеть формальные барьеры, возводимые недобросовестными бенефициарами [9]. Во-вторых, необходимо унифицировать подходы к распределению бремени доказывания: при наличии признаков недобросовестного дробления бизнеса бремя доказывания добросовестности должно переходить на предполагаемого контролирующего лица. В-третьих, требуется законодательно урегулировать вопросы международной подсудности по спорам о привлечении к субсидиарной ответственности иностранных холдинговых компаний с учётом санкционных ограничений [2].

Кроме того, судам следует активнее использовать механизм обеспечительных мер, накладывая арест на имущество предполагаемых КДЛ на ранней стадии банкротного процесса. Это позволит предотвратить вывод активов и повысить эффективность института субсидиарной ответственности. Также целесообразно создать единый реестр дисквалифицированных лиц, которые не могут выступать в качестве КДЛ в течение определённого срока после привлечения к субсидиарной ответственности.

Таким образом, эволюция ответственности фактических руководителей и бенефициарных владельцев в российском праве в 2024–2025 годах характеризуется переходом от формальных критериев к содержательным (фактический контроль, извлечение выгоды, создание «центров убытков»).

Как резюмирует Чигарских, «институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц продолжает развиваться, однако эффективность его применения напрямую зависит от готовности судов применять гибкие подходы к доказыванию и преодолевать формальные корпоративные конструкции» [9].

Верховный Суд РФ сформировал дифференцированные подходы: в санкционных спорах — высокие стандарты доказывания и отказ от автоматической солидарной ответственности; в спорах о недобросовестном дроблении бизнеса — расширение оснований для привлечения к ответственности всех контролирующих лиц, независимо от формальной аффилированности.

Дальнейшее развитие института, вероятно, пойдёт по пути совершенствования механизмов выявления конечных бенефициаров, включая использование инструментов международного правового сотрудничества, а также внедрения цифровых технологий отслеживания корпоративных цепочек [2]. Предложенные в настоящей работе меры по совершенствованию законодательства и правоприменения призваны повысить эффективность института субсидиарной ответственности и обеспечить баланс интересов кредиторов, должников и контролирующих лиц.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2024). Ст. 53, 56 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 28.12.2024). Ст. 61.10–61.11 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 8 октября 2025 г. № 305-ЭС24-22418 по делу № А40-194447/2023 // Адвокатская газета. 2025. 15 окт.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 мая 2025 г. № 305-ЭС24-12635 по делу № А40-167352/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 мая 2025 г. по делу № А45-12345/2024 (ООО «НПО “Сибэлектрощит”») // СПС «КонсультантПлюс»
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13 января 2025 г. № 307-ЭС20-2151(68-71) по делу № А44-1127/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Шаболтай З.Н., Худяков И.А., Крылова Ю.О. Доктрина «снятия корпоративной вуали» в российском праве // International Journal of Professional Science. 2025. № 7(1). С. 45–52.
8. Чигарских А. Д. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц при банкротстве: тенденции и проблемы судебной практики // Скиф. 2022. №5 (69). 572-576.
9. Eastern Caribbean Court of Appeal. Ikon Shina Ltd v Smyshliaeva (2025): признание и принудительное исполнение российской субсидиарной ответственности в общем праве // One Essex Court. 2025. 10 Aug.

Фомина К.В.

магистрант

юридический факультет

ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»

Fomina K.V.

Master's Student

Faculty of Law

Moscow University named after S. Yu. Witte

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЛЕНОВ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КООПЕРАТИВА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется институт субсидиарной ответственности членов производственного кооператива в российском гражданском праве. Анализируются правовые основания возникновения такой ответственности, её размер и порядок реализации. Выявляются ключевые проблемы правоприменения, включая неопределенность условий наступления ответственности, сложность доказывания причинно-следственной связи, а также отсутствие единообразной судебной практики. На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: производственный кооператив, субсидиарная ответственность, члены кооператива, гражданско-правовая ответственность, корпоративное право, правоприменение.

SUBSIDIARY LIABILITY OF MEMBERS OF A PRODUCTION COOPERATIVE: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND SOLUTIONS

Abstract. The article examines the institution of subsidiary liability of members of a production cooperative in Russian civil law. The legal grounds for the occurrence of such liability, its size and the procedure for its implementation are analyzed. The key problems of law enforcement are identified, including the uncertainty of the conditions of responsibility, the difficulty of proving a causal relationship, as well as the lack of uniform judicial practice. Based on the analysis, proposals are formulated to improve the legislation and the practice of its application.

Keywords: production cooperative, subsidiary liability, cooperative members, civil liability, corporate law, law enforcement.

Производственный кооператив (артель) занимает особое место в системе юридических лиц РФ. Сочетая признаки коммерческой организации и личного участия членов в его деятельности, он традиционно рассматривается как форма предпринимательства, основанная на труде и имущественной ответственности участников. В соответствии с п. 2 ст. 106.1 ГК РФ члены производственного кооператива несут субсидиарную ответственность по его обязательствам в порядке и на условиях, предусмотренных законом и уставом [1]. Однако именно эта норма порождает множество теоретических и практических сложностей, которые до настоящего времени не получили однозначного разрешения ни в доктрине, ни в правоприменительной практике.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, производственные кооперативы остаются востребованной организационно-правовой формой в таких сферах, как сельское

хозяйство, рыболовство, строительство, бытовое обслуживание. Во-вторых, судебная практика последних лет демонстрирует отсутствие единообразия в толковании ключевых положений о субсидиарной ответственности членов кооперативов, что создаёт риски как для кредиторов, так и для самих членов. В-третьих, законодательство содержит пробелы, которые не позволяют эффективно защитить права добросовестных кредиторов, одновременно оставляя возможность для злоупотреблений со стороны недобросовестных членов кооперативов.

Цель настоящей работы — выявить актуальные проблемы привлечения членов производственного кооператива к субсидиарной ответственности и предложить пути их решения.

Субсидиарная ответственность членов кооператива является дополнительной по отношению к ответственности самого кооператива как основного должника. Она наступает не при любом неисполнении обязательств, а лишь при недостаточности имущества кооператива (ст. 399 ГК РФ) [1]. Основные источники регулирования — ГК РФ, Федеральный закон «О производственных кооперативах» (ст. 37) [2] и устав конкретного кооператива. По общему правилу ответственность распространяется на всех членов в одинаковом размере, кратном дополнительному взносу.

Законодательство не устанавливает ни минимального, ни максимального размера такой ответственности, что создаёт риски как для кредиторов, так и для самих членов. Неопределённость размера ответственности приводит к тому, что кредиторы не могут заранее оценить вероятность реального удовлетворения своих требований за счёт членов кооператива, а члены кооператива не могут прогнозировать масштаб возможных финансовых потерь.

Судебная практика последних лет демонстрирует отсутствие единого подхода к толкованию ключевого условия — «недостаточность имущества кооператива» [4; 5]. Сложилось два основных подхода. Согласно первому, достаточным основанием для привлечения членов к субсидиарной ответственности признаётся сам факт возбуждения исполнительного производства и возврата документа взыскателю в связи с отсутствием имущества. Согласно второму, более строгому, кредитор обязан доказать полную невозможность взыскания с кооператива, включая реализацию имущества на торгах. Такая неоднородность создаёт правовую неопределённость и позволяет недобросовестным членам кооператива уклоняться от ответственности.

Законодательство о производственных кооперативах формально не требует от кредитора доказывания причинно-следственной связи между действиями членов и невозможностью удовлетворения требований. Однако анализ судебной практики 2023–2025 годов [7; 8] показывает, что ряд судов отказывают в привлечении к ответственности именно по мотиву недоказанности такой связи. Как отмечается в решениях арбитражных судов, сам по себе статус члена кооператива не является безусловным основанием для субсидиарной ответственности; требуется дополнительно установить, что член извлёк выгоду либо имел реальную возможность влиять на имущественное положение кооператива. Эта позиция, по справедливому замечанию процессуалистов [8; 9], противоречит формальной природе субсидиарной ответственности как дополнительной гарантии для кредиторов, а не как разновидности деликтной ответственности.

Статья 37 Закона «О производственных кооперативах» [2] устанавливает, что размер ответственности определяется кратно дополнительному взносу. Однако значительная часть кооперативов либо не определяет этот взнос в уставе, либо устанавливает его в символической сумме (сто или пятьсот рублей). В результате кредитор не может получить реального удовлетворения, а суды, как правило, отказываются «доопределять» размер ответственности, ссылаясь на отсутствие механизма восполнения пробела [9]. Такая ситуация фактически сводит на нет институт субсидиарной ответственности в производственных кооперативах.

Наиболее острой проблемой остаётся вопрос об ответственности членов, вышедших или исключённых из кооператива до момента возникновения долга. Верховный Суд РФ в своих обзорах и определениях последовательно придерживается позиции, согласно которой бывшие члены отвечают по обязательствам, возникшим в период их членства [4; 5]. Однако на уровне окружных арбитражных судов встречаются противоположные решения, освобождающие бывших членов от ответственности ввиду утраты контроля. Особую сложность представляют длящиеся обязательства (аренда, кредит, энергоснабжение), когда обязательство возникло до выхода члена, но долг накопился после выхода. Единообразной практики по данной категории дел не сложилось, что создаёт возможность для злоупотреблений: члены кооператива могут выходить из его состава непосредственно перед возникновением крупной задолженности, избегая тем самым субсидиарной ответственности.

Кроме того, остаётся нерешённым вопрос о процессуальном положении членов кооператива в деле о взыскании с основного должника. Должны ли они привлекаться к участию в деле в качестве третьих лиц? Каковы сроки предъявления требований к субсидиарным должникам? Эти процессуальные аспекты не урегулированы законодательством и вызывают разногласия в судебной практике.

Для преодоления выявленных затруднений требуется комплексный подход, сочетающий законодательные изменения, разъяснения высшей судебной инстанции и оптимизацию уставного регулирования.

На уровне законодательства необходимо внести поправки в статью 37 Закона [2], установив минимальный размер субсидиарной ответственности (например, привязав его к МРОТ), что исключило бы практику символических взносов. Целесообразно законодательно закрепить презумпцию недостаточности имущества кооператива при неисполнении судебного акта в течение шести месяцев при отсутствии ликвидного имущества. Кроме того, статью 399 ГК РФ [1] следует дополнить положением о том, что субсидиарная ответственность членов кооператива наступает независимо от доказывания их вины или причинно-следственной связи. Также необходимо урегулировать процессуальные аспекты: определить, что члены кооператива привлекаются к участию в деле в качестве третьих лиц, а срок предъявления требований к субсидиарным должникам составляет три года с момента вступления в силу решения суда против основного должника.

На уровне судебной практики эффективным инструментом стало бы принятие Пленумом Верховного Суда РФ отдельного постановления [6; 10]. Как отмечает О.В. Гутников [10], в нём следует разъяснить, что субсидиарная ответственность наступает при превышении обязательств над активами кооператива по данным бухгалтерской отчётности. Необходимо чётко распределить бремя доказывания: не кредитор доказывает основания для привлечения, а член кооператива вправе опровергнуть презумпцию недостаточности имущества. Относительно бывших членов следует закрепить позицию, что выход или исключение не освобождает от ответственности по обязательствам, возникшим в период членства, включая длящиеся договоры, если на момент выхода кооператив уже вступил в соответствующие правоотношения. При этом бремя доказывания того, что обязательство возникло после выхода члена, должно лежать на самом бывшем члене.

На уровне уставного регулирования определённый потенциал заложен в уставном регулировании. Членам кооперативов рекомендуется конкретизировать в уставах размер дополнительного взноса, привязав его к объективным экономическим показателям (например, к проценту от годового дохода). Целесообразно также предусмотреть порядок привлечения к ответственности без дополнительного решения общего собрания, чтобы не создавать процедурных барьеров для кредиторов [12]. Как справедливо указывает Е.В. Черкашина [14], такие внутренние акты не отменяют действия закона, но сделают механизм субсидиарной ответственности более предсказуемым.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что институт субсидиарной ответственности членов производственного кооператива в его текущем виде страдает существенными недостатками. Отсутствие минимального размера ответственности, неопределённость критериев недостаточности имущества, неоднозначное толкование оснований для привлечения бывших членов, а также процессуальные пробелы — всё это приводит к тому, что данный институт не выполняет в полной мере свою гарантийную функцию. Как подчёркивают А.В. Осокин и В.А. Шульгина [12], а также В.В. Устюкова [13], требуется переосмысление природы субсидиарной ответственности в кооперативах.

Предложенный комплекс мер — законодательные поправки, разъяснения Верховного Суда РФ и оптимизация уставного регулирования — способен устранить выявленные недостатки. Реализация этих предложений позволит сделать субсидиарную ответственность членов производственных кооперативов реальным механизмом защиты прав кредиторов, одновременно обеспечивая предсказуемость и справедливость правового регулирования для самих членов кооперативов. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на сравнительно-правовой анализ института субсидиарной ответственности в кооперативах различных типов, а также на изучение зарубежного опыта правового регулирования ответственности членов кооперативных организаций.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» (ред. от 30.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 20. — Ст. 2321.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2024): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.11.2024 // СПС «Гарант».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (ред. от 20.12.2023) // Российская газета. — 2017. — 29 дек.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.02.2025 по делу № А40-56789/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.11.2024 по делу № А56-12345/2023 // Архив Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области.
9. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с привлечением членов производственных кооперативов к субсидиарной ответственности (2023–2025) : аналитическая записка Федерального арбитражного суда Уральского округа // Официальный сайт Арбитражного суда Уральского округа. — 2025. — URL: <http://fasuo.arbitr.ru> (дата обращения: 10.05.2025).
10. Гутников О.В. Субсидиарная ответственность в корпоративных правоотношениях: монография / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. — Москва: Норма, 2024. — 352 с.
11. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право: учебник для магистров / Е.А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2023. — 840 с.

12. Осокин А.В. Теория корпоративной ответственности в контексте субсидиарной ответственности в сфере банкротства / А.В. Осокин, В.А. Шульгина // Вопросы российской юстиции. — 2022. — № 19. — С.231-240.

13. Устюкова В.В. Субсидиарная ответственность членов сельскохозяйственных кооперативов / В.В. Устюкова // Сельское хозяйство. — 2020. — № 2. — С .1-9.

14. Черкашина Е.В. О специфике кооперативного предпринимательства / Е.В. Черкашина // Российское предпринимательство. — 2008. — № 8-2. — С.173-179.

Кувшинов Г.А.

магистрант

кафедра экономической безопасности и управления рисками

факультет экономики и бизнеса

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

e-mail: diplom.management@gmail.com

Королева Л.П.

кандидат экономических наук, доцент,

заместитель заведующего кафедрой экономической безопасности и управления рисками

факультета экономики и бизнеса

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Kuvshinov G.A.

Master's Student

Department of Economic Security and Risk Management

Faculty of Economics and Business

Financial University under the Government of the Russian Federation

Koroleva L.P.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Deputy Head of the Department of Economic Security and Risk Management

Faculty of Economics and Business

Financial University under the Government of the Russian Federation

ПРЕДПРОВЕРОЧНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРУПНЕЙШЕГО НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА КАК МЕТОД ФИНАНСОВЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье исследуется предпроверочный анализ как самостоятельный метод финансовых расследований применительно к деятельности крупнейших налогоплательщиков в условиях цифровой трансформации налогового администрирования. На основе критического сопоставления существующих научных подходов верифицировано системное ограничение доминирующих трактовок: большинство авторов рассматривают предпроверочный анализ исключительно как административно-управленческий инструмент отбора объектов налогового контроля, оставляя нераскрытой его познавательную-расследовательскую природу. Сформулировано авторское определение предпроверочного анализа как специализированной аналитико-расследовательской процедуры реконструкции финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика. На материалах МИ ФНС России по крупнейшим налогоплательщикам № 3 систематизированы четыре блока инструментов предпроверочного анализа и верифицирована их результативность посредством разбора конкретных налоговых споров, включая дело АО «Торговый дом "Перекресток"» с подтвержденными доначислениями свыше 2,4 млрд рублей. Обоснована многоуровневая природа результативности предпроверочного анализа, включающая фискальный, судебный, превентивный, отраслевой и методологический компоненты. Разработаны пять методических рекомендаций по совершенствованию предпроверочного анализа, в том числе введение карты аналитической версии как структурного ядра расследовательской процедуры, а также предложения по созданию межведомственных аналитических центров и повышению квалификации аналитиков. Оценен социально-экономический эффект от реализации предложенных мер.

Ключевые слова: предпроверочный анализ, финансовые расследования, крупнейшие налогоплательщики, налоговый контроль, риск-ориентированный подход, реконструкция финансово-хозяйственной деятельности, аналитическая версия, ФНС России, цифровизация налогового администрирования, межведомственное взаимодействие.

PRE-AUDIT ANALYSIS OF LARGE TAXPAYER ACTIVITIES AS A METHOD OF FINANCIAL INVESTIGATIONS

Abstract. The article examines pre-audit analysis as an independent method of financial investigations in relation to the activities of large taxpayers in the context of digital transformation of tax administration. Based on a critical comparison of existing academic approaches, a systemic limitation of dominant interpretations is verified: most authors consider pre-audit analysis exclusively as an administrative-managerial tool for selecting tax control objects, leaving its cognitive-investigative nature undisclosed. An original definition of pre-audit analysis is formulated as a specialised analytical-investigative procedure for reconstructing the financial and economic activities of a taxpayer. Drawing on materials from the Interregional Inspectorate of the Federal Tax Service of Russia for the Largest Taxpayers No. 3, four blocks of pre-audit analysis instruments are systematised and their effectiveness is verified through analysis of specific tax disputes, including the case of JSC «Trade House Perekrestok» with confirmed additional assessments exceeding 2.4 billion roubles. The multi-level nature of pre-audit analysis effectiveness is substantiated, encompassing fiscal, judicial, preventive, sectoral and methodological components. Five methodological recommendations for improving pre-audit analysis are developed, including the introduction of an analytical version map as the structural core of the investigative procedure, as well as proposals for establishing inter-agency analytical centres and enhancing analyst qualifications. The socio-economic effect of implementing the proposed measures is assessed.

Keywords: pre-audit analysis, financial investigations, large taxpayers, tax control, risk-based approach, reconstruction of financial and economic activities, analytical version, Federal Tax Service of Russia, digitalisation of tax administration, inter-agency cooperation.

Введение. Обеспечение полноты поступления налоговых доходов в бюджетную систему Российской Федерации является одним из ключевых условий финансовой устойчивости государства. В этом контексте особое место занимает категория крупнейших налогоплательщиков: концентрация значительной доли налоговых поступлений в ограниченном числе субъектов хозяйствования объективно определяет повышенное значение контрольных мероприятий в отношении данной группы. Вместе с тем масштаб и сложность финансово-хозяйственной деятельности крупнейших налогоплательщиков, разветвленность их корпоративных структур, активное использование трансграничных операций и инструментов налогового планирования существенно затрудняют выявление нарушений налогового законодательства в рамках стандартных контрольных процедур.

В этой связи предпроверочный анализ (далее - ППА) приобретает значение самостоятельного метода финансовых расследований, позволяющего еще до назначения выездной налоговой проверки сформировать доказательную базу, определить вероятные схемы уклонения от налогообложения и оценить потенциал доначислений. В современной научной и правоприменительной практике ППА часто интерпретируется как подготовительная стадия выездной налоговой проверки, тогда как его роль в качестве самостоятельного метода финансового расследования систематически маргинализируется. Данная методологическая позиция представляется недостаточной, поскольку не обеспечивает адекватного отражения значения ППА как инструмента получения и интерпретации информации о налогоплательщике, необходимой для выявления признаков налоговых правонарушений.

Цель настоящей статьи - верифицировать исследовательскую природу предпроверочного анализа, систематизировать инструментарий его практического применения применительно к крупнейшим налогоплательщикам и обосновать направления совершенствования на основе авторских методических рекомендаций.

Результаты исследования. Анализ существующих научных подходов к определению сущности предпроверочного анализа обнаруживает их принципиальную неоднородность. В современной научной литературе сложились два принципиально различных подхода к пониманию правовой природы ППА. Согласно первому - административно-процедурному подходу - ППА представляет собой внутриорганизационную стадию налогового контроля, лишенную самостоятельного правового значения. Его результаты служат исключительно основанием для принятия решения о назначении выездной проверки, но не образуют доказательственной базы и не порождают правовых последствий для налогоплательщика. Данная позиция отражена в работах В.Г. Панскова, который, разграничивая формы налогового контроля, относит ППА к вспомогательным мероприятиям, не имеющим процессуального закрепления [8].

Альтернативный подход трактует ППА как самостоятельный элемент системы финансовых расследований. О.А. Ногина рассматривает предпроверочный анализ как самостоятельную форму налогового контроля, отмечая, что «несмотря на отсутствие законодательного закрепления, предпроверочный анализ фактически стал неотъемлемой частью контрольной деятельности ФНС России и требует нормативного признания» [5]. К.Р. Голястикова и К.А. Щедрин определяют ППА как «совокупность аналитических процедур, направленных на изучение финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика с использованием всех доступных информационных ресурсов для формирования доказательственной базы налоговых нарушений» [3]. А.А. Родионова акцентирует внимание на специфике предпроверочного анализа крупнейших налогоплательщиков, подчеркивая, что «для данной категории субъектов ППА является обязательным этапом, предвещающим любую выездную проверку и требующим привлечения специализированных аналитических подразделений» [9]. К.Б. Беловицкий, описывая финансовые расследования в системе противодействия экономическим преступлениям, указывает, что ППА служит «информационно-аналитическим фундаментом для проведения комплексных межведомственных расследований налоговых схем и противоправных финансовых операций» [2].

Ни один из рассмотренных подходов, однако, не раскрывает ППА как самостоятельную исследовательскую процедуру реконструкции финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика - то есть как процесс воссоздания действительной картины его экономического поведения на основе косвенных данных при заведомо неполной и асимметричной информации.

С учетом выявленных ограничений существующих подходов предлагается следующее авторское определение.

Предпроверочный анализ в контексте финансовых расследований деятельности налогоплательщиков представляет собой специализированную аналитико-расследовательскую процедуру реконструкции финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика на основе интеграции разнородных информационных источников, результатом которой является формирование обоснованной аналитической гипотезы о характере, механизмах и масштабах возможных налоговых нарушений, определяющей вектор последующих контрольных и следственных действий.

В отличие от господствующих в литературе трактовок, акцентирующих административную или технологическую сторону ППА, предлагаемое определение представляет его как самостоятельную познавательную процедуру расследовательского характера, имеющую собственный методологический статус.

Методологически финансовые расследования базируются на трех принципах.

Принцип комплексности предполагает использование максимально широкого круга источников информации: налоговой и бухгалтерской отчетности, банковских сведений, данных таможенных органов, сведений о движении денежных средств, информации от контрагентов. Принцип системности требует рассматривать деятельность налогоплательщика не изолированно, а в контексте его связей с аффилированными лицами, цепочками контрагентов, корпоративной структурой и моделью ведения бизнеса. Принцип приоритета экономического содержания над юридической формой, отраженный в статье 54.1 НК РФ, позволяет оценивать операции исходя из их реальной деловой цели и экономического результата, а не только из формального документального оформления [12].

Практика применения ППА исследовалась на материалах МИ ФНС России по крупнейшим налогоплательщикам № 3, в зону компетенции которой входят субъекты торговли, пищевой промышленности, агропромышленного комплекса и смежных отраслей [11]. Функционально-отраслевая специализация инспекции повышает результативность финансовых расследований структурно: аналитики работают не с разнородным массивом субъектов, а с концентрированной группой экономических агентов, объединенных общими бизнес-моделями. Это позволяет формировать отраслевые бенчмарки налоговой нагрузки и рентабельности, накапливать базу типовых схем минимизации и применять специализированные методы анализа с учетом отраслевой логики ценообразования, сезонности и структуры затрат.

Инструментарий предпроверочного анализа инспекции может быть структурирован в четыре блока.

Первый блок - традиционные аналитические инструменты: камеральное сопоставление показателей отчетности, анализ налоговой нагрузки, выявление расхождений между финансовыми результатами и налоговыми обязательствами. Характерными индикаторами риска выступают нетипичная убыточность при расширении масштабов деятельности, рост расходов без сопоставимого роста выручки, изменения в структуре вычетов по НДС.

Второй блок - цифровые инструменты автоматизированного контроля: системы АСК НДС-2 и АСК НДС-3, электронный документооборот, система налогового мониторинга, контроль расчетов по единому налоговому счету. Как указывают Л.И. Гончаренко [4] и С.А. Алексахина с соавторами [13], цифровизация налогового администрирования переводит контроль из режима последующего реагирования в режим непрерывного мониторинга.

Третий блок - инструменты анализа контрагентской среды: исследование деловых связей, устойчивости контрагентов, повторяемости посреднических звеньев, наличия транзитных компаний, разрывов между движением товара, документов и денежных средств. Анализ банковских операций выполняет роль инструмента реконструкции транзита: по цепочке платежных поручений восстанавливается реальный маршрут денежных средств от покупателя через формальных посредников к конечному бенефициару.

Четвертый блок - инструменты анализа внешней и нефинансовой информации: данные корпоративных сайтов, сообщения о слияниях и реструктуризациях, участие в государственных закупках, маркетинговая активность, сведения об экспорте и импорте продукции.

Результативность применяемого инструментария верифицируется рядом показательных налоговых споров. Ключевым кейсом является дело АО «Торговый дом "Перекресток"» № А40-118135/2019 [1] с подтвержденными доначислениями более 2,4 млрд рублей. В данном деле налоговый орган оспаривал налоговые последствия внутригрупповой реструктуризации группы Х5, придя к выводу, что совокупность сделок по приобретению долей и дальнейшему внутригрупповому финансированию не имела самостоятельной экономической цели, кроме перераспределения прибыли и получения налоговой

экономии. Инспекция квалифицировала ряд операций не по формальному документальному оформлению, а исходя из их действительного экономического содержания. Данный кейс демонстрирует ключевую особенность работы инспекции: анализируется не отдельная операция, а вся конструкция внутригрупповых действий как единая схема. Доказательственная база, сформированная на стадии предпроверочного анализа, выдержала судебную проверку в полном объеме, что подтвердило методологическую состоятельность примененного аналитического инструментария.

В сфере трансфертного ценообразования показательным является дело ОАО «Тольяттиазот» № А40-35382/2013 [7], в котором инспекция доначислила налог на прибыль и НДС, обосновав занижение экспортных цен по сделкам с взаимозависимым иностранным лицом. Данный кейс демонстрирует классическую модель финансового расследования в отношении крупнейшего налогоплательщика: анализ взаимозависимости сторон, сопоставление цен с рыночным уровнем, привлечение экспертных данных по отрасли и оценка фактического использования ресурсов, заявленных в учете. В агропромышленном сегменте предпроверочный анализ в отношении кейса ООО «ТД "Риф"» (впоследствии - ООО «Родные поля») был ориентирован на установление реальности цепочки закупок зерна, проверку поставщиков на наличие признаков технических организаций, анализ движения НДС и сопоставление налоговых данных с фактическими объемами закупки, хранения и экспорта продукции [10].

Принципиальный вывод, следующий из совокупности рассмотренных кейсов, состоит в следующем: ни один инструмент предпроверочного анализа не является самодостаточным.

АСК НДС формирует гипотезу, но не доказывает умысел; банковский анализ реконструирует транзит, но не охватывает иностранные счета; внешний мониторинг верифицирует реальность деятельности, но не имеет статуса официального доказательства. Результативность ППА обеспечивается совокупностью взаимодополняющих аналитических процедур, интегрированных в единую методологическую схему и носит многоуровневый характер, включая фискальный, судебный, превентивный, отраслевой и методологический компоненты, что принципиально отличает данный инструмент от традиционной выездной проверки.

Вместе с тем выявлены объективные ограничения действующей практики. Методика ФНС 2026 [6] пригодна для использования на этапе первичного скрининга, однако для целей финансового расследования нуждается в дополнении инструментами, устраняющими структурные ограничения формализованных критериев. Налогоплательщик, осведомленный о пороговых значениях налоговой нагрузки и рентабельности, технически способен подобрать показатели, не вызывающие автоматических срабатываний, фактически занижая обязательства. Кроме того, предпроверочный анализ в рамках инспекции осуществляется преимущественно силами одного ведомства, тогда как наиболее сложные схемы уклонения требуют одновременного использования данных из нескольких государственных информационных систем.

На основании проведенного анализа сформулированы рекомендации по двум направлениям.

Первое - методические рекомендации для совершенствования инструментария предпроверочного анализа. Ключевой из них является рекомендация о введении карты аналитической версии (КАВ) как обязательного структурированного документа, фиксирующего: формулировку предполагаемой схемы с указанием ее экономического содержания; перечень фактов, подтверждающих версию, с указанием источника каждого факта; перечень фактов, противоречащих версии; описание предполагаемой цепочки участников; указание на налоговые последствия схемы в количественном выражении; план проверки версии. Введение КАВ меняет логику предпроверочного анализа: вместо набора индикаторов риска формируется документ с внутренней логической связностью, соответствующий подходу, применяемому в практике финансово-следственного анализа (forensic accounting). Дополнительно обоснованы трехуровневая модель сопоставления данных, интегрирующая налоговый, финансово-хозяйственный и

корпоративно-идентификационный контуры информации, отраслевые аналитические регламенты для торговли, пищевой промышленности, подакцизной продукции и аграрного сектора, а также единый стандарт документирования предпроверочного анализа, обеспечивающий преемственность между стадиями расследования.

Второе направление - создание межведомственных аналитических центров. Расследование в отношении АО «Торговый дом "Перекресток"» потребовало анализа данных ЕГРЮЛ, сведений Росреестра и оценки внутригрупповых финансовых операций; дело ОАО «Тольяттиазот» было связано с данными ФТС о фактических экспортных ценах. В обоих случаях взаимодействие с партнерскими ведомствами осуществлялось через разрозненные запросы, что увеличивало сроки расследования и затрудняло формирование единой аналитической позиции. Предлагаемый межведомственный аналитический центр должен объединять налоговый блок (специалисты ФНС), блок финансовой разведки (специалисты Росфинмониторинга), таможенно-торговый блок (специалисты ФТС), блок расследования экономических правонарушений (оперативные сотрудники МВД) и экспертно-аналитический блок (отраслевые эксперты на проектной основе). Оценка социально-экономического эффекта от внедрения предложений подтверждает их практическую значимость: сокращение сроков расследования, повышение доли успешно верифицируемых в судебном порядке доначислений и формирование методологических ориентиров для всей системы налогового контроля.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать три принципиальных вывода.

Верифицировано системное ограничение господствующих научных подходов к предпроверочному анализу: его интерпретация как сугубо административно-процедурного инструмента методологически редуцирует функциональные возможности данного аналитического механизма. Предложенное авторское определение, трактующее ППА как специализированную аналитико-расследовательскую процедуру реконструкции финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика, методологически обосновывает применение криминалистических подходов к анализу налоговых рисков и вводит в инструментарий налогового контроля категорию расследовательской версии, традиционно используемую в теории расследования.

Анализ практики МИ ФНС России по крупнейшим налогоплательщикам № 3 подтвердил, что доказательственная база, формируемая на стадии предпроверочного анализа, обладает достаточной устойчивостью для судебной верификации. Результативность обеспечивается не применением единственного контрольного инструмента, а совокупностью взаимодополняющих аналитических процедур - данных АСК НДС, банковского мониторинга, контрагентского анализа, внешнего мониторинга и превентивных коммуникационных мероприятий, - интегрированных в единую методологическую схему.

Предложенный комплекс методических рекомендаций - прежде всего введение карты аналитической версии как структурного ядра предпроверочного анализа - обеспечивает переход от фиксации формальных признаков налоговых рисков к формированию системной расследовательской позиции. Институционализация предпроверочного анализа посредством его законодательного закрепления в качестве самостоятельного института налогового администрирования и создание межведомственных аналитических центров представляются взаимообусловленными, а не параллельными процессами: только их интеграция формирует систему, в которой предпроверочный анализ реализует свой полный расследовательский потенциал.

Литература:

1. Х5 обязали доплатить 2,4 млрд руб. налогов из-за поражения в споре по той же сделке // Интерфакс. 15.12.2021. URL: <https://www.interfax.ru/business/809632> (дата обращения: 05.03.2026).

2. Беловицкий, К. Б. Финансовые расследования: учебное пособие / К. Б. Беловицкий. - Москва: Дашков и К, 2022. - 320 с. - ISBN 978-5-394-05062-6. - Текст: электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1927405>

3. Голястикова, К. Р. Предпроверочный анализ как новая форма налогового контроля / К. Р. Голястикова, К. А. Щедрин // Право и суд в современном мире: Сборник статей XXIII ежегодной студенческой научно-практической конференции с международным участием, Москва, 28–29 марта 2024 года. Часть 1. – Москва: Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, 2025. – С. 431-436. – EDN FYEOBS.

4. Налоговое администрирование: учебник / под общ. ред. Л.И. Гончаренко. - Москва: ИНФРА-М, 2023. - 254 с. - (Высшее образование). - DOI 10.12737/1860997. - ISBN 978-5-16-017557-7. - Текст: электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1860997>

5. Ногина, О.А. Предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков как самостоятельная форма налогового контроля / О.А. Ногина // Закон. – 2022. – № 11. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://zakon.ru/publication/igzakon/10112> (дата обращения 18.12.2025)

6. Об утверждении методики проведения анализа (оценки) сведений о финансово-хозяйственной деятельности юридического лица (индивидуального предпринимателя) ...: Приказ ФНС России от 05.12.2025 № ЕД-7-31/1041@. – Текст: электронный // Официальный сайт ФНС России: [портал]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/16593572/ (дата обращения: 05.05.2026).

7. Определение Верховного Суда РФ от 02.11.2015 № 305-КГ15-13505 по делу № А40-35382/2013 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/cQPS3H0PJsqw/> (дата обращения: 27.02.2026).

8. Пансков, В. Г. Налоги и налогообложение: учебник для среднего профессионального образования / В. Г. Пансков. - 10-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 447 с. - (Профессиональное образование). - ISBN 978-5-534-20603-6. - Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. - URL: <https://urait.ru/bcode/558456>

9. Родионова, А. А. К вопросу о методах и формах налогового контроля / А. А. Родионова // Евразийская адвокатура. – 2025. – № 5(76). – С. 195-197. – DOI 10.52068/2304-9839_2025_76_5_195. – EDN HXEDNF.

10. Суд удовлетворил иск о передаче зернотрейдера «Родные поля» в доход государства // Агроинвестор. URL: <https://www.agroinvestor.ru/companies/news/43698-sud-udovletvoril-isk-o-peredache-zernotreйдера-rodnye-polya-v-dokhod-gosudarstva/> (дата обращения: 19.03.2026).

11. Федеральная налоговая служба: Межрегиональная инспекция ФНС России по крупнейшим налогоплательщикам № 3: официальный сайт. URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 15.03.2026).

12. ФНС разъяснила, как применять статью 54.1 НК. Есть аргументы в пользу компаний / Самитов Консалтинг // Самитов Консалтинг: [блог]. – 2022. – 11 декабря. – URL: <https://samitov.ru/blog/fns-razyasnila-kak-primenyat-statyu-54-1-nk-est-argumenty-v-polzu-kompaniy/> (дата обращения: 16.02.2026).

13. Цифровизация налогового администрирования как инструмент повышения эффективности налоговой политики / С. А. Алексахина, А. А. Горшкова, Н. А. Озерова, Е. Н. Нохтуева // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 12. – С. 7079-7094. – DOI 10.18334/epp.14.12.122219. – EDN HKDAPO.

Швец Н.И.

студент

кафедра экономической безопасности и управления рисками

факультет экономики и бизнеса

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

e-mail: diplom.management@gmail.com

Боташева Л.Х.

доцент, кандидат экономических наук,

доцент кафедры экономической безопасности и управления рисками

факультета экономики и бизнеса

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Shvets N.I.

Student

Department of Economic Security and Risk Management

Faculty of Economics and Business

Financial University under the Government of the Russian Federation

Botasheva L.Kh.

Associate Professor, Candidate of Economic Sciences,

Associate Professor of the Department of Economic Security and Risk Management

Faculty of Economics and Business

Financial University under the Government of the Russian Federation

СИСТЕМА ИНДИКАТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАСТРОЙЩИКОВ: ОТРАСЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА И ИНСТРУМЕНТЫ МОНИТОРИНГА

Аннотация. Статья посвящена формированию системы индикаторов экономической безопасности компаний-застройщиков с учетом отраслевой специфики жилищного строительства. На основе сравнительного анализа крупного, среднего и малого бизнеса обоснована необходимость дополнения стандартных финансовых показателей специфическими индикаторами строительной отрасли. Предложена дифференцированная методика мониторинга угроз применительно к вертикальной и горизонтальной моделям застройки.

Ключевые слова: экономическая безопасность, индикаторы, застройщики, жилищное строительство, риск-мониторинг, вертикальная застройка, горизонтальная застройка.

SYSTEM OF ECONOMIC SECURITY INDICATORS FOR DEVELOPERS: INDUSTRY SPECIFICS AND MONITORING TOOLS

Abstract. The article is devoted to forming a system of economic security indicators for developer companies, taking into account the industry specifics of housing construction. Based on a comparative analysis of large, medium and small businesses, the need to supplement standard financial indicators with specific indicators of the construction industry is substantiated. A differentiated methodology for monitoring threats in relation to vertical and horizontal construction models is proposed.

Keywords: economic security, indicators, developers, housing construction, risk monitoring, vertical construction, horizontal construction.

Жилищное строительство представляет собой одну из наиболее сложных с точки зрения обеспечения экономической безопасности отраслей национальной экономики. Длительный производственный цикл, неравномерность денежных потоков, высокая зависимость от заемного финансирования и регуляторная нагрузка, последовательно возрастающая в рамках реформы долевого строительства, формируют специфическую совокупность угроз, которая не может быть адекватно измерена стандартным набором финансовых коэффициентов. Как обоснованно указывает Ю.М. Вайвер, система индикаторов экономической безопасности застройщиков должна включать не только показатели финансовой устойчивости и ликвидности, но и специфические индикаторы, отражающие соотношение объемов незавершенного строительства и собственных средств компании, долю проблемных объектов и уровень концентрации проектов в отдельных регионах и сегментах рынка [1].

Актуальность данной проблематики определяется также тем, что существующие регуляторные механизмы мониторинга застройщиков - в частности, критерии, установленные для включения в реестр участников проектного финансирования, - базируются преимущественно на стандартных финансовых показателях, не улавливающих отраслевую специфику. В научной литературе при этом недостаточно разработан вопрос о том, как система индикаторов должна различаться в зависимости от модели застройки и масштаба бизнеса. Настоящая статья направлена на восполнение данного пробела.

Методологической основой исследования послужил сравнительный анализ систем управления экономической безопасностью пяти компаний-застройщиков, представляющих различные сегменты отрасли: ПАО «Группа ЛСР» (крупный федеральный вертикально интегрированный девелопер), ПАО «ПИК-специализированный застройщик» (крупнейший по объему ввода жилья федеральный застройщик с мультирегиональным присутствием), АО «Сити-XXI век» (средний девелопер, реализующий концепцию комплексного освоения территорий в Московском регионе), ООО «АнапаИнвестСтрой» (малый региональный застройщик, специализирующийся на горизонтальной застройке в Краснодарском крае) и ООО «ВТС-Инжиниринг» (малый субподрядчик строительного рынка Москвы).

Предлагаемая система индикаторов экономической безопасности застройщиков выстраивается в логике нескольких взаимосвязанных блоков: финансовой устойчивости, ликвидности и платежеспособности, операционной надежности, регуляторного соответствия и репутационного состояния. При этом принципиальной авторской позицией является необходимость дифференциации весов и пороговых значений каждого индикатора в зависимости от двух ключевых характеристик компании: масштаба бизнеса и базовой модели застройки.

Блок финансовой устойчивости в применении к застройщикам требует существенной коррекции по сравнению со стандартными методиками. Коэффициент автономии для строительных компаний, работающих с эскроу-счетами, приобретает специфическую интерпретацию: средства на эскроу формально не принадлежат застройщику до момента передачи объекта покупателям, что создает систематическое занижение показателей финансовой независимости. Динамика коэффициента автономии ПАО «Группа ЛСР» наглядно демонстрирует этот эффект: значение показателя варьировалось от 0,23 в 2021 году до 0,53 в 2024 году при сохранении высокого кредитного рейтинга ruA, что свидетельствует о необходимости отраслевой калибровки нормативных значений [2]. Для горизонтальной застройки, где эскроу-механизм применяется менее широко, данная корректировка менее критична, однако здесь приобретает повышенное значение показатель соотношения стоимости земельного банка и собственного капитала компании.

Блок ликвидности и платежеспособности для застройщиков должен в обязательном порядке включать специфический индикатор кассовых разрывов - соотношение минимального ежемесячного остатка денежных средств и среднемесячного объема обязательных платежей. Опыт ООО «ВТС-Инжиниринг», демонстрирующего критически низкую абсолютную ликвидность при росте выручки на

30%, показывает, что стандартные коэффициенты ликвидности не отражают реальную платежеспособность субподрядчика, работающего в условиях хронических задержек расчетов со стороны генерального подрядчика. Здесь необходим специализированный показатель - средний срок задержки оплаты от ключевых заказчиков, выраженный в днях, - который для малого строительного бизнеса нередко является более информативным предиктором финансовых затруднений, нежели коэффициент текущей ликвидности [5].

Операционный блок индикаторов наиболее существенно различается в зависимости от модели застройки. Для вертикальной застройки ключевыми операционными индикаторами выступают: доля объектов с отставанием от плановых сроков строительства более чем на 60 дней; коэффициент выполнения плана продаж на стадии строительства (отношение фактических продаж к плановым по каждому проекту); индекс концентрации портфеля - доля крупнейшего проекта в совокупном объеме незавершенного строительства; а также показатель вертикальной интеграции, косвенно отражающий устойчивость цепочки поставок. ПАО «Группа ЛСР» демонстрирует низкие операционные риски именно благодаря наличию собственных домостроительных комбинатов и производств строительных материалов, что нивелирует зависимость от волатильности цен на внешних рынках и ненадежности подрядчиков.

Для горизонтальной застройки операционный блок приобретает иную конфигурацию. Первостепенное значение здесь имеют: коэффициент обеспеченности инженерной инфраструктурой (доля реализуемых участков с подтвержденными техническими условиями на подключение к сетям); показатель сезонности выручки, отражающий зависимость объемов продаж от климатических условий; а также индикатор качества земельного банка - соотношение участков с полным пакетом разрешительной документации и находящихся на стадии согласований. Практика ООО «АнапаИнвестСтрой» в Краснодарском крае показывает, что именно наличие развитой инженерной инфраструктуры в поселке является определяющим конкурентным преимуществом и одновременно ключевым индикатором снижения репутационного риска в сегменте горизонтальной застройки.

Регуляторный блок индикаторов является универсальным по структуре, однако его наполнение существенно различается для вертикальной и горизонтальной застройки. Для многоквартирного строительства ключевыми регуляторными индикаторами выступают: соответствие нормативам достаточности собственных средств, установленным для участников проектного финансирования; наличие и актуальность разрешений на строительство по всем объектам портфеля; показатель соблюдения сроков публикации проектных деклараций. Для горизонтальной застройки на первый план выходят: доля участков с оформленным правом собственности или долгосрочной аренды в земельном банке; отсутствие зарегистрированных обременений, препятствующих строительству; соблюдение уведомительного порядка при ИЖС.

Репутационный блок в условиях высокой информационной прозрачности рынка недвижимости приобретает самостоятельное диагностическое значение. О. Каримова обосновывает целесообразность применения методов сентимент-анализа публикаций в СМИ и социальных сетях для оценки динамики репутации застройщика [3]. В более операциональном измерении репутационный блок может включать: долю объектов, по которым зафиксированы официальные жалобы дольщиков, направленные в Фонд развития территорий; количество судебных споров с участниками долевого строительства в расчете на 100 реализованных квартир; а также индекс потребительской лояльности, формируемый на основе результатов анализа отзывов на специализированных платформах.

Особого внимания заслуживает вопрос о пороговых значениях предложенных индикаторов в зависимости от масштаба бизнеса. Как показал сравнительный анализ, прямое применение нормативов, разработанных для крупных публичных застройщиков, к малому строительному бизнесу дает

систематически искаженную картину. Так, коэффициент покрытия инвестиций ООО «ВТС-Инжиниринг» на уровне 0,06 в 2024 году при формальной интерпретации свидетельствует о критическом состоянии финансовой устойчивости, однако отражает прежде всего структурную особенность субподрядного бизнеса с минимальным основным капиталом, а не неминуемое банкротство. Это подтверждает вывод А.М. Урванцева о том, что застройщики и компании строительного рынка различных уровней сталкиваются с принципиально разными профилями риска потребности в дополнительном финансировании, требующими дифференцированных подходов к оценке [4].

Предлагаемая дифференциация пороговых значений строится по матричному принципу: для каждого индикатора устанавливаются отдельные нормативные диапазоны для крупного бизнеса (выручка свыше 10 млрд рублей), среднего бизнеса (выручка от 1 до 10 млрд рублей) и малого бизнеса (выручка до 1 млрд рублей), с дополнительной корректировкой в зависимости от базовой модели застройки - вертикальной или горизонтальной. Данная матрица отражает принципиальную авторскую позицию: универсальный набор индикаторов с едиными пороговыми значениями не способен обеспечить адекватную диагностику экономической безопасности в столь неоднородной отрасли, как жилищное строительство.

Практическое применение предложенной системы индикаторов предполагает формирование интегрального индекса экономической безопасности застройщика, рассчитываемого как взвешенная сумма нормированных значений показателей каждого блока. При этом веса блоков должны быть скорректированы применительно к конкретному типу компании: для субподрядчика (ООО «ВТС-Инжиниринг») повышенный вес получает блок ликвидности и платежеспособности, тогда как для федерального девелопера (ПАО «Группа ЛСР») - регуляторный и репутационный блоки, поскольку именно они определяют доступность капитала и условия публичного размещения ценных бумаг.

Таким образом, адекватная система индикаторов экономической безопасности застройщиков должна строиться на двух взаимодополняющих основаниях. Первое - отраслевая специфика жилищного строительства, требующая дополнения стандартных финансовых коэффициентов показателями, отражающими особенности инвестиционного цикла, структуры финансирования и регуляторной среды. Второе - дифференциация по масштабу бизнеса и модели застройки, без которой применение единых нормативных значений индикаторов неизбежно приводит к систематическим ошибкам диагностики. Предложенный подход создает методологическую основу как для внутренних систем риск-мониторинга компаний, так и для совершенствования регуляторных инструментов контроля в сфере жилищного строительства.

Литература:

1. Вайвер Ю. М. Механизм обеспечения экономической безопасности инвестиционно-строительных проектов / Ю. М. Вайвер // Экономическая безопасность. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 1609–1624. – DOI 10.18334/ecsec.6.4.119507.
2. Гуреев И. А. Учетно-аналитическое обеспечение оценки финансовой устойчивости строительных организаций / И. А. Гуреев // Становление и развитие предпринимательства в России: история, современность и перспективы: сборник научных статей XII международной научной конференции, Смоленск, 23 мая 2025 года. – Смоленск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 102–106. – EDN ZMTDPI.
3. Каримова О. Инновационная экономическая модель управления рисками в строительных процессах / О. Каримова // Scientific practical conference. – 2025. – Т. 1. – № 1. – С. 502–506. – URL: <https://d-prensa.com/index.php/spc/article/view/352> (дата обращения: 12.01.2026).
4. Урванцев А. М. Различные профили риска потребности в дополнительном финансировании

строительства / А. М. Урванцев // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 7. – С. 597–599. – EDN TEZTKP.

5. Шулекин А. Н. Управление рисками и формирование резервной политики организаций жилищного строительства в целях обеспечения их финансовой устойчивости / А. Н. Шулекин // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – № 4(57). – С. 186–192. – DOI 10.25683/VOLBI.2021.57.470. – EDN LWMJIV.

Верижников Д.В.

студент

ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет»

Иванов Д.А.

студент

ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет»

научный руководитель – кандидат экономических наук, доцент,

руководитель СНК «Исследование проблем инновационного развития и финансовая диагностика
предприятий и бизнес-планов»

ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет»

Т.С. Питель

Verizhnikov D.V.

Student

Oryol State Agrarian University

Ivanov D.A.

Student

Oryol State Agrarian University

scientific director – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Head of the Scientific Research Center «Research of Innovative Development Problems and Financial
Diagnostics of Enterprises and Business Plans»

Oryol State Agrarian University

T.S. Pitel

ОЦЕНКА И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СТОИМОСТИ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ОРЛА)

Аннотация. В статье рассматривается применение методов машинного обучения для оценки и прогнозирования стоимости жилой недвижимости на примере регионального рынка города Орла. Проанализированы основные классы моделей — линейная регрессия, ансамблевые алгоритмы (случайный лес и градиентный бустинг) и нейросетевые методы, — а также факторы, определяющие точность прогноза. На откалиброванном под рынок Орла наборе данных проведён вычислительный эксперимент: наибольшую точность обеспечил градиентный бустинг (MAPE 6,2 %, R^2 0,945), линейная регрессия выступила эталонной моделью, а нейросетевая модель уступила лидеру на выборке ограниченного объёма. Методом перестановочной важности установлено, что ключевыми факторами цены квадратного метра в Орле выступают год постройки и состояние отделки. Построена ценовая карта районов и составлен прогноз средней стоимости жилья на 2026–2028 гг. с оценкой качества модели. Установлено, что автоматизированная оценка снижает информационную асимметрию рынка и повышает обоснованность решений его участников.

Ключевые слова: машинное обучение; оценка недвижимости; прогнозирование цен; рынок жилья города Орла; регрессия; ансамблевые методы; градиентный бустинг; анализ данных.

ESTIMATION AND FORECASTING OF RESIDENTIAL REAL ESTATE VALUE USING MACHINE LEARNING METHODS (THE CASE OF THE CITY OF OREL)

Abstract. The article examines the application of machine learning methods to the estimation and forecasting of residential real estate value, using the regional market of the city of Orel as a case study. The main classes of models are analysed — linear regression, ensemble algorithms (random forest and gradient boosting) and neural network methods — together with the factors that determine forecast accuracy. A computational experiment on an Orel-calibrated dataset shows that gradient boosting achieves the highest accuracy (MAPE 6.2%, R^2 0.945), while linear regression serves as a baseline and the neural network trails the leader on a limited-size sample. Permutation importance analysis shows that the key price factors are the year of construction and the condition of finishing. A district price map of Orel is compiled and a forecast of the average housing price for 2026–2028 is produced together with an assessment of the forecast model quality. Automated valuation is shown to reduce market information asymmetry and to improve the validity of participants' decisions.

Keywords: machine learning; real estate valuation; price forecasting; Orel housing market; regression; ensemble methods; gradient boosting; data analysis.

Введение

Определение стоимости объекта — одна из центральных задач участников рынка жилой недвижимости. Традиционные подходы (сравнительный, затратный, доходный) опираются на экспертное суждение, трудоёмки и зависят от квалификации оценщика. Рост объёма данных о сделках и предложениях создаёт предпосылки для автоматизации оценки средствами машинного обучения, чем и определяется актуальность темы.

Цель статьи — рассмотреть основные методы машинного обучения, применяемые для оценки и прогнозирования стоимости жилья, апробировать их на данных рынка города Орла и построить прогноз средней стоимости жилья.

С точки зрения машинного обучения задача формализуется как регрессия: по характеристикам объекта прогнозируется его цена. Признаками выступают площадь, число комнат, этаж и этажность, год постройки, тип дома, состояние отделки и характеристики местоположения — район, удалённость от центра и объектов инфраструктуры. Качество модели определяется тем, насколько полно эти признаки отражают реальные факторы ценообразования.

Простейший класс решений — линейные регрессионные модели, прозрачные и интерпретируемые: вклад каждого фактора выражается явным коэффициентом. Однако они слабо учитывают нелинейности и взаимодействие признаков, поэтому применяются преимущественно как базовая модель для сравнения.

Наибольшее распространение получили ансамблевые методы на основе деревьев решений — случайный лес и градиентный бустинг. Они выявляют сложные нелинейные зависимости, устойчивы к выбросам, не требуют строгих предположений о распределении данных и фактически считаются стандартом обработки табличных данных, к которым относятся характеристики недвижимости. Важное достоинство — возможность оценки значимости признаков, повышающая интерпретируемость результата.

Отдельное направление образуют нейросетевые методы: полносвязные сети моделируют сложные зависимости, а свёрточные архитектуры извлекают признаки из изображений и пространственных данных. Они требуют больших обучающих выборок и вычислительных ресурсов, поэтому на небольших региональных выборках ансамблевые методы обычно предпочтительнее по соотношению точности и трудозатрат [4].

Ключевое условие достоверности оценки — качество исходных данных. Объявления отражают запрашиваемую, а не фактическую цену сделки, что вносит систематическое смещение; часть характеристик может быть неточна или отсутствовать. Поэтому подготовка данных — очистка,

заполнение пропусков, устранение дубликатов и аномалий — влияет на точность сопоставимо с выбором алгоритма. Существенна и актуальность данных: модель, обученная на устаревшей выборке, постепенно теряет точность.

Обобщённая классификация рассмотренных подходов представлена на рисунке 1.

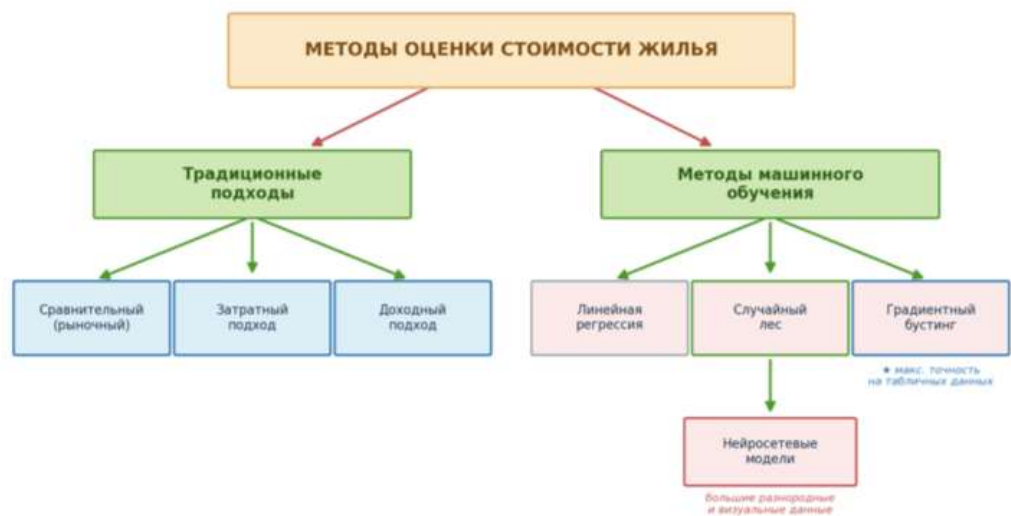

Рисунок 1. Классификация методов оценки стоимости жилой недвижимости

Выбор подхода определяется не только требуемой точностью, но и характером доступных данных, объёмом обучающей выборки и требованиями к интерпретируемости. Для регионального рынка с ограниченным объёмом достоверных данных рациональны ансамблевые методы, тогда как нейросетевые подходы целесообразны при обширных и разнородных массивах [7].

Обобщение классов моделей по принципу действия, сильным сторонам, ограничениям и условиям применения приведено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ классов моделей машинного обучения для оценки стоимости жилья

Класс моделей	Принцип действия	Сильные стороны	Ограничения	Условия применения
Линейная регрессия	Цена как взвешенная линейная комбинация признаков	Прозрачность, интерпретируемость, явный вклад каждого фактора	Слабый учёт нелинейностей и взаимодействия признаков	Базовая (эталонная) модель для сравнения
Ансамблевые методы (случайный лес, градиентный бустинг)	Объединение множества деревьев решений	Высокая точность на табличных данных, устойчивость к выбросам, оценка значимости признаков	Меньшая прозрачность, настройка гиперпараметров	Рекомендуемый выбор при ограниченных данных регионального рынка
Нейросетевые методы	Многослойные и свёрточные сети, в т.ч. для изображений	Моделирование сложных зависимостей, работа с разнородными данными	Высокие требования к объёму данных и ресурсам, низкая интерпретируемость	Большие разнородные массивы с визуальной и пространственной информацией

Апробация проводилась на рынке жилья города Орла — административного центра Орловской области с населением около 300 тыс. человек. Жилой фонд распределён между четырьмя районами (Советский, Северный, Железнодорожный, Заводской), заметно различающимися по уровню цен: наиболее дорогим остаётся Советский (исторический и деловой центр), активная новая застройка ведётся в Северном, а наиболее доступное жильё — в Заводском. Сводная характеристика цен по районам и типам жилья на вторичном рынке (2025 г.) приведена в таблице 2.

Таблица 2. Ценовая политика рынка жилья г. Орла по районам и типам жилья (2025 г., тыс. руб./кв. м)

Район	Вторичка	Ново- стройка	1- комн.	2- комн.	3- комн.	Характеристика
Советский	86	105	92	85	82	Центр, историческая и деловая застройка
Северный	80	98	86	79	76	Активная новая застройка, молодые ЖК
Железнодорожный	74	90	79	73	70	Сложившаяся застройка, восток города
Заводской	71	88	76	70	67	Промышленный, наиболее доступное жильё
В среднем по городу	78,5	96	84	77	74	—

Источник: составлено авторами по данным открытых агрегаторов объявлений (ЦИАН, «Авито», «Мир квартир», «Этажи») за 2025 г.

Данные иллюстрируют выраженную пространственную дифференциацию цен: разрыв между Советским и Заводским районами составляет около 17–21 % в зависимости от сегмента. Проявляется и премия малогабаритного жилья: однокомнатные квартиры в пересчёте на квадратный метр стабильно дороже трёхкомнатных. Эти закономерности нелинейны и сопровождаются взаимодействием признаков (район × тип дома, метраж × число комнат), что обуславливает преимущество ансамблевых моделей.

Для количественного сопоставления методов сформирован модельный набор данных, имитирующий региональный рынок и откалиброванный по приведённым ценовым уровням. Набор включал 2400 объектов с характеристиками площади, числа комнат, этажа и этажности, года постройки, района, удалённости от центра и состояния отделки; цена формировалась как нелинейная функция признаков с пороговыми эффектами, взаимодействиями и мультипликативным разбросом [10]. Данные делились на обучающую и тестовую выборки в соотношении 75/25, после чего обучались четыре модели — линейная регрессия, случайный лес, градиентный бустинг и полносвязная нейронная сеть (scikit-learn). Качество оценивалось по MAPE и R^2 на тестовой выборке.

Результаты сравнения приведены на рисунке 2. Наименьшую ошибку показал градиентный бустинг (MAPE 6,2 %, R^2 0,945), заметно превзойдя остальные подходы. Нейронная сеть и случайный лес заняли промежуточное положение (R^2 0,917 и 0,890), а линейная регрессия ожидаемо уступила всем нелинейным моделям (MAPE 10,3 %, R^2 0,867), что отражает её неспособность в полной мере учитывать пороговые эффекты и взаимодействие признаков.

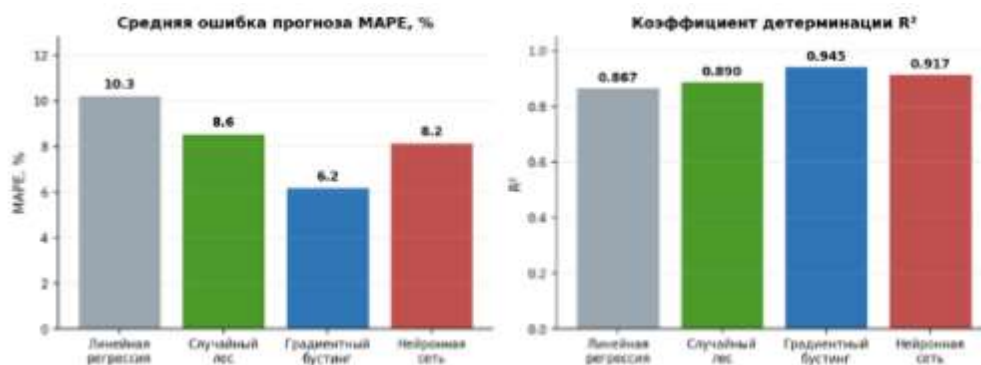

Рисунок 2. Точность моделей оценки стоимости на тестовой выборке: средняя ошибка (MAPE) и коэффициент детерминации (R^2)

Существенное преимущество ансамблевых моделей — возможность оценки значимости признаков. На рисунке 3 приведена относительная значимость факторов цены квадратного метра жилья в Орле, рассчитанная методом перестановочной важности (permutation importance) для модели градиентного бустинга. Наибольший вклад вносят год постройки (около 30 %) и состояние отделки (около 29 %); далее следуют площадь (13,7 %), удалённость от центра (12,6 %) и район (10,0 %), тогда как этаж, этажность и число комнат играют второстепенную роль [3]. Распределение согласуется с пространственной дифференциацией цен из таблицы 2 и подтверждает, что ценообразование на рынке Орла определяется совокупностью взаимодействующих факторов.

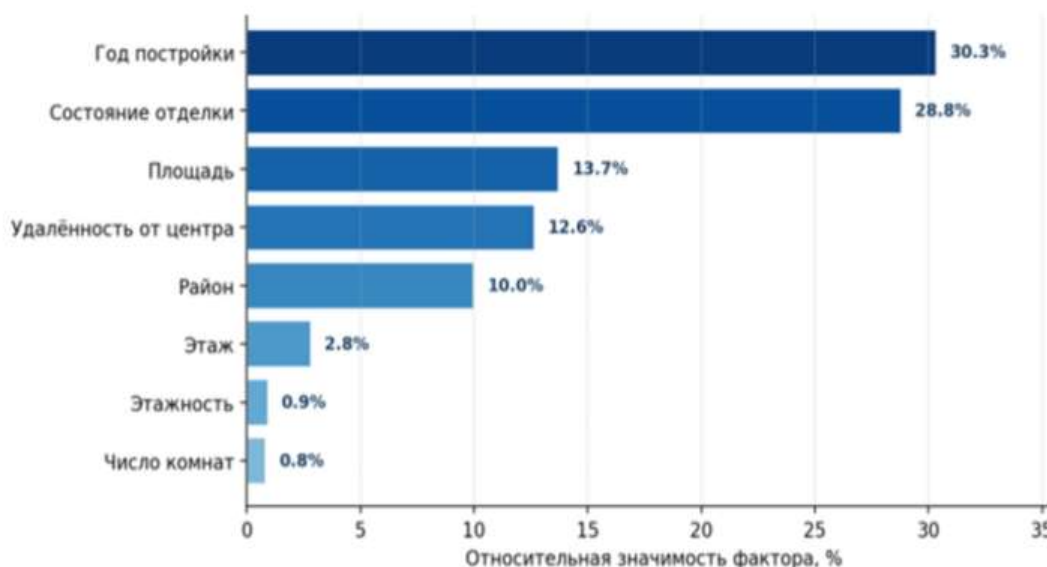

Рисунок 3. Относительная значимость факторов цены квадратного метра жилья в г. Орле (модель градиентного бустинга)

Полученные результаты подтверждают предпочтительность ансамблевых методов при ограниченном объёме данных, характерном для регионального рынка. Эксперимент носит иллюстративный характер и выполнен на откалиброванных синтетических данных: при использовании реальных сведений о сделках конкретные значения метрик могут отличаться, тогда как качественные соотношения между методами, как правило, сохраняются [9].

Помимо оценки отдельных объектов, практический интерес представляет прогнозирование общей динамики цен. На основе ретроспективного ряда средней цены квадратного метра вторичного жилья Орла

за 2019–2025 гг. построен прогноз на 2026–2028 гг. Среднегодовой темп прироста за период составил около 11,7 %, однако в последние годы он устойчиво замедляется (с +19,6 % в 2021 г. до +4,7 % в 2025 г.), отражая общероссийскую тенденцию стабилизации рынка. С учётом этого прогноз построен по модели с затухающим темпом прироста (около 4–4,5 % в год). Результаты приведены в таблице 3 и на рисунке 4.

Таблица 3. Прогноз средней стоимости жилья на вторичном рынке г. Орла на 2026–2028 гг.

Год	Средняя цена кв. м, тыс. руб.	Прирост к пред. году, %	Нижняя граница, тыс. руб.	Верхняя граница, тыс. руб.
2025 (факт)	78,5	+4,7	—	—
2026	81,7	+4,1	79,3	84,2
2027	85,4	+4,5	81,1	89,7
2028	89,1	+4,3	82,8	95,3

Согласно прогнозу, средняя стоимость квадратного метра вторичного жилья в Орле к 2028 г. достигнет около 89 тыс. руб., прибавив порядка 13 % к уровню 2025 г.

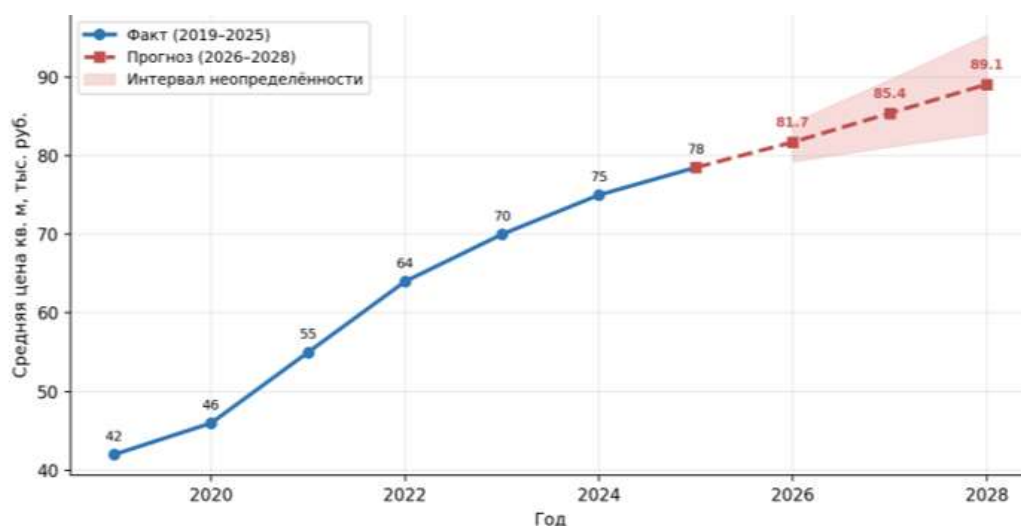

Рисунок 4. Динамика и прогноз средней стоимости жилья на вторичном рынке г. Орла

Расширяющийся интервал неопределённости отражает рост рисков прогноза с увеличением горизонта.

Оценка качества прогнозирования. Достоверность прогноза проверялась двумя способами. Во-первых, качество кросс-секционных моделей оценки отдельных объектов характеризуется метриками MAPE и R^2 (таблица 4). Во-вторых, для модели динамики цен выполнен ретроспективный тест (backtest): по данным 2019–2023 гг. строился прогноз на 2024–2025 гг. и сопоставлялся с фактом.

Таблица 4. Оценка качества моделей (точность на тестовой выборке)

Модель	MAPE, %	R^2	Ранг
Градиентный бустинг	6,2	0,945	1
Нейронная сеть	8,2	0,917	2
Случайный лес	8,6	0,890	3
Линейная регрессия (эталон)	10,3	0,867	4

Ретроспективная проверка модели динамики показала, что наивная экстраполяция постоянного экспоненциального тренда переоценивает фактические цены (MAPE 13,9 %, средняя абсолютная ошибка около 10,8 тыс. руб./кв. м), поскольку не учитывает наблюдаемое замедление рынка. Поэтому в итоговом прогнозе применена модель с затухающим темпом прироста, согласующаяся с фактической динамикой 2024–2025 гг. Таким образом, при прогнозировании регионального рынка существенно не только качество модели оценки отдельных объектов, но и адекватность гипотезы о темпах роста.

Практический интерес представляет интеграция инструментов автоматизированной оценки в массовые пользовательские сервисы. В рамках собственной разработки — поискового инструмента для рынка жилья города Орла на платформе мессенджера Telegram — формируется массив структурированных данных об актуальных предложениях, который может служить основой локальной модели оценки. Сопоставление цены конкретного объекта с прогнозом модели позволяет автоматически выявлять предложения, отклоняющиеся от рыночного уровня, что особенно ценно при инвестиционном выборе. Построение достоверной локальной модели требует накопления репрезентативной выборки за продолжительный период, что составляет задачу дальнейшего исследования.

Таким образом, методы машинного обучения образуют эффективный инструментарий оценки и прогнозирования стоимости жилой недвижимости. На данных рынка Орла наилучшее соотношение точности и интерпретируемости применительно к табличным данным обеспечил градиентный бустинг, тогда как линейная регрессия сохраняет значение интерпретируемого эталона, а нейросетевые модели требуют значительного объёма данных. Решающее влияние на достоверность оценки оказывают качество и актуальность исходных данных, а при прогнозировании ценовой динамики — корректность гипотезы о темпах роста. Перспективы дальнейших исследований связаны с привлечением реальных данных о сделках, учётом пространственных факторов и интеграцией моделей оценки в доступные пользователю цифровые сервисы.

Литература:

1. Wang D., Li V.J. Mass appraisal models of real estate in the 21st century: a systematic literature review // Sustainability. — 2019. — Vol. 11, № 24. — Art. 7006. — DOI: 10.3390/su11247006.
2. Iban M.C. An explainable model for the mass appraisal of residences: the application of tree-based machine learning algorithms and interpretation of value determinants // Habitat International. — 2022. — Vol. 128. — Art. 102660. — DOI: 10.1016/j.habitatint.2022.102660.
3. Галишникова В.В., Бочаров М.Е. Информационные модели объектов строительства в течение их жизненного цикла // Недвижимость: экономика, управление. — 2024. — № 2. — С. 65–72. — DOI: 10.22337/2073-8412-2024-2-65-72.
4. Hjort A., Pensar J., Scheel I., Sommervoll D.E. House price prediction with gradient boosted trees under different loss functions // Journal of Property Research. — 2022. — Vol. 39, № 4. — P. 338–364. — DOI: 10.1080/09599916.2022.2070525.
5. Обзор рынка жилой недвижимости Российской Федерации: итоги 2024 года и прогноз на 2025–2026 годы / Аналитический центр ДОМ.РФ. — Москва, 2025. — 64 с.
6. Ho W.K.O., Tang B.-S., Wong S.W. Predicting property prices with machine learning algorithms // Journal of Property Research. — 2021. — Vol. 38, № 1. — P. 48–70. — DOI: 10.1080/09599916.2020.1832558.
7. Hastie T., Tibshirani R., Friedman J. The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction. — 2nd ed. — New York: Springer, 2017. — 745 p.
8. Géron A. Hands-On Machine Learning with Scikit-Learn, Keras, and TensorFlow. — 3rd ed. — Sebastopol: O'Reilly Media, 2022. — 861 p.

9. Николенко С., Кадури́н А., Архангельская Е. Глубокое обучение. Погружение в мир нейронных сетей. — Санкт-Петербург: Питер, 2018. — 480 с.
10. Питель Т.С., Шевцова А.В., Юрченко Н.А. Цифровое проектирование и строительство: BIM-технологии // Материалы X Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: О.Е. Сысоев (отв. ред.) [и др.]. — Комсомольск-на-Амуре, 2023.
11. Питель Т.С., Топорова С.Ю. Информационное моделирование в строительной отрасли // Наука без границ и языковых барьеров: материалы всероссийской научно-практической конференции. — Орёл, 2022.

Бегун П.Д.

студент

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

Старостин В.С.

кандидат экономических наук, доцент,

заведующий кафедрой рекламы и связи с общественностью

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

Begun P.D.

Student

State University of Management

Starostin V.S.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Advertising and Public Relations

State University of management

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ В РЕКЛАМНЫХ ВИДЕОРОЛИКАХ НА ВОСПРИЯТИЕ БРЕНДА И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ

Аннотация. В статье рассматривается влияние музыкального сопровождения рекламных OLV и ТВ роликов на восприятие бренда и поведенческих реакций аудитории. На основе эмпирического исследования рекламных роликов российских брендов Сбер, Яндекс и ВКонтакте анализируется роль музыки в формировании эмоционального отклика, внимания, когнитивного восприятия и намерений аудитории. Реальные результаты показывают, что высокий эмоциональный эффект музыкального сопровождения не всегда приводит к усилению поведенческих реакций, что указывает на необходимость сбалансированного использования музыки в видеорекламе.

Ключевые слова: музыкальное сопровождение, видеореклама, восприятие бренда, эмоциональное воздействие.

THE INFLUENCE OF MUSICAL ACCOMPANIMENT IN ADVERTISING VIDEOS ON BRAND PERCEPTION AND BEHAVIORAL REACTIONS

Abstract. The article examines the influence of musical accompaniment of OLV and TV commercials on brand perception and audience behavioral reactions. Based on an empirical study of commercials of Russian brands Sber, Yandex and VKontakte, the role of music in shaping the emotional response, attention, cognitive perception and intentions of the audience is analyzed. The actual results show that the high emotional effect of musical accompaniment does not always lead to increased behavioral reactions, which indicates the need for a balanced use of music in video advertising.

Keywords: musical accompaniment, video advertising, brand perception, emotional impact.

Введение

Современная рекламная среда характеризуется высокой степенью конкуренции за внимание аудитории, что обусловлено ростом объема медиаконтента и снижением порога восприятия рекламных сообщений. В условиях перенасыщения визуальной информации особую роль приобретают аудиовизуальные элементы рекламы, способные усиливать эмоциональное воздействие, повышать

запоминаемость бренда и формировать устойчивое отношение аудитории. Одним из таких элементов является музыкальное сопровождение рекламных видеороликов, которое всё чаще используется брендами как инструмент эмоционального и смыслового воздействия. Музыкальное сопровождение в рекламе выполняет не только фоновую функцию, но и становится значимым компонентом коммуникационного сообщения, влияющие на эмоциональные реакции, когнитивное восприятие и поведенческие намерения аудитории. Несмотря на активное использование музыки в рекламных видеороликах, ее роль в формировании восприятия бренда зачастую оценивается интуитивно и не всегда подкрепляется результатами эмпирических исследований. Это определяет необходимость научного анализа и практической оценки влияния музыкального сопровождения на восприятие рекламного контента.

Целью статьи является анализ роли музыкального сопровождения в формировании восприятия бренда и поведенческих реакций на примере рекламных видеороликов российских брендов. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- Определить уровень эмоционального воздействия музыкального сопровождения рекламных роликов;
- Оценить влияние музыки на внимание вовлеченность аудитории;
- Проанализировать роль музыкального сопровождения в когнитивном восприятии рекламного сообщения;
- Выявить влияние музыки на формирование отношения к бренду и поведенческие намерения аудитории.

Эмпирической базой исследования послужили результаты онлайн опроса респондентов после просмотра трех рекламных роликов брендов «Сбер», «Яндекс» и «ВКонтакте». Полученные данные были обработаны с использованием суммарных индексов по выделенным аналитическим переменным, что позволило сопоставить эмпирические результаты с выдвинутыми рабочими гипотезами.

Теоретические основы влияния музыкального сопровождения в рекламе

Музыкальное сопровождение является значимым элементов рекламной коммуникации и рассматривается в научных исследованиях как фактор, усиливающий эмоциональное, когнитивное и поведенческое воздействие рекламных сообщений. В рамках концепции аудиобрендинга музыка выполняет функцию формирования устойчивых ассоциаций с брендом и способствует повышению эффективности воздействия [1;7]. С позиции теории эмоционального воздействия, реклама с музыкальным сопровождением способна вызвать отклик аудитории, который в дальнейшем переносится на бренд. Исследование Г. Горна показало, что музыка в рекламе может влиять на выбор потребителя за счет механизма ассоциативного обуславливания [2]. В рамках теории внимания и вовлеченности, музыка рассматривается как средство привлечения внимания аудитории. Музыкальное сопровождение помогает структурировать рекламный контент, задает темп восприятия и повышает вероятность досмотра ролика до конца [4]. Экспериментальные исследования показывают, что реклама с музыкальным сопровождением лучше удерживает внимание, по сравнению с немой или слабо озвученной рекламой [6].

В контексте формирования отношения к бренду, музыка рассматривается, как имиджевый инструмент, способный усилить доверие и формировать более позитивное восприятие бренда [8]. Вместе с тем, влияние музыки на поведенческие намерения аудитории носит неоднозначный характер: эмоциональный отклик не всегда напрямую трансформируется в готовность к дальнейшему взаимодействию, что подчеркивает необходимость эмпирической проверки данного эффекта [6;11].

Материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование было проведено в рамках оценки влияния музыкального сопровождения на восприятие бренда и поведенческие реакции аудитории. В качестве методологической

основы использовался количественный метод сбора данных – онлайн опрос, что соответствует цели выявления обобщенных закономерностей восприятия рекламного контента.

Дизайн исследования

Исследование носило описательно-аналитический характер. Респондентам последовательно демонстрировались три рекламных ролика Сбера, Яндекс и ВК. После просмотра каждого ролика участники отвечали на идентичный набор вопросов, направленных на оценку роли музыкального сопровождения. Такой дизайн позволил обеспечить сравнительный анализ восприятия музыкального сопровождения в разных контекстах при сохранении единых условий измерения.

Выборка исследования

Объем выборки составил 39 респондентов, отбор осуществлялся методом доступной выборки, что обусловлено ограниченностью ресурсов и исследовательским характером работы. Выборка включала представителей активной аудитории, сталкивающихся в видеорекламой в интернете и на ТВ.

Инструментарий исследования

В качестве инструмента сбора данных был разработан опросный лист, основанный на концептуальной модели исследования. Базовой переменной стала – роль музыкального сопровождения в формировании восприятия бренда через рекламные видеоролики. Для операционализации были выведены пять аналитических блоков:

- X1 – эмоциональное воздействие музыки;
- X2 – внимание и вовлеченность;
- X3 – когнитивное восприятие рекламного сообщения;
- X4 – формирование отношения к бренду;
- X5 – поведенческие намерения аудитории.

Каждый блок включал по три индикаторных вопроса. Для измерения использовались порядковые шкалы с различной балльной градацией, что позволило учитывать специфику измеряемых характеристик.

Рабочие гипотезы

Гипотеза 1: музыкальное сопровождение рекламного видеоролика оказывает среднее/среднее/среднее эмоциональное воздействие на аудиторию.

Гипотеза 2: музыкальное сопровождение рекламного видеоролика в средней/средней/средней степени привлекает и удерживает внимание аудитории.

Гипотеза 3: музыкальное сопровождение рекламного видеоролика в средней/средней/средней степени способствует пониманию сообщения и запоминаемости бренда.

Гипотеза 4: музыкальное сопровождение рекламного видеоролика формирует нейтральное/положительное/негативное отношение к бренду.

Гипотеза 5: музыкальное сопровождение рекламного видеоролика оказывает среднее/среднее/низкое влияние на поведенческие намерения аудитории.

Метод анализа данных

Анализ результатов осуществлялся методом расчета суммарных индексов по каждой переменной. Полученные значения пересчитывались в проценты от максимального возможного уровня, после чего интерпретировались в рамках трех уровней континуума: низкий, средний, высокий. Сопоставление эмпирических уровней с рабочими гипотезами позволило определить степень их подтверждения или опровержения для каждого ролика.

Результаты исследования

В ходе эмпирического исследования была проведена оценка влияния музыкального сопровождения трех рекламных роликов – Сбер, Яндекс и ВК по пяти аналитическим переменным:

эмоциональное воздействие, внимание и вовлечённость, когнитивное восприятие, формирование отношения к бренду и поведенческие намерения аудитории.

Общая оценка роликов

Сравнительный анализ суммарных показателей показал, что наибольшие совокупные значения получили ролики Сбер - 1396 баллов и Яндекс - 1381 балл, то время как ролик ВКонтакте набрал 1022 балла. Однако, при проверке гипотез ключевым оказалось не абсолютное значение индексов, а соответствие заявленным уровням воздействия. Критерии оценивания уровней: низкий – до 33%; средний – 34-66%; высокий – 67-100%.

Таблица 1. Проверка рабочих гипотез по результатам эмпирического исследования

Переменная	Сбер	Яндекс	ВК
X1 - Эмоции	72,5% - Н	73% - Н	51,1% - П
X2 - Внимание	68,1% - Н	69,2% - Н	51,8% - П
X3 – Понимание	70,3% - Н	71,2% - Н	57,5% - П
X4 – Отношение	49,5% - П	46,9% - Н	29,3% - П
X5 - Поведение	49,8% - П	42,1% - П	33,3% - П

П – Подтвердилась; Н – Не подтвердилась.

Анализ совокупный данных показывает, что рекламный ролик ВК оказался наиболее согласованным с заявленными рабочими гипотезами по всем пяти переменным. Для роликов Сбер и Яндекс выявлены систематические превышения ожидаемых уровней по эмоциональным, внимательным и когнитивным показателям, что привело к формальному неподтверждению соответствующих гипотез при сохранении соответствия по поведенческим эффектам.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что музыкальное сопровождение в ряде случаев оказывает более сильное воздействие на аудиторию, чем изначально предполагалось в исследовательской модели.

Заключение

В рамках исследования было проанализировано влияние музыкального сопровождение на восприятие рекламных роликов. На основе разработанной концептуальной модели и проведенного онлайн опроса среди 39 респондентов установлено, что музыка оказывает значимое воздействие на эмоциональное восприятие, внимание, понимание рекламного сообщения и формирование отношения к бренду. Полученные данные подтверждают значимость музыкального компонента как самостоятельного инструмента рекламной коммуникации и могут быть использованы при разработке OLV креативов и стратегий аудиобрендинга.

Литература:

1. GoodHook. Аудиобрендинг: примеры, стратегии, кейсы [Электронный ресурс]. URL: <https://goodhook.ru/audiobrending-zakazat-kejsyi-primeryi-strategii>
2. Gorn, G. J. (1982). The Effects of Music in Advertising on Choice Behavior: A Classical Conditioning Approach. Journal of Marketing SAGE [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/002224298204600109>
3. Jiménez-Marín G., Bellido-Pérez E., Ruda C. Approaching the effectiveness of music in advertising: audio branding and brand recall. Comunicación y Hombre, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://comunicacionyhombre.com/en/article/approaching-to-the-effectiveness-of-music-in-advertising-audio-branding-and-brand-recall/>
4. SonicScout PRO Аудиореклама в 2025 году: кейсы и выводы [Электронный ресурс]. URL: <https://sonicpro.ru/tpost/dth1ccx8j1-audioreklama-v-2025-godu-keisi-i-vivodi>

5. van der Star L. The effect of background music on advertising memory. Tilburg University Repository, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://arno.uvt.nl/show.cgi?fid=158993>
6. Vermeulen, I., Beukeboom, C. (2016). Effects of Music in Advertising: Three Experiments Taylor & Francis [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00913367.2015.1088809>
7. Wong, A. C. (2018). Sound Branding: The role of music in consumer perceptions, behaviours PhD thesis White Rose eTheses, PDF [Электронный ресурс]. URL: <https://etheses.whiterose.ac.uk/id/eprint/22404/1/Wong%202018%20-%20Sound%20Branding%20-%20FINAL%20DEC%202018.pdf>
8. Голованова Е.А. «Особенности визуального ряда музыкальной рекламы и его воздействие на потребителя» - CyberLeninka [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vizualnogo-ryada-muzykalnoy-reklamy-i-ego-vozdeystvie-na-potrebitelya>
9. Ефремова О.К. «К вопросу о роли музыки в рекламных сообщениях» - CyberLeninka [Электронный ресурс]. URL: cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-rol-i-muzyki-v-reklamnyh-soobscheniyah
10. Керзина Е.А., Покатилова Е.Н. «Воздействие музыки на поведение потребителей» - CyberLeninka [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-muzyki-na-povedenie-potrebitel-ey>
11. Шляхова С.С., Ярмухаметов Н.В. «Аудиобрендинг в мультимодальной рекламе маркетплейсов: практика vs нейросети» - CyberLeninka [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/audiobrending-v-multimodalnoy-reklame-marketpleysov-praktika-vs-neyroseti>

Чернобай А.А.

студент юридического факультета
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Шевчук И.В.

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Chernobay A.A.

Student Faculty of Law
Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

Shevchuk I.V.

Candidate of Law, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, and Forensic Science
Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

ПРОБЛЕМА «РАЗУМНОГО СРОКА» ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства при производстве дознания в сокращенной форме. Актуальность темы обусловлена противоречием между законодательно установленными сжатыми сроками сокращенного дознания (до 15 суток) и практической невозможностью их соблюдения без ущемления прав участников процесса или снижения качества расследования. Особое внимание уделяется последствиям нарушений разумных сроков для подозреваемого, потерпевшего и самой процедуры сокращенного дознания.

Ключевые слова: уголовный процесс; дознание в сокращенной форме; разумный срок уголовного судопроизводства; процессуальные сроки; сокращенное дознание; досудебное производство; оптимизация расследования; права участников процесса.

THE PROBLEM OF «REASONABLE TIME» IN CONDUCTING AN INVESTIGATION IN A BREVENT FORM

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of implementing the principle of a reasonable time for criminal proceedings during a shortened inquiry. The relevance of the topic is due to the contradiction between the legislatively established tight deadlines for a shortened inquiry (up to 15 days) and the practical impossibility of meeting them without infringing on the rights of participants in the process or reducing the quality of the investigation. Special attention is paid to the consequences of violations of reasonable time limits for the suspect, the victim, and the shortened inquiry procedure itself.

Keywords: criminal procedure; shortened inquiry (abbreviated pre-trial investigation); reasonable time of criminal proceedings; procedural deadlines; pre-trial proceedings; optimization of investigation; rights of participants in criminal proceedings.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации предварительное расследование по уголовным делам может осуществляться в форме предварительного следствия либо в форме дознания. Для дознания предусмотрен как общий порядок, так и сокращенная форма. Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации введено дознание в сокращенной форме. Если все требуемые условия соблюдены, до начала первого допроса дознаватель разъясняет подозреваемому право ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме, а также порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме. [1; 2]

Институт дознания в сокращенной форме был введен с целью оптимизации уголовного судопроизводства, снижения процессуальных издержек и ускорения расследования по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, где обвиняемый признает свою вину и не оспаривает правовую оценку деяния. Однако практическая реализация данной формы расследования выявила ряд системных противоречий. Одним из ключевых является проблема соблюдения «разумного срока» — межотраслевого принципа, закрепленного в ст. 6.1 УПК РФ и находящегося в прямой корреляции с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод. [1] В практическом понимании разумный срок — это такой период времени, в течение которого уголовное дело расследуется, рассматривается и разрешается без необоснованных задержек. Речь идет не только о формальном соблюдении процессуальных сроков, но и о том, чтобы все действия по делу совершались последовательно, логично и без искусственного затягивания. Парадокс заключается в том, что сокращенная форма дознания, задуманная как инструмент ускорения, сама порождает предпосылки для нарушения разумных сроков либо вследствие формального подхода к исчислению, либо из-за сложностей перехода от одной формы расследования к другой.

В соответствии со ст. 226.6 УПК РФ, дознание в сокращенной форме должно быть окончено в срок, не превышающий 15 суток со дня вынесения постановления о его производстве. В исключительных случаях, связанных с необходимостью производства дополнительных следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных ч. 3 ст. 226.6 УПК РФ, данный срок может быть продлен прокурором до 20 суток. На первый взгляд, предельная продолжительность выглядит более чем скромной по сравнению с общим сроком дознания [1]. Однако именно жесткость этих сроков создает коллизию с принципом разумности. Европейский суд по правам человека и Конституционный Суд РФ неоднократно указывали, что разумность срока оценивается не только по его формальной продолжительности, но и по поведению сторон, сложности дела и значимости последствий для заявителя. Сокращенный срок в 15–20 суток часто оказывается недостаточным для выполнения требований полноты, всесторонности и объективности расследования, даже при упрощенном доказывании. Как справедливо отмечает Е. В. Калинина, «сжатый срок превращается в фактор, провоцирующий нарушения, поскольку дознаватель вынужден либо игнорировать полноту исследования доказательств, либо выходить за пределы установленного законом периода». Если дознаватель выбирает второй путь и выносит постановление о возвращении к обычной форме дознания, время, затраченное на первоначальную сокращенную процедуру, не аннулируется, а поглощается общим сроком дознания, который в обычной форме составляет уже 30 суток. Это приводит к «эффекту сжатого остатка», когда на завершение расследования в общем порядке остается фактически 10–15 суток, что заведомо недостаточно и влечет нарушение разумных сроков уже на этапе судебного контроля [3; с. 179].

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить три группы проблем, приводящих к необоснованному затягиванию либо к формальному соблюдению сроков в ущерб качеству:

1. Необоснованное возбуждение уголовного дела в сокращенной форме: Дознаватель часто вынужден принимать решение о производстве дознания в сокращенной форме на начальном этапе, когда

полная картина преступления еще не установлена. Впоследствии, в пределах установленного 15-дневного срока, может выясниться, что:

- имеются обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме (ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ);

- необходимо провести сложные экспертизы, результаты которых невозможно получить в установленный срок.

В такой ситуации дознаватель вынужден выносить постановление о возвращении к обычной форме дознания. Однако время, затраченное на первоначальный этап, входит в общий срок дознания, который при обычной форме составляет уже 30 суток. Это приводит к эффекту «сжатия» общего срока, из-за чего совокупный период расследования зачастую превышает изначально отведенное законом время, что расценивается судами как нарушение разумных сроков. [4; с. 59]

2. Проблема исчисления сроков при удовлетворении ходатайств: Ст. 226.3 УПК РФ устанавливает, что при поступлении ходатайств от участников процесса сроки производства не приостанавливаются. Дознаватель обязан рассмотреть ходатайство в течение 24 часов. Однако если ходатайство удовлетворяется, например, о производстве дополнительной экспертизы или о вызове свидетеля, физически выполнить эти действия в рамках оставшегося срока, а именно 2–3 дня, невозможно. Формально срок не нарушен, но фактически полнота расследования приносится в жертву соблюдению процессуальной цифры. В результате суды нередко возвращают уголовные дела прокурору для пересоставления обвинительного постановления из-за неполноты проведенного расследования, что в конечном итоге увеличивает общую продолжительность уголовного судопроизводства.

3. Проблема продления сроков: Механизм продления срока дознания в сокращенной форме до 20 суток носит исключительный характер. Прокуроры зачастую отказывают в продлении, если не усматривают обстоятельств, перечисленных в ч. 3 ст. 226.6 УПК РФ. Это порождает ситуацию, когда дознаватель, не уложившись в срок, вынужден прекращать уголовное дело либо переходить к обычной форме дознания, что влечет за собой дополнительные временные издержки, негативно влияющие на оценку разумности срока в целом [1].

Принцип разумного срока не тождественен принципу минимального срока. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ в Определении от 23.04.2015 № 826-О, сокращенная форма дознания не должна умалять право подозреваемого (обвиняемого) на защиту [5]. Между тем, стремительный характер производства оставляет защитнику минимальное время для ознакомления с материалами дела, сбора доказательств защиты и консультирования доверителя. Судебная статистика свидетельствует, что в 30–40% уголовных дел, поступивших в суд в порядке гл. 32.1 УПК РФ, подсудимые либо их защитники заявляют ходатайства о признании доказательств недопустимыми, ссылаясь на то, что из-за сжатости сроков дознаватель не обеспечил им реальную возможность осуществления процессуальных прав. Более того, сам механизм оценки разумности срока, закрепленный в ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ, требует учитывать общую продолжительность судопроизводства с момента начала досудебного производства до момента прекращения производства или вынесения приговора. В судебной практике распространены случаи, когда прокурор отказывает в продлении срока, ссылаясь на ч. 3 ст. 226.6 УПК РФ, если дознаватель не проявил «должной предусмотрительности» на этапе планирования. В результате уголовное дело либо прекращается по формальным основаниям, что противоречит принципу неотвратимости наказания, либо переводится в общий порядок, что автоматически ведет к затягиванию процесса. При этом сама процедура перехода требует вынесения мотивированного постановления и согласования, что занимает дополнительные 2–3 суток, которые также не включаются в расчет разумного срока, но объективно увеличивают общую продолжительность уголовного преследования [1].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что существующая модель регулирования сроков при дознании в сокращенной форме требует корректировки. Основной проблемой является формальный подход к установлению предельных сроков без учета реальной сложности дела и объема процессуальных действий. В целях обеспечения баланса между оперативностью и соблюдением права на судопроизводство в разумный срок представляется целесообразным:

1. Дифференцировать сроки в зависимости от категории преступления. Для преступлений небольшой тяжести оставить срок 15 суток с возможностью продления до 20. Для преступлений средней тяжести предусмотреть возможность продления прокурором срока до 1 месяца (30 суток) при наличии объективных препятствий, не требующих перехода к общей форме дознания.

2. Внести изменения в ст. 226.4 УПК РФ, установив правило, согласно которому срок, затраченный на производство дознания в сокращенной форме до принятия решения о возврате к обычной форме, не засчитывается в общий срок дознания, либо предусмотреть возможность его частичного зачета с учетом оценки добросовестности дознавателя [1]. Это позволит избежать ситуации, когда переход к обычной форме изначально ставит расследование в условия заведомой невозможности уложиться в срок.

3. Уточнить основания продления срока, предусмотрев возможность продления до 20 суток не только для производства конкретных следственных действий, но и для рассмотрения ходатайств, результаты которых объективно требуют временных затрат (например, проведение судебных экспертиз в государственных учреждениях).

4. Внедрить специализированный судебный контроль за разумностью срока на этапе досудебного производства по делам данной категории. В настоящее время суд оценивает соблюдение сроков лишь при рассмотрении дела по существу. Целесообразно предоставить участникам процесса право подачи жалобы на длительность расследования в порядке ст. 125 УПК РФ с учетом специфики сокращенной формы. [1]

Реализация указанных предложений позволит снизить количество случаев необоснованного перехода от сокращенной формы к обычной, обеспечит соблюдение конституционного принципа разумного срока и повысит эффективность данного института как инструмента ускорения уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: (ред. от ...) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. — 2013. — № 52.

3. Калинина, Е. В. Принцип разумного срока уголовного судопроизводства: проблемы теории и практики / Е. В. Калинина // Закон и право. — 2025. — №11. — С. 175-180.

4. Шайдуллина, Э. Д. Дознание в сокращенной форме и разумность сроков уголовного судопроизводства / Э. Д. Шайдуллина // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2017. — № 1(27). — С. 58–63.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2015 № 826-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Д. на нарушение его конституционных прав статьей 226.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Литвиненко К.Ю.

студент

Восточно-Сибирский филиал

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»

Litvinenko K.Yu.

Student

East Siberian branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА И ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В России еще со времен судебной реформы 1864 г. зародилась смешанная модель судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей, она воплотила в себе некоторые черты как, англо-американской, так и континентальной моделей судебного следствия. Такая форма судебного следствия действует в России и сегодня. Но вопрос об ее эффективности на данном этапе развития суда присяжных в том виде, в котором она существует на сегодняшний день, остается открытым и требует дополнительного исследования.

Ключевые слова: суд, суд присяжных, судебное следствие, присяжные заседатели, правосудие.

FEATURES OF THE SUBJECT AND SCOPE OF JUDICIAL INVESTIGATION IN A COURT WITH PARTICIPATION OF JURORS IN RUSSIA CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. Since the judicial reform of 1864, Russia has had a mixed model of trial proceedings in a jury trial, which combines elements of both the Anglo-American and continental models of trial proceedings. This form of trial proceedings is still in use in Russia today. However, the effectiveness of this model at the current stage of jury trial development remains an open question and requires further research.

Keywords: court, jury trial, judicial investigation, jurors, justice.

Судебное следствие в уголовном судопроизводстве при участии коллегии присяжных заседателей подразделяется на две части – с участием присяжных заседателей и без их участия, после вынесения ими вердикта. Институт суда присяжных считается комплексным правовым институтом народовластия, регламентирующего общественные отношения, возникающие в связи с особым порядком производства.

Особенность такой формы заключается в том, что в рассмотрении уголовного дела и дальнейшем принятии по нему решения, участвуют профессиональный судья, определяющий квалификацию содеянного, назначение виновному соответствующего наказания, а также непрофессиональные судьи – коллегия присяжных заседателей, возглавляемая старшиной присяжных, разрешающая вопросы: было ли совершено преступление, совершил ли его подсудимый, является ли подсудимый виновным в совершении преступления, а также, если подсудимый признан виновным, заслуживает ли он снисхождения [1; С.18].

Строгович М.С. определяет судебное следствие, путем перечисления судебных действий, которые осуществляются в рамках судебного заседания. «Судебное следствие – исследование судом и сторонами фактических обстоятельств дела по существу, проверка доказательств, т.е. допросы подсудимого, потерпевшего и свидетелей, заслушивание экспертов, проверка вещественных доказательств и

документов». Такое определение более детально характеризует процесс судебного следствия и отражает его сущность.

Существует множество вариантов классификации особенностей судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей. Так, одни авторы выделяют три группы особенностей: организационные, процессуальные и психологические. Тем самым акцентируя внимание не только на процессуальной стороне судебного следствия, но и на психологических особенностях участников судебного разбирательства в суде присяжных.

Некоторые авторы предлагают такую классификацию особенностей судебного следствия с участием присяжных заседателей: разграничение обстоятельств предмета судебного следствия на две части; возможность исключения из предмета судебного следствия определенных доказательств, возможность изменения предмета судебного следствия в зависимости от позиции сторон.

Таким образом, учитывая данные определения судебного следствия, можно сформулировать следующее понятие судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей: Судебное следствие в суде с участием присяжных заседателей – это основная стадия судебного разбирательства в суде с участием присяжных заседателей, которая следует за подготовительным этапом судебного разбирательства и предшествует прениям сторон, имеет двухзвенную структуру в зависимости от участия присяжных заседателей в процессе судебного следствия, заключается в исследовании доказательств судом и присяжными заседателями с участием сторон в пределах необходимых для разрешения присяжными заседателями, поставленных перед ними вопросов с целью вынесения ими вердикта, положенного в основу законного, обоснованного и справедливого приговора суда.

Под предметом доказывания в науке уголовно-процессуального права принято подразумевать круг обстоятельств, которые необходимо установить по уголовному делу с целью его правильного разрешения и вынесения справедливого решения суда [2; С.178].

Общий предмет доказывания закреплен законодателем в ст. 73 УПК РФ. В отличие от него предмет судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей трактуется более узко. Такая особенность обусловлена:

- двухступенчатым построением порядка судебного следствия в суде присяжных: первый этап представляет собой исследование представленных доказательств с участием присяжных заседателей, а второй этап заключается в обсуждении последствий вынесенного вердикта без непосредственного их участия;

- четким распределением полномочий между «народными судьями» и судьей-профессионалом.

Таким образом, конкретный перечень обстоятельств, которые составляют предмет судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей, не определен в УПК РФ, но в науке уголовно-процессуального права предпринимались попытки сформулировать понятие предмета судебного следствия с участием присяжных заседателей. Так, Кемпф Н.Г. определил предмет судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей как «подлежащие доказыванию в условиях особой организации и компетенции непрофессиональной коллегии судей и особых принципов ее взаимодействия с «коронным» судьей, а также с учетом характера принимаемых ею решений, событие преступления и вина лица, его совершившего» [3; С.54].

Предмет судебного следствия с участием присяжных заседателей – подлежащие установлению в определенных условиях организации и взаимодействия профессионального судьи с коллегией присяжных заседателей событие преступления, виновность подсудимого в его совершении, а также в случае необходимости определения отдельных признаков состава преступления, данные о личности подсудимого. К особенностям предмета судебного следствия с участием присяжных заседателей относятся: специфический порядок обсуждения правовых вопросов без непосредственного участия

присяжных заседателей; особая форма исследования данных о личности подсудимого, потерпевших и свидетелей; особые требования к исследованию определенных видов доказательств. Этот порядок относится к обсуждению вопросов касающихся допустимости доказательств, а также других вопросов, решение которые требует наличие специальных правовых знаний и определенных практических навыков в юридической сфере. Вопросы, связанные с признанием доказательств недопустимыми, могут обсуждаться как на предварительном слушании, так и в рамках судебного заседания, при этом инициатором обсуждения таких вопросов могут выступать как суд, так и стороны. В случае возникновения необходимости заявления ходатайства о признании доказательства недопустимым, стороны должны обратиться к председательствующему с заявлением о наличии у них вопроса процессуального характера, не раскрывая его содержания. Данные требования введены законодателем с целью предотвращения формирования негативного отношения у присяжных заседателей к деятельности суда и органов предварительного расследования. Если посмотреть на ситуацию обсуждения недопустимых доказательств в отсутствие присяжных заседателей, то в их глазах это будет расцениваться как проявление акта недоверия к ним со стороны суда и сторон. Следует отметить, что для решения данной проблемы опрометчивым шагом будет предоставление права неограниченного участия в обсуждении вопросов о недопустимости доказательств присяжным заседателям. В данном случае российское уголовно-процессуальное законодательство не может пойти по пути континентальной модели судебного следствия с участием присяжных заседателей и наделить присяжных заседателей полномочием участвовать в принятии решения о признании доказательства недопустимым.

В этом контексте следует рассмотреть две ситуации:

Подсудимый был допрошен в отсутствие защитника в ходе предварительного расследования, в связи, с чем его показания были признаны недопустимым доказательством. В процессе обсуждения вопроса о признании данного доказательства недопустимым, прокурор довел до сведения присяжных заседателей сведения о том, что в показаниях подсудимого содержится признание им вины в совершении преступления и описание мотива и способа его совершения. В такой ситуации у присяжных заседателей автоматически возникнет предубеждение в отношении подсудимого, и они в дальнейшем не смогут вынести обоснованный вердикт, а указание председательствующего о том, что они не должны принимать во внимание при вынесении вердикта замечания стороны обвинения, не сможет оказать должного эффекта и снизить отрицательное влияние замечания прокурора на убеждение присяжных заседателей.

В ходе судебного заседания защитник заявил ходатайство о признании протокола допроса подсудимого на стадии предварительного расследования недопустимым доказательством, на основании того, что к подсудимому применялись незаконные методы воздействия со стороны правоохранительных органов. Суд, исследуя доказательства по уголовному делу, не находит нарушений УПК РФ, вследствие чего признает такой протокол допроса допустимым доказательством. Но учитывая тот факт, что среди российских граждан сложилась устойчивая позиция недоверия к правоохранительным органам, такое заявление стороны защиты, несомненно, будет служить основанием для возникновения предубеждения у присяжных заседателей по отношению к подсудимому. В такой ситуации разъяснения председательствующего присяжным заседателям о том, что они не должны принимать во внимание при вынесении вердикта замечания стороны защиты, также не смогут оказать нейтрализующее воздействие на убеждение присяжных заседателей. В судебной практике и юридической доктрине были предложены следующие варианты решения проблемы исследования вопросов о признании доказательств недопустимыми в суде присяжных. Как альтернатива удалению присяжных заседателей из зала судебного заседания, Верховным Судом Российской Федерации была предложена такая форма обсуждения правовых вопросов как «совещание у судейского стола». При этом, ВС РФ для того, чтобы не нарушить состязательные начала уголовного судопроизводства ввел запрет на участие в «совещании

у судейского стола» потерпевшего и подсудимого [4]. По нашему мнению, такая процедура в полной мере не предотвращает угрозу возникновения у присяжных заседателей сомнений в добропорядочности председательствующего, прокурора и защитника, поскольку их «перешептывание» в присутствии присяжных заседателей вряд ли можно назвать уместным, оно не только не способно рассеять подозрительность присяжных заседателей, но и усугубить ее. Кроме, того сам процесс обсуждения вопроса о недопустимости доказательств может занять много времени, в случае необходимости получения объяснений от подсудимого или свидетелей. В связи с этим, обсуждение вопросов, связанных с признанием доказательств недопустимыми у стола председательствующего представляется нам некорректным и не применимым в рамках судебного заседания. Следует отметить, что ВС РФ не признает обязательным удаление присяжных заседателей из зала судебного заседания, достаточно лишь обеспечить условия, при которых они не смогут узнать какой вопрос в данном случае обсуждается.

Пределы судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей так же, как и предмет, определены, исходя из разграничения полномочий профессиональных и «народных судей» и тесно связаны с предметом судебного следствия. Понятие пределов судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей также не сформулировано в юридической доктрине. Учитывая понятие пределов судебного следствия в общем смысле, можно пределы судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей определить следующим образом: Пределы судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей – это установленные уголовно-процессуальным законом рамки, определяющие объем исследования доказательств необходимый для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела, с учетом компетенции, предоставленной присяжным заседателям. Постановление Пленума ВС РФ № 23 ограничил пределы судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей рамкам предъявленного подсудимому объема обвинения. Исходя из положений, изложенных ранее, пределы судебного следствия способны изменяться. Так они могут быть сокращены, если речь идет об обсуждении вопросов права, данных о личности подсудимого, потерпевшего и свидетеля, которые могут оказать негативный эффект на убеждения присяжных заседателей, процессуальные решения, которые не разрешатся исследовать в присутствии присяжных заседателей, сведения о вменяемости и другие виды доказательств. Также пределы судебного следствия могут быть расширены в случае, когда данные о личности подсудимого, потерпевшего или свидетеля имеют значение для квалификации преступления и играют определенную роль в процессе доказывания и выполнения своих полномочий присяжными заседателями. Как было описано, ранее судебная практика идет по пути расширения пределов исследования данных о личности подсудимого и отдает решение данного вопрос на усмотрение председательствующего.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: в ходе исследования данного вопроса было установлено, что, в юридической доктрине, уголовно-процессуальном законе и судебной практике отсутствует понятие судебного следствия с участием присяжных заседателей, его предмета и пределов. В связи с этим нами были предложены определения данных терминов, которые были приведены ранее. В данном параграфе были подробно проанализированы сведения, которые не могут быть предметом судебного следствия с участием присяжных заседателей и связанные с ними проблемы. В связи с этим, были предложены следующие изменения в уголовно-процессуальный закон: в ст. 335 УПК РФ, в которой уточнить, что «в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те обстоятельства, связанные с гражданским иском, доказанность которых устанавливает виновность лица в совершении преступления», в этой же статье изложить, что «если в ходе судебного следствия с участием присяжных заседателей стороной обвинения было заявлено ходатайство об оглашении данных, указанные в ч.8, подсудимый и его защитник не возражают против их оглашения, то они доводятся до

сведения присяжных заседателей в той мере, в которой это необходимо для выполнения ими полномочий, предусмотренных в ст. 334 УПК РФ. Сторона защиты может также огласить сведения, характеризующие личность потерпевшего, в той мере, в которой это необходимо для выполнения присяжными заседателями полномочий, предусмотренных в ст. 334 УПК РФ, и представить доказательства, опровергающие данные, изложенные стороной обвинения. После чего сторона обвинения может представить доказательства, опровергающие доводы стороны защиты». В ходе исследования вопроса, связанного данными о личности подсудимого, потерпевшего и свидетелей было предложено, распространить подход законодателя, предусмотренный в ч. 8 ст. 335 УПК РФ на всех участников судебного разбирательства, исходя из обстоятельств совершенного преступления. Данные предложения были выдвинуты с учетом анализа судебной практики и юридической доктрины, а также с учетом анализа признаков континентальной и англо-американской моделей судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей⁸⁸ Также исследование вопроса о личности подсудимого, побудило представить собственную классификацию данных о личности подсудимого, которая была описана ранее. В ходе исследования предмета и пределов судебного следствия с участием присяжных заседателей был получен ответ на вопрос, что следует считать иными данными, способными вызвать предубеждение у присяжных заседателей и что, следует понимать под предубеждением, указанном в ч. 8 ст. 335 УПК РФ.

В связи с этим полагаем, что предложенные понятия и изменения в уголовно процессуальный закон сделают более доступным изучение вопроса о предмете и пределах судебного следствия в суде присяжных, и позволят усовершенствовать положения юридической доктрины и уголовно-процессуального закона, а также благоприятно скажутся на практике судебных и правоохранительных органов.

Литература:

1. Зуев Ю.Г. Уголовное судопроизводство с участием присяжных заседателей: курс лекций. – М.: Проспект, 2018. – С. 18.
2. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебник – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2019. – С. 178.
3. Кемпф Н.Г. Проблемные вопросы исследования фактических обстоятельств дела с участием присяжных заседателей: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. – Барнаул, 2006 – С. 54.
4. Определение СК УД ВС РФ от 23.03.2006 № 41-о06-16сп. [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».
5. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026).
6. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.06.2026)

Медведев В.В.

студент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»

e-mail: sanasasa33@gmail.com

научный руководитель – доктор технических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»

И.В. Оселедцева

Medvedev V.V.

Student

Kuban State Technological University

scientific director – Doctor of Engineering Sciences, Associate Professor

Kuban State Technological University

I.V. Oseledtseva

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от реактивного контроля качества готовой продукции к проактивному управлению качеством на этапе производственных процессов. Цель работы — разработка и апробация методики комплексной количественной оценки качества производственных процессов с учетом вето-факторов. Методология базируется на синтезе квалиметрического аппарата (средневзвешенное квадратичное, функция желательности Харрингтона) и статистических методов контроля (индексы воспроизводимости, контрольные карты). В качестве теоретической основы использованы требования ISO 9000, концепции Lean Production, Zero Defect Manufacturing и Quality 4.0/5.0.

Результаты: предложена модифицированная формула интегрального показателя качества процесса, включающая коэффициент вето (критический параметр). Обоснована модель влияния процессов на продукцию как «слабейшего звена» в технологической цепи. Проведена апробация предложенной модели на условном механосборочном производстве, показавшая, что выход одного процесса за вето-границы обнуляет итоговое качество независимо от других этапов.

Выводы: разработанная методика позволяет идентифицировать «узкие места» в технологических цепочках, обосновывать корректирующие действия и повышает объективность внутренних аудитов систем менеджмента качества.

Ключевые слова: качество процессов, система менеджмента качества, квалиметрия, статистический контроль, Zero Defect Manufacturing, Quality 4.0, вето-фактор, модель слабейшего звена, индексы воспроизводимости.

ASSESSMENT OF PRODUCTION PROCESS QUALITY AND ITS IMPACT ON PRODUCT QUALITY

Abstract. The relevance of the study is due to the need for a transition from reactive control of finished product quality to proactive quality management at the production process stage. The purpose of the work is to develop and test a methodology for comprehensive quantitative assessment of production process quality taking into account veto factors. The methodology is based on a synthesis of qualimetric tools (weighted root mean

square, Harrington's desirability function) and statistical control methods (capability indices, control charts). The theoretical framework includes ISO 9000 requirements, Lean Production, Zero Defect Manufacturing, and Quality 4.0/5.0 concepts.

Results: a modified formula for the integral process quality indicator including a veto coefficient (critical parameter) is proposed. The «weakest link» model of process impact on product quality is substantiated. The proposed model was tested on a conditional machine-assembly production, which showed that one process exceeding veto thresholds nullifies the final quality regardless of other stages.

Conclusions: the developed methodology allows identifying bottlenecks in technological chains, justifying corrective actions, and increases the objectivity of internal audits of quality management systems.

Keywords: process quality, quality management system, qualimetry, statistical control, Zero Defect Manufacturing, Quality 4.0, veto factor, weakest link model, capability indices.

Введение

В современной экономике качество продукции является одним из ключевых факторов конкурентоспособности предприятия. Традиционный подход, ориентированный на контроль качества готовой продукции, уступает место концепции управления качеством на всех этапах жизненного цикла изделия, где центральное место занимает оценка и обеспечение качества производственных процессов [1; 2].

Как справедливо отмечал один из основоположников современного менеджмента качества Э. Деминг, «управлять можно лишь тем, что можно измерить» [3, р. 2]. Однако, несмотря на широкое внедрение систем менеджмента качества (СМК) в соответствии с требованиями ГОСТ Р ИСО 9001-2015 [4], многие предприятия сталкиваются с трудностями при количественной оценке реальной результативности процессов. Это приводит к разрыву между формальной сертификацией и фактическим уровнем качества, что подтверждается ростом числа отзывных кампаний на предприятиях, имеющих действующие сертификаты [5].

Научная новизна исследования заключается в развитии теоретико-методологических подходов к оценке качества производственных процессов. В отличие от существующих методов, ориентированных на констатирующий контроль [1; 6], предложена комплексная квалиметрическая модель, интегрирующая принципы Zero Defect Manufacturing (ZDM) и вето-факторы, что позволяет перейти от реактивного управления дефектами к проактивному предотвращению. В работе впервые для условного механосборочного производства обоснована модифицированная формула интегрального показателя качества процесса с идентификацией «слабейшего звена» в технологической цепи.

Цель исследования — разработка и апробация методики комплексной количественной оценки качества производственных процессов с интеграцией вето-факторов и обоснование модели ее влияния на качество конечной продукции.

Задачи исследования:

1. Систематизировать теоретические подходы к оценке качества процессов.
2. Разработать модифицированный квалиметрический инструментарий с учетом критических параметров.

3. Апробировать предложенную модель на условном технологическом маршруте.

4. Сформулировать рекомендации по повышению эффективности оценки процессов в СМК.

1. Теоретические основы оценки качества процессов

- 1.1. Процессный подход в управлении качеством

Процессный подход является фундаментальным принципом современного менеджмента качества. Согласно ГОСТ Р ИСО 9000-2015 [9], организация должна определить процессы, необходимые для

системы менеджмента качества, обеспечить их управление и взаимодействие. Любой процесс представляет собой совокупность взаимосвязанных или взаимодействующих видов деятельности, которые преобразуют «входы» в «выходы». Ключевым требованием стандарта является обеспечение результативности процессов — способности достигать запланированных результатов, что в конечном итоге определяет качество выпускаемой продукции [4].

1.2. Эволюция подходов к управлению качеством

Исторически подходы к управлению качеством эволюционировали от простого контроля готовой продукции до комплексных систем управления. Современный этап развития управления качеством связан с цифровой трансформацией промышленности. Концепции Industry 4.0 и Industry 5.0 открывают новые возможности для контроля и улучшения качества процессов за счет внедрения технологий Интернета вещей (IoT), искусственного интеллекта (AI) и анализа больших данных [11; 12].

2. Методология оценки качества процессов

2.1. Показатели качества процессов

Оценка качества процессов предполагает использование системы количественных и качественных показателей, которые должны удовлетворять требованиям измеримости, репрезентативности, чувствительности и экономической целесообразности [1]. В зависимости от характера показатели качества подразделяются на позитивные (увеличение которых свидетельствует об улучшении качества) и негативные (уменьшение которых желательно) [6].

2.2. Интегральный показатель качества процесса

Методологической основой исследования послужили положения квалиметрии как науки о количественной оценке качества [1; 7], методы статистического контроля процессов (SPC) [8], а также принципы процессного подхода, закрепленные в ГОСТ Р ИСО 9000-2015 [9].

Интегральный показатель качества процесса предложен в виде средневзвешенного квадратичного с введением коэффициента вето:

$$Q_{proc} = \sqrt{\sum_{i=1}^n g_i \cdot Q_{отн,i}^2} \times V,$$

Где:

- g_i — коэффициент весомости i -го показателя, определяемой методом анализа иерархий ($\sum g_i = 1$)
- $Q_{отн,i} = P_{факт,i} / P_{норм,i}$ — относительный единичный показатель
- V — коэффициент вето; $V = 0$, если хотя бы один критический показатель $P_j \notin [P_j^{min}, P_j^{max}]$, иначе $V = 1$

2.3. Алгоритм оценки качества процессов

Практическая реализация предложенной методики формализована в виде блок-схемы алгоритма (рисунок 1), включающего последовательность действий от определения перечня оцениваемых процессов до формирования управленческого решения.

Рисунок 1. Блок-схема алгоритма оценки качества производственных процессов с учетом veto-факторов

Алгоритм включает следующие этапы:

Шаг 1. Определение перечня производственных процессов, подлежащих оценке (вход в процедуру).

Шаг 2. Идентификация единичных показателей качества для каждого процесса с обязательным выделением критических показателей («veto-факторов»).

Шаг 3. Сбор фактических значений показателей (данные мониторинга, результаты измерений, отчеты СМК).

Шаг 4. Нормирование показателей — приведение разнородных величин к безразмерному виду (шкала желательности Харрингтона или деление на нормативное значение).

Шаг 5. Проверка вето-условий. Если хотя бы один критический показатель выходит за пределы установленных границ, процесс признается несоответствующим требованиям ($Q_{proc}=0$) с формированием блокирующего вывода. При соблюдении всех вето-границ алгоритм переходит к шагу 6.

Шаг 6. Расчет весовых коэффициентов g_i (метод парных сравнений или экспертные оценки с проверкой согласованности).

Шаг 7. Вычисление интегрального показателя Q_{proc} по формуле средневзвешенного квадратичного.

Шаг 8. Оценка качества конечной продукции по модели «слабейшего звена».

Шаг 9. Формирование управленческого решения на основе полученной оценки (корректирующие действия, остановка производства, приемка).

Особенностью алгоритма является реализация принципа Zero Defect Manufacturing [8; 10] на шаге 5: выход любого вето-параметра за границы автоматически обнуляет итоговую оценку, что предотвращает ситуацию «компенсации брака».

2.4. Модель влияния процессов на качество продукции

Модель влияния процессов на качество продукции («слабейшее звено»):

$$Q_{product} = \min_{k=1..m} Q_{proc,k},$$

где m — количество значимых процессов в технологическом маршруте. Данная модель отражает накопление дефектов в последовательной цепи, где выход одного процесса за пределы допустимого фатален для конечного продукта.

Для оценки относительных показателей использовалась шкала желательности Харрингтона с переводом в безразмерный вид [7]. Критический вето-уровень устанавливался на основе отраслевых нормативов $Crk \geq 1$ для ответственных операций.

3. Результаты апробации предложенной методики

3.1. Исходные данные для апробации

Апробация разработанного алгоритма проведена на примере условного механосборочного производства, включающего четыре ключевых процесса: механическая обработка, термическая обработка, контроль ОТК, упаковка. Для каждого процесса определены единичные показатели качества и выделены критические параметры (вето-факторы). В качестве критического параметра для всех процессов выбран индекс воспроизводимости Crk с минимально допустимым значением 1,33 (в соответствии с требованиями автомобильной промышленности и стандарта IATF 16949) [8].

3.2. Апробация модели на условном производстве

Проведена оценка четырех ключевых процессов гипотетической механосборочной линии. Исходные данные и результаты расчета представлены в таблице.

Таблица 1. Оценка качества процессов с использованием вето-фактора

Процесс	$Q_{отн}$	Вес g_i	Критический параметр Crk	Вето (V)	Q_{proc}
Механическая обработка	0,92	0,35	1,25	1	0,93
Термическая обработка	0,65	0,30	0,85 (< 1,33)	0	0
Контроль ОТК	0,98	0,20	1,45	1	0,96
Упаковка	0,95	0,15	1,50	1	0,94

Расчет для механической обработки:

$$Q_{proc} = \sqrt{0,35 \cdot 0,92^2 + 0,30 \cdot 0,65^2 + 0,20 \cdot 0,98^2 + 0,15 \cdot 0,95^2} = 0,93.$$

Вето-фактор для термической обработки ($C_{pk}=0,85$) обнуляет общую оценку процесса, моделью «слабейшего звена» фиксируется $Q_{product}=0$. Это соответствует принципам ZDM и требованиям IATF 16949 [8; 10].

3.3. Сравнение с традиционными подходами

В отличие от аддитивных моделей, где итоговая оценка могла бы составить $\approx 0,85$ (что трактуется как «удовлетворительно»), предложенный метод дает однозначное заключение о неприемлемости процесса, что критически важно для производств с высокими требованиями к надежности.

Продукция признается несоответствующей требованиям, несмотря на высокие показатели остальных процессов. Данный результат иллюстрирует ключевое преимущество предложенной методики: veto-фактор предотвращает «маскировку» критического дефекта за счет удовлетворительных оценок других этапов производства.

Разработанная модель вносит вклад в решение проблемы количественной оценки результативности СМК. Полученные результаты согласуются с выводами Триша Р. с соавторами [1] о необходимости квалитетических подходов, а также с работами по Zero Defect Manufacturing [8; 10], где обоснована невозможность компенсации критических дефектов.

1. Требуется четкого определения veto-границ, что предполагает развитую нормативную базу предприятия.
2. Зависимость весов g_i от экспертных оценок — для снижения субъективизма рекомендуется метод парных сравнений с проверкой согласованности.
3. Цифровая трансформация (Quality 4.0) позволяет снять часть ограничений за счет автоматизированного сбора данных в реальном времени [11], однако требует значительных инвестиций и не всегда экономически оправдана для малых предприятий.

В отличие от работ, ориентированных на констатацию дефектов [6], предложенный подход дает инструмент для проактивного управления: зная veto-факторы, менеджмент концентрирует усилия на критических операциях, а не на сплошном контроле.

Заключение

В результате проведенного исследования получены следующие основные выводы:

1. Теоретические: систематизированы современные подходы к оценке качества производственных процессов (квалитетрия, SPC, ZDM, Quality 4.0/5.0). Показано, что ключевым недостатком существующих моделей является отсутствие механизмов блокировки при выходе критических параметров за пределы.
2. Методологические: предложена модифицированная формула интегральной оценки качества процесса с введением коэффициента veto и обоснована модель влияния на продукцию как «слабейшего звена» в технологической цепи.
3. Прикладные: проведена апробация модели на условном механосборочном производстве, показавшая, что veto-фактор ($C_{pk}<1,33$) обнуляет итоговую оценку качества, что предотвращает выпуск потенциально дефектной продукции.
4. Практические рекомендации: для внедрения модели предприятиям рекомендуется:
 - определить перечень критических параметров процессов;
 - установить veto-границы на основе отраслевых стандартов;

- использовать автоматизированный сбор данных (Quality 4.0) для оперативного контроля.

Направления дальнейших исследований: разработка отраслевых методик адаптации предложенной модели (авиастроение, фармацевтика, пищевая промышленность); интеграция с цифровыми двойниками (digital twins) для прогнозирования вето-ситуаций; учет человеческого фактора в контексте Quality 5.0.

Литература:

1. Trisch R., Gorbenko E., Dotsenko N., Kim N., Kiporenko A. Development of qualimetric approaches to the processes of quality management system at enterprises according to international standards of the ISO 9000 series // *Eastern-European Journal of Enterprise Technologies*. 2016. № 1/3 (79). P. 1–8. DOI: 10.15587/1729-4061.2016.5503.
2. Хижняк Т.Е., Мольков Д.С., Мацнева Е.Н., Блонская А.А. Современные технологии развития системы управления качеством в отечественном автопроме // *Экономика и бизнес*. 2024. № 2. С. 45–52.
3. Деминг У.Э. Выход из кризиса: новая парадигма управления людьми, системами и процессами. М.: Альпина Паблишер, 2017. 432 с.
4. ГОСТ Р ИСО 9001-2015. Системы менеджмента качества. Требования. М.: Стандартинформ, 2015. 32 с.
5. Why Traditional Quality Is Failing You [Электронный ресурс] // LNS Research Blog. 2025. URL: <https://blog.lnsresearch.com/why-traditional-quality-is-failing-you> (дата обращения: 31.03.2026).
6. Мирошников В.В., Борбаць Н.М., Школина Т.В. Квалиметрико-статистическая оценка процессов менеджмента качества // *Компетентность*. 2019. № 2. С. 2–6.
7. Азгальдов Г.Г. Квалиметрия для всех: учебное пособие. М.: ИД «ИНФРА-М», 2022. 280 с.
8. Psarommatis F., Azamfirei V. Zero Defect Manufacturing: A complete guide for advanced and sustainable quality management // *Journal of Manufacturing Systems*. 2024. Vol. 77. P. 764–779. DOI: 10.1016/j.jmsy.2024.10.015.
9. ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. М.: Стандартинформ, 2015. 48 с.
10. Zhao L.P., Li B.H., Yao Y.Y. A novel predict-prevention quality control method of multi-stage manufacturing process towards zero defect manufacturing // *Advances in Manufacturing*. 2023. Vol. 11, No 2. P. 280–294. DOI: 10.1007/s40436-022-00397-y.
11. Stefanovic M., Wawak S., Popkova E., et al. FROM QUALITY 4.0 TO QUALITY 5.0 – THE TRANSITION ROADMAP // *International Journal for Quality Research*. 2024. Vol. 18, No 4. P. 1199–1210. DOI: 10.24874/IJQR18.04-09.
12. Боровков А.И., Родионов Ю.А., Мирошин Д.Г. Цифровые двойники в управлении качеством производственных процессов // *Научно-технические ведомости СПбГПУ*. 2023. Т. 16, № 4. С. 67–79.
13. International Standard ISO 9001:2015. Quality management systems — Requirements. Geneva: ISO, 2015. 66 p.

Фатеева Т.Н.

доцент кафедры учета и менеджмента
Калужский филиал ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
e-mail: fatteewa@gmail.com

Бобрышева А.А.

магистрант
кафедра учета и менеджмента
Калужский филиал ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
e-mail: shesterninaa@inbox.ru

Fateeva T.N.

Associate Professor of the Department of Menegement
Kaluga Branch of the Financial University under the Government
of the Russian Federation

Bobrysheva A.A

Master's Student
Department of Menegement
Kaluga Branch of the Financial University under the Government
of the Russian Federation

РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается рентабельность как ключевой показатель результативности финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Раскрыта система показателей рентабельности, обоснована их взаимосвязь с операционными и финансовыми решениями менеджмента. Особое внимание уделено факторному анализу рентабельности собственного капитала на основе трёхфакторной модели Дюпона, позволяющей выявить вклад маржинальности, оборачиваемости активов и финансового рычага в изменение итогового показателя. Рассмотрены практические направления повышения рентабельности через управление затратами, ценообразование и оптимизацию структуры активов.

Ключевые слова: рентабельность, финансово-хозяйственная деятельность, факторный анализ, модель Дюпона, эффективность, управление затратами, рентабельность собственного капитала.

PROFITABILITY AS A KEY CRITERION FOR ASSESSING THE EFFICIENCY OF AN ORGANIZATION'S FINANCIAL AND ECONOMIC ACTIVITY

Abstract. The article examines profitability as a key indicator of enterprise performance in the analysis of financial and economic activity. The system of profitability indicators is presented, and their relationship to operational and financial management decisions is substantiated. Special attention is paid to the factor analysis of return on equity using the three-factor DuPont model, which makes it possible to identify the contribution of margin, asset turnover and financial leverage to the change in the resulting indicator. Practical directions for improving profitability through cost management, pricing policy, and asset structure optimization are discussed.

Keywords: profitability, financial and economic activity, factor analysis, DuPont model, efficiency, cost management, return on equity.

Среди показателей, которые применяются для оценки результативности работы предприятия, рентабельность стоит особняком: в отличие от абсолютных величин прибыли, она соотносит финансовый результат с ресурсами, которые потребовались для его получения. Это делает её сопоставимой — во времени, между подразделениями одной компании и между разными предприятиями отрасли. Два завода могут показывать одинаковую чистую прибыль, но если первый достигает её, задействовав вдвое меньше активов, его управленческая команда работает эффективнее — и именно рентабельность активов фиксирует это различие там, где абсолютные цифры молчат.

Востребованность анализа рентабельности определяется не только академическим интересом. Банки при оценке кредитоспособности заёмщика смотрят на ROA и ROE наряду с показателями ликвидности; потенциальные инвесторы сравнивают рентабельность собственного капитала с альтернативной доходностью на рынке; налоговые органы используют среднеотраслевые значения рентабельности как один из критериев отбора предприятий для выездных проверок. Помимо этого, устойчивое снижение рентабельности продаж — даже при формально положительной прибыли — нередко оказывается ранним индикатором надвигающихся финансовых трудностей, опережающим ухудшение показателей платёжеспособности на несколько отчётных периодов [4, с. 89].

Цель настоящей работы — систематизировать показатели рентабельности как инструмент оценки финансово-хозяйственной деятельности и обосновать практические направления их улучшения. Для этого последовательно решаются три задачи: раскрыть экономическое содержание рентабельности и состав её основных показателей; описать аналитические возможности трёхфакторной модели Дюпона; сформулировать управленческие рекомендации, вытекающие из результатов факторного анализа.

Методологическую основу исследования составляют приёмы системного экономического анализа: горизонтальный и вертикальный анализ финансовой отчётности, коэффициентный метод, факторный анализ посредством цепных подстановок. Информационной базой служат формы бухгалтерской (финансовой) отчётности — прежде всего бухгалтерский баланс, отчёт о финансовых результатах и пояснения к ним, — а также данные управленческого учёта, необходимые для детализации состава затрат по статьям калькуляции [6, с. 38]. При межотраслевых сопоставлениях привлекаются справочники среднеотраслевых значений рентабельности, публикуемые Федеральной налоговой службой.

В практике финансового анализа сложилась система показателей рентабельности, каждый из которых отвечает на свой управленческий вопрос. Рентабельность продаж (ROS) — это доля прибыли от продаж в выручке; она показывает, сколько копеек операционной прибыли приносит каждый рубль реализации. Рентабельность активов (ROA) соотносит чистую прибыль с совокупными активами и характеризует отдачу от всего имущества предприятия вне зависимости от того, за счёт каких источников оно сформировано. Рентабельность собственного капитала (ROE) отражает доходность для акционеров и является главным ориентиром при сравнении с альтернативными вложениями: если ROE ниже доходности государственных облигаций, собственники несут скрытые убытки, держа деньги в бизнесе [3, с. 147].

Наряду с тремя базовыми коэффициентами используется рентабельность затрат — отношение прибыли к полной себестоимости реализованной продукции. Этот показатель особенно информативен для производственных предприятий с высокой долей материальных расходов: он напрямую связывает снижение прибыли с удорожанием сырья или ростом технологических потерь. В торговле и сфере услуг чаще применяют рентабельность по валовой прибыли (валовая маржа), которая фиксирует

маржинальность основной деятельности до учёта коммерческих и управленческих расходов. Выбор конкретного набора показателей диктуется отраслевой спецификой и теми вопросами, которые стоят перед аналитиком [10, с. 55].

Ключевым инструментом углублённой диагностики рентабельности собственного капитала служит трёхфакторная модель Дюпона. Она разлагает ROE на произведение трёх компонентов: $ROE = (\text{Чистая прибыль} / \text{Выручка}) \times (\text{Выручка} / \text{Активы}) \times (\text{Активы} / \text{Собственный капитал})$, то есть на рентабельность продаж, оборачиваемость активов и коэффициент финансового рычага. Практическая ценность такого разложения состоит в следующем: зная, что ROE снизилась с 18 до 12%, менеджмент не имеет ответа на вопрос, что именно пошло не так. Модель Дюпона этот ответ даёт. Если рентабельность продаж осталась прежней, а оборачиваемость активов упала — значит, предприятие накопило избыточные запасы или дебиторскую задолженность. Если же оборачиваемость в норме, но снизился финансовый рычаг — вероятно, погашен крупный кредит или нераспределённая прибыль выросла быстрее активов. Метод цепных подстановок позволяет количественно измерить вклад каждого фактора в общее изменение ROE [9, с. 203].

Интерпретировать значения рентабельности следует с учётом отраслевого контекста, иначе сравнение теряет смысл. В капиталоемких отраслях — металлургии, нефтепереработке, энергетике — рентабельность продаж объективно невысока: производственные и амортизационные расходы поглощают большую часть выручки. Компенсация приходит за счёт масштаба активов и стабильного денежного потока. В торговле картина обратная: маржа на единицу товара минимальна, но высокая скорость оборота позволяет зарабатывать на объёме. Ошибочное сравнение рентабельности продаж металлургического комбината и розничной сети без поправки на отрасль даёт заведомо ложный вывод об эффективности [8, с. 47]. Поэтому наряду с динамическим анализом — сравнением с предыдущими периодами — обязателен пространственный: сопоставление со среднеотраслевыми значениями и показателями конкурентов, занимающих сопоставимую рыночную нишу [5, с. 88].

На практике повышение рентабельности редко достигается каким-то одним решением — как правило, это работа сразу на нескольких уровнях. Наиболее очевидный из них — затраты. Здесь не нужно искать скрытых резервов: в большинстве компаний они лежат на поверхности в виде задвоенных функций, закупок без конкурентного отбора или норм расхода, которые не пересматривались годами. Бюджетирование по центрам финансовой ответственности в таких случаях работает не как инструмент контроля ради контроля, а как способ сделать потери видимыми для тех, кто за них отвечает. Второй уровень — оборачиваемость активов. Деньги, замороженные в залежалых запасах или зависшей дебиторке, не приносят дохода, хотя формально числятся в активах. Ускорение их возврата в оборот улучшает ROA без какого-либо роста выручки — просто за счёт того, что те же ресурсы начинают работать быстрее. Наконец, третий уровень — сам ассортимент и ценообразование. Предприятия нередко годами тянут позиции, которые не покрывают даже переменных затрат, потому что никто не считал маржинальный вклад в разбивке по продуктам. Когда такой расчёт появляется, решение об изменении цены или выводе позиции принимается уже не на основе ощущений, а на основе цифр.

Управление затратами — наиболее очевидный, но и наиболее трудоёмкий рычаг повышения рентабельности. Опыт показывает, что существенная часть потерь возникает не из-за рыночной конъюнктуры, а по внутренним причинам: устаревшие нормы расхода сырья, дублирование функций между отделами, непрозрачная система закупок. Введение бюджетирования по центрам финансовой ответственности позволяет привязать контроль над каждой статьёй расходов к конкретному руководителю, который несёт ответственность за её исполнение. Параллельно тендерный отбор поставщиков и долгосрочные рамочные контракты снижают закупочные цены, а пересмотр

логистических маршрутов сокращает транспортные расходы — без ущерба для качества и сроков [1, с. 214].

Ускорение оборачиваемости активов влияет на ROA через знаменатель формулы: чем меньше активов требуется для получения той же выручки, тем выше отдача. Инструментом первого выбора здесь служит ABC/XYZ-анализ запасов. Категория A/X — дорогостоящие позиции со стабильным спросом — требует точного планирования и минимального страхового запаса. Категория C/Z — дешёвые позиции с нерегулярным спросом — нередко хранится в избытке, замораживая оборотный капитал без реальной необходимости. Сокращение таких запасов высвобождает денежные средства, снижает потребность в краткосрочном кредитовании и тем самым одновременно улучшает и ROA, и финансовую устойчивость [7, с. 178]. Аналогичный эффект даёт работа с дебиторской задолженностью: введение лимитов по контрагентам, факторинг по просроченным долгам и скидки за досрочную оплату сокращают период инкассации и возвращают средства в оборот.

Ценовая и продуктовая политика воздействует на рентабельность продаж через числитель — прибыль. Здесь распространена ошибка: предприятия оценивают прибыльность позиций по полной себестоимости, тогда как для принятия оперативных решений корректнее использовать маржинальный вклад — разницу между выручкой и переменными затратами. Позиция с отрицательным маржинальным вкладом убыточна при любом объёме; её присутствие в ассортименте прямо снижает рентабельность продаж всей компании. Расчёт маржинальной прибыли по каждой товарной группе или услуге позволяет выявить такие позиции и принять взвешенное решение: поднять цену, сократить переменные затраты или вывести позицию из ассортимента [2, с. 201]. При этом нужно учитывать эффект масштаба — иногда убыточная в единичном исчислении позиция оправдана, если она привлекает клиентов, покупающих высокомаржинальные продукты.

Отдельно следует рассмотреть связь рентабельности с финансовым рычагом, поскольку именно здесь чаще всего возникают управленческие просчёты. Модель Дюпона наглядно показывает, что ROE растёт при увеличении доли заёмного капитала — и это соблазняет менеджмент наращивать долг ради улучшения отчётных показателей. Однако здесь кроется ловушка: положительный эффект рычага возникает лишь тогда, когда рентабельность активов превышает стоимость привлечённых займов. Если $ROA = 8\%$, а ставка по кредиту составляет 14% , каждый дополнительный рубль долга не увеличивает ROE, а разрушает его — предприятие работает на кредитора, а не на собственника. Именно поэтому перед принятием решения о привлечении заёмного финансирования необходимо сравнить фактическое значение ROA со средневзвешенной стоимостью долга [3, с. 159].

Три рассмотренных направления — управление затратами, ускорение оборачиваемости и оптимизация продуктово-ценовой матрицы — не исключают друг друга, а работают синергично. Сокращение излишних запасов снижает складские расходы (управление затратами) и высвобождает оборотный капитал (ускорение оборачиваемости) одновременно. Вывод убыточных позиций улучшает рентабельность продаж и при этом нередко сокращает объём запасов, что дополнительно ускоряет оборачиваемость. Приоритет конкретных мер определяется результатами факторного анализа по модели Дюпона: именно он показывает, какой из трёх факторов — маржа, оборачиваемость или рычаг — даёт наибольший резерв для роста ROE в данных условиях [9, с. 211].

Рентабельность, таким образом, выступает не просто итоговым показателем в конце отчётного периода, а инструментом текущей управленческой диагностики. Её мониторинг в разрезе продуктов, подразделений и периодов позволяет выявлять проблемные зоны до того, как они переросли в полноценный кризис. Система показателей рентабельности — от валовой маржи до ROE — охватывает все уровни деятельности предприятия и в совокупности даёт цельную картину его финансово-хозяйственного состояния [4, с. 94].

Трёхфакторная модель Дюпона переводит анализ рентабельности с уровня констатации на уровень объяснения: она указывает, за счёт чего изменился ROE и где именно сосредоточены резервы его роста. Устойчивое повышение рентабельности достижимо только через рост операционной и ресурсной эффективности — снижение затрат, ускорение оборота активов и рациональную продуктовую политику. Опора на финансовый рычаг как единственный инструмент улучшения ROE создаёт лишь видимость роста, одновременно повышая уязвимость предприятия к кредитным рискам и ухудшению конъюнктуры [6, с. 142].

Литература:

1. Ковалёв, В. В. Финансовый анализ: методы и процедуры / В. В. Ковалёв. — Москва: Финансы и статистика, 2022. — 560 с.
2. Шеремет, А. Д. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций / А. Д. Шеремет, Е. В. Негашев. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 208 с.
3. Ефимова, О. В. Финансовый анализ: инструментарий обоснования экономических решений: учебник / О. В. Ефимова. — Москва: КноРус, 2023. — 320 с.
4. Савицкая, Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник / Г. В. Савицкая. — Москва: ИНФРА-М, 2023. — 378 с.
5. Любушин, Н. П. Экономический анализ: учебник / Н. П. Любушин. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. — 575 с.
6. Бланк, И. А. Управление прибылью / И. А. Бланк. — Москва: Омега-Л, 2023. — 768 с.
7. Крылов, С. И. Совершенствование методологии анализа в системе управления финансовым состоянием коммерческой организации: монография / С. И. Крылов. — Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2021. — 357 с.
8. Маркарьян, С. Э. Финансовый анализ: учебное пособие / С. Э. Маркарьян, Г. П. Герасименко, Э. А. Маркарьян. — Москва: КноРус, 2023. — 191 с.
9. Донцова, Л. В. Анализ финансовой отчётности: учебник / Л. В. Донцова, Н. А. Никифорова. — Москва: Дело и Сервис, 2022. — 368 с.
10. Лиференко, Г. Н. Финансовый анализ предприятия: учебное пособие / Г. Н. Лиференко. — Москва: Экзамен, 2021. — 160 с.

Палагина Т.М.

студент

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»

e-mail: PalaginaT.M.0@mail.ru

Тезина Е.Е.

студент

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»

e-mail: lizavetatez@mail.ru

Palagina T.M.

Student

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Tezina E.E.

Student

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ГЕННОЙ ИНЖЕНЕРИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Настоящая статья ставит своей целью изучение теоретических и практических аспектов правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере генной инженерии в России. Авторами рассматривается системообразующий Федеральный закон № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», подчеркивая его рамочный характер и роль подзаконных актов, технических регламентов, норм гражданского, административного права. Особое внимание уделяется классификации уровней риска генно-инженерной деятельности и соответствующим разрешительным процедурам, таким как лицензирование и регистрация. Рассматриваются актуальные проблемы правоприменения, включая противоречия в регулировании оборота генно-модифицированных организмов (ГМО) в сельском хозяйстве, вопросы договорной ответственности и пробелы в уголовно-правовой защите. В заключение формулируются выводы о необходимости гармонизации законодательства и его адаптации к современным технологическим вызовам.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, правовое регулирование, биотехнологии, генная инженерия, генно-инженерно-модифицированные организмы (ГМО), лицензирование, сельское хозяйство, патентование, регистрация, биологическая безопасность.

LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE FIELD OF GENETIC ENGINEERING IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. This article aims to study the theoretical and practical aspects of the legal regulation of entrepreneurial activity in the field of genetic engineering in Russia. The authors consider the system-forming Federal Law № 86-FZ "On State regulation in the field of genetic engineering", emphasizing its framework nature

and the role of by-laws, technical regulations, norms of civil and administrative law. Special attention is paid to the classification of risk levels of genetic engineering activities and related licensing procedures, such as licensing and registration. The current problems of law enforcement are considered, including contradictions in the regulation of the turnover of genetically modified organisms (GMOs) in agriculture, issues of contractual liability and gaps in criminal law protection. In conclusion, conclusions are drawn about the need to harmonize legislation and adapt it to modern technological challenges.

Keywords: entrepreneurial activity, legal regulation, biotechnologies, genetic engineering, genetically modified organisms (GMOs), licensing, agriculture, patenting, registration, biological safety.

Биотехнологии — это междисциплинарная область, которая объединяет научные исследования и практические разработки для решения ключевых задач в здравоохранении, обеспечении продовольственной безопасности и развитии сельского хозяйства. В отличие от других направлений научно-технического прогресса, биотехнологии имеют потенциал оказывать глобальное и долгосрочное влияние на экологию и здоровье будущих поколений. В настоящее время, например, активно разрабатывается использование генетически модифицированных организмов (ГМО), которые, попадая в окружающую среду, могут необратимо изменять экосистемы¹. С самого начала своего развития, биотехнологии использовались людьми для достижения коммерческих целей в реалиях рыночной экономики. Именно поэтому законы и нормы регулируют все этапы их развития — от лабораторных исследований до коммерческого применения. Правовое регулирование обеспечивает баланс между инновациями и безопасностью, определяет допустимые границы и помогает избежать злоупотреблений. Для современных предпринимателей биотехнологии — плодотворная почва для получения прибыли. Эта сфера формируется на границе бурного научно-технического прогресса и потребности в создании действенных правовых инструментов, призванных не только стимулировать инновации, но и гарантировать биологическую безопасность. Мы ставим своей целью проведение обобщенного анализа российского законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность в области генной инженерии. Также, в процессе изучения, мы постараемся определить некоторые границы правового вмешательства в коммерческие проекты, основанные на генно-инженерных технологиях, так как данная проблематика имеет высокую актуальность и значимость для развития правовых и экономических инноваций. Основной задачей законодателя является упорядочивание любых видов предпринимательской деятельности на законодательном уровне, для обеспечения соблюдения этических норм и защита прав всех субъектов рыночных отношений. В российской правовой системе основополагающим нормативным актом, регулирующим область генной инженерии, выступает Федеральный закон от 5 июля 1996 года № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» (далее — №86-ФЗ²). Статья 1 Федерального закона определяет сферу его действия, разграничивая регулируемые и нерегулируемые отношения. В соответствии с данной нормой, закон охватывает такие аспекты общественных отношений, как природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, а также защита здоровья человека, связанная с применением генно-инженерных технологий. Закон не регулирует генно-инженерные исследования и их применение к человеку, тканям и клеткам из-за особой правовой природы этих отношений, затрагивающих фундаментальные права личности и сложные биоэтические вопросы. Для

¹Тимшина, Д. И. Мировой прорыв в использовании генетически модифицированных организмов. Проблемы использования ГМО в пищевой промышленности на территории РФ // Молодой ученый. 2021. № 46 (388). Ст. 39-43.

² Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // СЗ РФ. 08.07.1996. № 28. Ст. 3348.

использования генетических данных людей требуется разработка специальных нормативных актов, способных обеспечить всестороннюю безопасность, контроль и защиту конституционных прав граждан. Хотя, в феврале 2026 года в 86-ФЗ, были внесены поправки, что подтверждает постоянное развитие и расширение ФЗ. Изменения коснулись осуществления государственными органами контроля за использованием генетической информации, включая данные, собранные в рамках популяционных генетических и иммунологических исследований. Все же, поправки не сильно поменяли текущую ситуацию с особым подходом к неизменному человеческому геному, введя лишь общие положения о сохранности генетических сведений, касающихся личности. Статья 6 ФЗ № 86 устанавливает правовую классификацию видов работ, связанных с генно-инженерной деятельностью. Существует четыре основных направления. Первое направление включает генетическое конструирование, приводящее к созданию генно-инженерно-модифицированных организмов. Второе направление охватывает испытательные процедуры для модифицированных организмов. Третье направление связано с обращением с отходами, образующимися в процессе генно-инженерной деятельности, что подчеркивает природоохранный аспект регулирования. Четвертое направление включает операции по вводу результатов генно-инженерной деятельности в гражданский оборот, такие как сделки и другие формы коммерциализации соответствующих технологий. Именно четвертое направление представляет для нас особый интерес, так как оно непосредственно связано с предпринимательским аспектом. Таким образом, в соответствии с положениями закона, окончательно определимся, что объектами правового регулирования в рассматриваемой сфере выступают: неживые продукты питания, полученные с помощью генно-инженерной деятельности; живые генно-инженерные организмы, создаваемые в окружающей среде либо используемые в пищевой, фармацевтической и иной промышленности; результаты клонирования животных, в том числе в медицинских целях; а также особые категории генно-инженерно-модифицированных организмов, потенциально применимые для создания биологического оружия, что требует дифференцированного подхода к их правовому режиму. Для определения правил в области генно-инженерных работ применяется значительный набор правовых инструментов и средств. Закон также предусматривает специальное требование о лицензировании деятельности, отнесенной к III и IV уровням риска и осуществляемой в замкнутых системах. Требование предполагает получение специального разрешения в установленном российским законодательством порядке и служит инструментом государственного контроля за наиболее опасными видами генетических работ. ФЗ № 86 устанавливает систему безопасности, учитывающую вид проводимых работ и потенциальную опасность исследуемых организмов. Это предполагает, что требования к лабораториям, оборудованию и персоналу будут варьироваться в зависимости от того, работают ли компании с безопасными микроорганизмами или с патогенными агентами, представляющими угрозу. В статье 7 ФЗ 86 обозначены уровни риска от I до IV, возрастающие по степени опасности. Для открытия биотехнологического производства предприниматели обязаны не только зарегистрировать юридическое лицо, но также получить соответствующие разрешения от государственных органов, включая Роспотребнадзор и Росприроднадзор. Эти органы должны подтвердить наличие необходимой материально-технической базы и квалифицированного персонала. Лицензирование и контроль за деятельностью возложены на Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и её территориальные подразделения. Порядок лицензирования, кроме того, регламентируется Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности»³, и более конкретно Положением о лицензировании деятельности, связанной с использованием возбудителей инфекционных заболеваний

³Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СЗ РФ. 09.05.2011 № 19. Ст. 2716.

человека и животных и генно-инженерно-модифицированных организмов III и IV уровней потенциальной опасности, осуществляемой в замкнутых системах⁴. Регистрация же генно-инженерных организмов, согласно Постановлению Правительства РФ от 18 января 2023 года № 35⁵, выполняется на основе заявления о деятельности по созданию, либо применению, выпуску или совершению сделок, предметом которых являются указанные организмы. Проводятся исследования, данные вносятся в государственный реестр, и выдаётся соответствующий документ. Если будет обнаружено, что модифицированный организм оказывает вредное воздействие на окружающую среду, подтверждённое экспертизой, государственная регистрация может быть отменена. Биотехнологии и бизнес требуют особого внимания к вопросам гражданского права. Разработка новых штаммов, геномных технологий или биотехнологических продуктов является результатом интеллектуальной деятельности, которая должна быть защищена патентом. Без патента стартапам сложно привлечь финансирование, так как инвесторы сомневаются в уникальности разработки. Особенно важно обеспечить защиту интеллектуальной собственности. В российском законодательстве биологические объекты классифицируются как изобретения или селекционные достижения. Под изобретением понимается техническое решение в любой области, а не идея. Согласно статье 1350 Гражданского Кодекса РФ, в качестве изобретения можно запатентовать, в частности, устройство, вещество, штамм микроорганизма, культуру клеток растений или животных. Это значит, что генетически модифицированные микроорганизмы и клеточные линии, могут быть зарегистрированы в качестве патентов на «вещества» или «штаммы». Для этого они должны быть новыми, демонстрировать изобретательский уровень и иметь потенциал для промышленного применения. Предприниматели в сфере генной инженерии должны учитывать риск угрозы отказа в выдаче патента на основании положений статьи 1349 (объекты патентных прав) Гражданского Кодекса РФ. Объектами патентных прав не могут быть: методы клонирования человека и созданные с их помощью клоны, методы изменения генетической структуры клеток зародышей человека, использование человеческих эмбрионов в коммерческих или промышленных целях, противоречащие общественным интересам и принципам гуманности или морали результаты интеллектуальной деятельности. Существует риск аннулирования патента из-за недостаточного описания исходного генетического материала, сложности технологического процесса и применения разнообразных методов молекулярной биологии, поскольку здесь применимы общие положения статьи 1398 Гражданского кодекса РФ⁶. ГМО и содержащие их продукты разрешены только после государственной регистрации, срок которой — 10 лет. Запрещено использовать незарегистрированные ГМО, кроме случаев переработки уже зарегистрированных продуктов, об этом сказано в поправке № 43-ФЗ⁷, который вступит в силу 1 сентября 2026 года. Федеральный закон 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁸ запрещает выращивание и разведение ГМО-организмов, кроме научных целей. КоАП РФ предусматривает штрафы для должностных лиц - 10 000–50 000 рублей и юридических лиц - 100 000–500 000 рублей за нарушения

⁴ Постановление Правительства РФ от 25.01.2022 № 46 «О лицензировании деятельности в области использования возбудителей инфекционных заболеваний человека и животных...» // СЗ РФ. 31.01.2022. № 5. Ст. 779.

⁵ Постановление Правительства РФ от 18.01.2023 № 35 «О порядке государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду...» // СЗ РФ. 23.01.2023. № 4. Ст. 654.

⁶ Лисаченко А. В. Патентное регулирование в области генома // LexRussica. 2023. № 3 (196). Ст. 12.

⁷ О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»: Федеральный закон № 43-ФЗ от 20 февраля 2026 г. // СЗ РФ. 2026. № 8. Ст. 987.

⁸ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 14.01.2002. № 2. Ст. 133.

в сфере генно-инженерной деятельности. Также, нарушителей может ждать гражданско-правовая ответственность, ведь Согласно ФЗ-86, за вред, причиненный генно-инженерной деятельностью, виновные лица несут ответственность в соответствии с гражданским законодательством. В Уголовном кодексе Российской Федерации нет специальных норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступные деяния в сфере биотехнологий, что является пробелом в законодательстве, по мнению некоторых ученых. Подобная позиция отражена, например, в научной статье Белова О.А., Спиридоновой Ю.Н. и Одинцова А.И.⁹. Лишь статья 248 Уголовного кодекса РФ предусматривает наказание за нарушение правил безопасности при работе с патогенными биоагентами, если это привело к вреду здоровью, эпидемиям, эпизоотиям или другим серьёзным последствиям. Наказание варьируется от 2 до 8 лет лишения свободы в зависимости от тяжести последствий. Применение статьи в контексте генно-инженерных исследований затруднено, так как она требует наличия конкретных вредных последствий и не охватывает потенциальные угрозы без их реализации, а наиболее предметная статья Уголовного кодекса до сих пор не выработана. Вопрос обеспечения населения продуктами питания всегда оставался важным на протяжении всей истории человечества. Нельзя не отметить тот факт, что в Российской Федерации, несмотря на запрет на выращивание генетически модифицированных культур, продолжается импорт продуктов, содержащих модифицированные добавки и концентраты. Хотя, в 2020 году президент Владимир Путин подписал Доктрину продовольственной безопасности¹⁰. Согласно этому документу, в Россию запрещён ввоз генетически модифицированных организмов (ГМО) и продукции с их содержанием для посева и выращивания. Все же, законодательный запрет на производство ГМО склоняется в сторону отрицательного влияния на развитие экономики страны, поскольку закон не полностью запрещает импортировать продукцию, но полностью запрещает выращивание отечественных продуктов. В результате сложилась ситуация, когда генетические ресурсы и инновационные знания стали объектами научного и коммерческого интереса, привлекая внимание широких кругов. Однако владельцы этих знаний и хранители генетических ресурсов не получают никакой выгоды от их использования. Требуется рассмотрения и проблема классификации сельскохозяйственной продукции, в составе которой присутствуют компоненты, полученные с помощью генной инженерии. Следует ли относить её к обычной продукции, считать браком или продукцией ненадлежащего качества? Необходимо опираться на различия в условиях договорных отношений, а также на место требований к качеству сельскохозяйственной продукции в контексте договора контрактации. Нормы, регулирующие отношения по купле-продаже, включают контрактацию как разновидность такого договора (статья 535 Гражданского кодекса РФ). Эти нормы предусматривают, что продавец обязан передать покупателю товар, соответствующий качеству, установленному договором (статья 469 ГК РФ). В контексте обязанностей изготовителя по договору контрактации, включая его обязательство информировать покупателя о наличии ГМО в продукции, важно определить, относится ли товар к сельскохозяйственной продукции вообще. На практике это может вызывать разногласия. Рассмотрим случай из практики, когда агрофирму «Павловская» привлекли к административной ответственности за нарушение. В сопроводительных документах на комбикорм компания не указала информацию для потребителей о наличии ГМО-компонентов, полагая, что эта продукция предназначена для откорма птицы, которую затем используют для производства пищевых продуктов. Арбитражный суд установил, что ни один из стандартов качества продукции не требует от производителя указывать информацию о содержании ГМО в комбикормах. Суд

⁹ Белов О. А., Спиридонова Ю. Н., Одинцов А. И. Генная инженерия: проблемы уголовно-правового регулирования // Пенитенциарная наука. 2020. №4. Ст. 479.

¹⁰ Указ Президента РФ от 21.01.2020 №20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 10 марта 2025 года) // СЗ РФ. 27.01.2020. № 4. Ст. 345.

также отметил, что термин «пищевые продукты» в законе следует понимать в его обычном значении – как продукты, предназначенные для потребления человеком. Следовательно, комбикорма нельзя считать пищевыми продуктами потому, что они используются для откорма животных¹¹. Если конечный продукт генно-инженерной деятельности — продукты питания, лекарства или корма для животных, то вступают в силу специализированные законы. Например, производство генно-инженерных лекарственных средств регулируется Федеральным законом «Об обращении лекарственных средств»¹², а выпуск генно-модифицированных продуктов питания — техническими регламентами Таможенного союза. Как было отмечено ранее, одно из направлений генетических технологий, в области которых могут быть нарушены конституционные права и свободы человека и гражданина, является опасное воздействие на геном биологического материала¹³. Судебная практика в этой сфере только формируется. В основном ограничения реализуются через отказ именно в патентовании, регистрации, лицензировании. В России все чаще случаются громкие судебные разбирательства, связанные с генными модификациями, которые подтверждают действующие законодательные запреты. Среди них можно привести решение Суда по интеллектуальным правам по делу N СИП-960/2019. Суд признал правомерным отказ Роспатента в регистрации патента на «Способ редактирования гена человека CCR5...» на раннем этапе эмбрионального развития. Основанием для отказа послужила статья 1349 Гражданского кодекса РФ, которая запрещает патентование «способов модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека»¹⁴. Мы считаем, что угроза нарушения конституционных прав и этических норм стоит довольно остро, и следует разработать больше способов по защите человеческого достоинства, но запреты все же не должны ограничивать желающих от реализации проектов, способных продвинуть науку вперед. В информационном письме Конституционного Суда РФ «Конституционно-правовая защита человеческого достоинства: актуальные аспекты» отмечается, что с подъемом генной инженерии, биотехнологий и цифровых технологий понятие человеческого достоинства претерпевает изменения, что влияет на формирование конституционных принципов и правовой системы¹⁵. Государство вместе с тем осуществляет и меры поддержки предпринимателей. Федеральный проект «Взлёт — от стартапа до IPO» включает в себя комплекс мероприятий, направленных на поддержку компаний, применяющих технологии в 16 ключевых областях. В их числе и генетические технологии. Важным направлением становится сосредоточение на национальных проектах технологического лидерства. Институты развития, включая Фонд содействия инновациям, продолжают адаптировать свои программы. В частности, рассматривается увеличение возрастного порога для биотехнологических компаний до 7–8 лет и внедрение системы скидок, предоставляющих новичкам на рынке доступ к дорогостоящему оборудованию, что крайне важно для проведения генетических исследований. Компаниям, внедряющим

¹¹ Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31 июля 2009 г. № А43-6661/2009-10-139 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об обращении лекарственных средств» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ. 19.04.2010. № 16. Ст. 1815.

¹³ Каримов В.Х., Казанцев Д.А. Потенциальные угрозы использования генетических технологий и правовые пути из разрешения // Вопросы безопасности. 2022. №1. Ст. 16.

¹⁴ Решение Суда по интеллектуальным правам от 15 июня 2020 г. №СИП-960/2019 // ГАРАНТ.РУ: Документы ленты ПРАЙМ.

¹⁵ Информация Конституционного Суда РФ «Конституционно-правовая защита человеческого достоинства: актуальные аспекты» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 30.10.2025) // Вестник Конституционного Суда РФ. 2025. №6.

передовые биотехнологии, планируют предоставить **комплекс** налоговых и иных льгот. Что касается инвестиций в биотехнологии и генную инженерию, инвесторы предпочитают вкладывать средства в зрелые активы и платформенные решения на ранних этапах. Капиталоёмкие проекты, такие как производство биотоплива и биорафинариев, финансируются через государственно-частное партнёрство, инфраструктурные фонды и национальные программы. Основная проблема заключается в несоответствии временных горизонтов: биотехнологические проекты требуют 10–20 лет для реализации, в то время как венчурные (быстрые рискованные) модели предполагают окупаемость в течение 5–7 лет. Критически важными инструментами для снижения рисков и стимулирования инвестиций являются гарантии выкупа, «зелёные» тарифы, налоговые льготы и совместные инвестиционные фонды. До 2030 года в Российской Федерации планируется развитие инвестиционных проектов, касающихся генной инженерии. С начала 2026 года стартовал новый национальный проект «Технологическое обеспечение биоэкономики». Его цель — разработка российских технологий генетического редактирования.

Подводя итоги, анализ правового регулирования генной инженерии в России показывает сложную систему, центральным элементом которой является Федеральный закон № 86-ФЗ. Закон устанавливает основные принципы, но носит рамочный характер, требуя обращения к подзаконным актам и техническим регламентам. Ключевой принцип — приоритет биологической безопасности. Существуют противоречия, особенно в аграрном секторе. Для совершенствования регулирования необходимо гармонизировать нормы, устранить противоречия и адаптировать законодательство к технологиям. Развитие отрасли зависит от коммерческого интереса и правовой оценки, обеспечивающей баланс между инновациями и защитой общества. Это взаимодействие дает основания для оптимистичной оценки создания стабильной правовой среды для безопасного развития биотехнологической отрасли.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // «СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»// СЗ РФ. 08.07.1996. № 28. Ст. 3348.
4. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об охране окружающей среды»// СЗ РФ. 14.01.2002. № 2. Ст. 133.
5. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об обращении лекарственных средств» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ. 19.04.2010. № 16. Ст. 1815.
6. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О лицензировании отдельных видов деятельности»//СЗ РФ. 09.05.2011. № 19. Ст. 2716.
7. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»: Федеральный закон № 43-ФЗ от 20 февраля 2026 г. // СЗ РФ. 2026. № 8. Ст. 987.
8. Указ Президента РФ от 21.01.2020 №20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 10 марта 2025 года) // СЗ РФ. 27.01.2020. № 4. Ст. 345.
9. Постановление Правительства РФ от 25.01.2022 №46 «О лицензировании деятельности в области использования возбудителей инфекционных заболеваний человека и животных (за исключением случая, если указанная деятельность осуществляется в медицинских целях) и генно-инженерно-

модифицированных организмов III и IV степеней потенциальной опасности, осуществляемой в замкнутых системах» (с изменениями и дополнениями от 14 апр., 23 окт. 2025 г.) // СЗ РФ. 31.01.2022. № 5. Ст. 779.

10. Постановление Правительства РФ от 18.01.2023 №35 «О порядке государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 11 дек. 2023 г., 12 мар. 2024 г.) // СЗ РФ. 23.01.2023. № 4. Ст. 654.

11. Белов О. А., Спиридонова Ю. Н., Одинцов А. И. Генная инженерия: проблемы уголовно-правового регулирования // Пенитенциарная наука. 2020. №4. С. 479-484.

12. Каримов В.Х., Казанцев Д.А. Потенциальные угрозы использования генетических технологий и правовые пути из разрешения // Вопросы безопасности. 2022. №1. С. 48-62.

13. Лисаченко А. В. Патентное регулирование в области генома // LexRussica. 2023. Том 76, №3 (196). С. 146-156.

14. Тимшина, Д. И. Мировой прорыв в использовании генетически модифицированных организмов. Проблемы использования ГМО в пищевой промышленности на территории РФ // Молодой ученый. 2021. № 46 (388). С. 39-43.

15. Витрина стартапов «Взлёт — от стартапа до IPO»// Министерство экономического развития Российской Федерации. — Москва. — URL: <https://www.bing.com/> (дата обращения: 28.02.2026).

16. Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно технической сфере: официальный сайт. —URL: <https://fasie.ru/> (дата обращения: 28.02.2026).

17. Технологическое обеспечение биоэкономики: национальный проект // Национальные проекты России: официальный сайт. — URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/bioekonomika/> (дата обращения: 05.03.2026).

18. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31 июля 2009 г. № А43-6661/2009-10-139 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Решение Суда по интеллектуальным правам от 15 июня 2020 г. №СИП-960/2019 // ГАРАНТ.РУ: Документы ленты ПРАЙМ.

20. Информация Конституционного Суда РФ «Конституционно-правовая защита человеческого достоинства: актуальные аспекты» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 30.10.2025) // Вестник Конституционного Суда РФ. 2025. №6.

Жданова Н.С.

кандидат исторических наук,
доцент кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»
e-mail: znina@mail.ru

Zhdanova N.S.

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Law and Methods of Teaching Social
and Economic Disciplines
Altai State Pedagogical University

ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФИНАНСОВОГО ПРАВА В ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОМ КУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности изучения финансового права через обращение к историческому своеобразие русскому обычному праву. Практика эффективной организации хозяйственной жизни русского общества на основе правовых обычаев требует осмысления для формирования глубоких отраслевых знаний. Изучение русского финансового права на основе теоретико-правового содержания как связующего вопросов обществознания демонстрирует самостоятельно выработанные в русской среде формы финансовых правоотношений, широкие низовые финансовые социальные связи, приоритет духовно-нравственных начал общественной жизни. Целостный образный порядок микро- и макро- финансово-правовых явлений составлял основу формирования социально ориентированной финансовой системы, включения личности в коллектив, согласования частных интересов в составе публичных. Метапредметное содержание обществознания способствует многоаспектному рассмотрению русских традиций финансово-правового регулирования, переосмыслению соотношения материальных и духовных ценностей, финансовых и экономических процессов, видению специфики национального правосознания, росту гражданского самосознания.

Ключевые слова: отечественный консерватизм, финансово-правовая традиция, русское национальное правосознание, финансовые правоотношения, финансово-правовая культура России, социально ориентированная финансовая система.

FOUNDATIONS OF FINANCIAL LAW STUDY IN THE SOCIAL STUDIES COURSE OF A MODERN GENERAL EDUCATIONAL SCHOOL

Abstract. The article examines the features of studying financial law by referring to the historical uniqueness of Russian customary law. The practice of effectively organizing the economic life of Russian society based on legal customs requires reflection in order to form deep sectoral knowledge. The study of Russian financial law based on its theoretical and legal content as a link between social science and economics demonstrates the forms of financial legal relations that have been developed independently in the Russian environment, as well as the broad-based financial social connections and the priority of spiritual and moral principles in public life. The holistic image of micro- and macro-financial and legal phenomena formed the basis for the development of a socially oriented financial system, the inclusion of individuals in the collective, and the coordination of private interests within the public sphere. The meta-subject content of social studies contributes to a multifaceted examination of Russian traditions of financial and legal regulation, a rethinking of the

relationship between material and spiritual values, financial and economic processes, an understanding of the specifics of national legal consciousness, and the growth of civic self-awareness.

Keywords: domestic conservatism, financial and legal tradition, Russian national legal consciousness, financial legal relations, financial and legal culture of Russia, and a socially oriented financial system.

Изучение системы финансовых правоотношений в обществоведческом образовании является основополагающим для понимания специфики функционирования современной экономики. Обществознание как метапредметная область знаний позволяет решить проблему осмысления финансовой системы в контексте основных обществоведческих подходов. Обращение к финансовому праву становится актуальным с целью показать школьникам изначально формирующееся своеобразие русских финансовых правоотношений, устойчивые традиции на основе включения в содержание правового материала исторических сюжетов и образных примеров. Поэтому целесообразно изучить русскую национальную специфику рассмотрения тематики финансовых правоотношений как основы формирования аналитического юридического мышления обучающихся. Соответственно, задачами является определение русского национального своеобразия финансовых теоретико-правовых идей как объединяющих обществознание, создание образных представлений при рассмотрении содержания вопросов финансового права.

Сегодня исторический контекст многих правовых вопросов является малоизученным и даже обзорно не включенным в учебный процесс. Научной новизной исследования является взгляд на явления финансового права как части культуры, имеющие социально-этический смысл, создаваемые в результате выверенной практической деятельности вне строгой формы. Теоретическую значимость исследования финансового права в курсе обществознания составляет осмысление истории финансовой системы, специфики обучения на основе исконно русских национальных обычаев и традиций, взаимосвязи процессов обучения и воспитания.

В условиях опоры на общенациональные интересы России идет интенсивный процесс осмысления и переосмысления отечественного исторического опыта в развитии общественных явлений на основе научных теорий и педагогической практики. Достижения науки и практики позволяют ответить на общественно-педагогический запрос по обновлению теории права и ее последовательной реализации в практике обществоведческого образования. Культурологический подход и отечественная консервативная правовая доктрина определяют специфику отечественного правопонимания и национального правосознания [4, с. 208-210; 6, с. 478], русских финансовых правоотношений [1, с. 59; 2, с. 206-224], методического обеспечения правового обучения и воспитания в современной системе образования [3, с. 18]. Результаты данных исследований являются основой для развития методики обучения праву.

Финансово-правовая тематика в составе обществоведческого образования занимает стратегическую позицию в условиях развития рыночной экономики. Теория русского финансового права способствует усвоению правовых традиций и изначально складывающегося национального своеобразия политически «напряженных» финансовых взаимоотношений в соотношении частных и публичных интересов. Обучение финансовому праву в курсе обществознания требует изучения теоретического содержания финансово-правовых отношений на основе выявления тенденций их развития в русской отраслевой системе. Практическая демонстрация компонентов финансовых правоотношений строится на использовании художественной наглядности в обучении, образность которой позволяет ярко представить наиболее значимые фрагменты финансовых правовых обычаев русской народной среды.

Русское финансовое право традиционно отражает процесс одностороннего регулирования государством финансовой деятельности с целью реализации общесоциальных ценностей. Возникновение и развитие отечественных финансовых правоотношений обусловлено волей публичного субъекта –

государства, а также входящих в его состав территориальных образований, наделенных властной компетенцией. Финансовое право как политика государства в сфере финансовой деятельности обеспечивает единство и стабильность регулирования финансово-правовых отношений в различных областях общественной жизни. Проводя финансовую политику, государство регулирует темпы экономического развития страны. Вместе с тем, состояние экономики зависит от уважения к национальным, историческим, культурным особенностям государства. Отечественные финансовые традиции выражают взгляды многонационального населения на микро- и макро- явления и представляют целостный образный порядок.

Правоотношения в сфере финансовой деятельности государства на первичных этапах существования государственности строились на основе властности, безусловного исполнения государевой воли и господстве государственной формы собственности. Публичные потребности изначально были невелики, не требовали значительных, централизованно финансируемых расходов. Финансовые правоотношения как властеотношения по своей природе изначально имели имущественно-властное начало, фактор управления в которых основывался на распоряжении земельными владениями. Имущественные отношения, основанные на властном подчинении, по определению всегда конфликтны, что исторически приводило к необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов, нивелирования политических конфликтов через установление государством договорных правоотношений с местностями и должностными лицами. Со временем росла доля финансовых правоотношений, имеющих неимущественный характер, что способствовало увеличению процессуально-процедурных отношений, прежде всего, в бюджетной и налоговой сферах. Значение специальных видов общественных отношений (банковских, валютных) также расширялось.

Значительное внимание к имущественной первооснове в правовом регулировании финансовых правоотношений приводит к эволюции государственного хозяйства в сторону необходимости учета разнообразных экономических процессов. Отношения экономического порядка являются отношениями, в которых государство выступает не только как властный субъект (субъект-суверен), но и как субъект экономически заинтересованный в хозяйствовании (государство-казна). Организация финансов через государственный бюджет позволила государству перейти от ведения хозяйства посредством присвоения к управляемому сбережению. Возник вопрос о государственных расходах на защиту суверенного и имущественного статуса главы государства. Стал развиваться государственный аппарат управления государевой собственностью, юридически организующий расходы на содержание главы государства. Управление стало рассматриваться как неотъемлемый атрибут государственной деятельности в сфере финансов. Бюджет приобрел денежный характер, а деньги – разные формы.

Государственное имущество в виде природных богатств постепенно приобретает образ источника доходов бюджета, в том числе денежного эквивалента. Образом государства как хозяина земли и природных ресурсов пронизаны правовые документы и художественные произведения ранних эпох. Постепенно формировался образ государства как субъекта-суверена с казной, имеющего свои финансовые и материальные интересы, поэтому финансовые правоотношения регулировались исключительно как государственно-правовые [7, с. 591-662]. Русское государство изначально сформировалось как активный субъект финансовой системы, регулирующий при помощи финансов хозяйственную жизнь.

Государственное хозяйство эволюционировало в сторону необходимости учета разнообразных экономических процессов и одновременного воздействия на общественные отношения в пределах властных интересов государства. В итоге экономические свойства финансово-правового регулирования, как и роль государства в качестве экономически заинтересованного субъекта, хозяйственника, все больше усиливаются. Происходит фундаментальное изменение системы государственного управления, в

котором нормы финансового права выполняют функции распределения и стимулирования. Властное воздействие государства на экономику и сферу финансов способствовало формированию социальной экономики с учетом потребностей населения. Возможность вступления в финансово-правовые отношения во многих случаях зависела от свободного волеизъявления их участников. Поэтому анализ многих финансово-правовых явлений требует обращения к теории и практике частно-правового регулирования, построенного, зачастую, на правовых обычаях.

Дальнейшее развитие финансовых правоотношений обусловлено волей публичного субъекта – государства, а также входящих в его состав территориальных образований, наделенных властной компетенцией. Образ единой финансовой системы с центральной ролью государственных органов и подчиненным положением регионов, а также образ вассалитета во взаимоотношениях центральной и региональной власти отражает российский опыт. Преобладание публичного интереса над частным, одностороннее регулирование общественных отношений в целях обеспечения деятельности публично-правовых образований является характерным для финансового права как отрасли публичного права. В развитом государстве публичный интерес наделяется существенным приоритетом перед интересом индивидуального или коллективного индивида.

Традиционалистский характер российской государственности способствовал тому, что большинство заимствований в правовой области имели отношение не к частному, а к публичному праву, были ориентированы на привнесение в отечественную правовую культуру механизмов, связанных с государственным регулированием, а не со сферой интересов личности. Становление финансового права как самостоятельной отрасли проходило через эволюцию правовых идей по осмыслению места и роли публичного и частного права в жизни общества и государства. Разработка и принятие норм финансового права осуществлялись на основе финансово-правовых идей, которые стали активно высказываться как учеными, так и государственными деятелями еще с начала XIX в., в дореформенный период, во многом предвосхищая формирование соответствующих государственно-общественных потребностей. Именно в начале XIX в. зародилась отечественная финансово-правовая мысль как совокупность идей, взглядов и концепций, разработанных и высказываемых представителями юридической науки и практики и направленных на поиск оптимальных моделей совершенствования правового регулирования финансовой деятельности.

Теоретико-правовые представления о правовом регулировании финансов, как правило, следовали за соответствующими узаконениями и судебной практикой, тогда как, скажем, в гражданском, трудовом, экологическом праве тот или иной правовой институт рождался в результате выявленной наукой общественной потребности или необходимости. Отсюда и «качество» правового материала, которым оперируют финансисты. Как правило, новому институту финансовой системы требуется много времени, чтобы стать полноценным институтом финансового права.

На заре становления финансово-правовой мысли она тесно смыкается с финансово-экономической мыслью. В целом, развитие финансово-правовой науки как самостоятельной отрасли научных знаний стало возможным благодаря междисциплинарному характеру научных исследований. Правовые аспекты изучались учеными и практиками в России в неразрывной связи с аспектами экономическими, финансовыми, политическими и историческими. По сути, финансовое право в России зародилось в недрах экономических и политических наук. На следующем этапе стала возможной специализация и формирование новых научных дисциплин, в том числе финансового права.

Дореформенная и пореформенная, официальная и доктринальная финансово-правовая мысль актуализировала финансово-правовые идеи в контексте эволюции общественного строя. Первый, дореформенный период становления отечественной финансово-правовой мысли был связан с накоплением идей преодоления крепостнической финансовой системы. Данные идеи, отражавшие

требования общественного развития, отличались невысокой степенью практической востребованности. Второй, пореформенный период, отличается активными преобразованиями на основе ранее выдвинутых идей, что связано с изменением социально-экономических и политических условий. Осмысление финансовой деятельности государства разными финансовыми агентами формировало образ финансово-экономической культуры как деловой, который отличался содержанием правоотношений и внешним стилем поведения.

Развитое социальное сознание русского человека повлияло на выработку социально ориентированной финансовой системы, соответствующей равноправному общественному устройству и разумному управлению жизнедеятельностью общества. Взаимная ответственность и финансовая помощь нуждающимся являлись основой экономического равенства, защищаемого христианством. Существование равноценного распределения материальных благ породило собственное понимание финансовой устойчивости государства. Эффективная социальная организация всех уровней на основе развития чувства участия, взаимопомощи, правильного восприятия социальных позиций в обществе помогали достигать значительных экономических результатов и в целом определяли успех финансового развития государства. Финансовая деятельность русского общества исторически была основана на учете географического положения местности и особого хозяйственного уклада, что способствовало включению населения в экономические отношения, хозяйственному и культурному развитию. Финансовой основой местного бюджета являлись семейно-трудовые домашние хозяйства, деятельность которых имела комплексный характер.

Включение в различные виды сельской деятельности сопровождалось одновременным активным членством в местных кооперативах, влияющих на развитие территориальной производственной базы и местного финансового обеспечения. Образ кооперации в России как сельской стране влиял на концентрацию стихийно расположенных мелких хозяйств в крупные сельскохозяйственные производственные единицы, способствующие организации многих экономических и социальных процессов, рациональному распределению производственных и трудовых ресурсов. Производственные отношения составляли особый тип социальной связи, способствующий развитию отраслей хозяйства, освоению новых земель, ускорению темпов развития целых стран. Развитие кооперации являлось добровольным способом преобразования сельского хозяйства через объединение населения для ведения слаженной хозяйственной деятельности. Кооперация России, даже развиваясь в условиях рыночной экономики, по природе не была явлением капиталистическим, выполняла задачи социального предпринимательства. Организация сельских артелей и кооперативов позволяла снижать социальные риски и достигать социальной стабильности посредством обширной поддержки населением коллективных форм предпринимательской деятельности. Распространение мелких промышленных предприятий посредством кооперации интенсифицировало финансовые потоки на местах.

Образ кредита в русской среде воспринимался как общественное явление, выражающее интересы нации, преобладание общественных целей над индивидуальными. Производительный способ использования кредита влияет на воспроизводство, ускоряет хозяйственный оборот, экономизирует налично-денежное обращение. Кредит в миропонимании русского человека является помощью, поддержкой, имеющей социальное назначение, что не предусматривает экономические характеристики в качестве основных. В этом случае кредит функционирует не как капитал, а как ссуда денег, при которой взывание процента не обязательно. Платность за пользование кредитом не является его целевым ориентиром. В личной форме кредита, акте дарения взимание процента чаще всего отсутствует. Исторически помощь осуществлялась экономическим субъектам, деятельность которых имела высокое производственное значение для отрасли, приводила к укреплению положения населения.

Образ русской банковской системы изначально формировался как выполняющий социальную роль в качестве основной при покровительстве государства. Образ Государственного банка символизировал экономическое единство страны. Традиционная практика банковского дела ориентировалась на решение не только экономических, но и общественных задач, что повышало культурный уровень населения. Организация рациональной кредитной системы и ускорение экономического развития страны достигались за счет аккумуляции небольших взносов населения в кооперативных банках. Хозяйственная деятельность сельскохозяйственных банков связывалась с оборотами отдельных предприятий и домохозяйств и занимала самостоятельное место в структуре сельской экономики. Первые банкирские дома и коммерческие банки являлись центрами посреднических кредитных и платежных операций, осуществляющих простейшие банковские операции в совокупности с торговыми [5, с. 30].

Хозяйственная деятельность русского человека строилась на софийном начале творческого хозяйствования, сопряжении творчества с развитием сознания человека, единении человека с хозяйственной средой, гармонии внутри хозяйствующего общества. Хозяйственно-экономическая и культурно-бытовая деятельность местного самоуправления влияла на рост экономического благосостояния населения и местностей. Образ земств характеризует развитие на селе многих направлений сельскохозяйственной деятельности. Значительную роль для государственной экономики имело становление статистического учета по всем отраслям сельского хозяйства, проведение подворной и поселенной переписи, ведение текущих наблюдений в разных сферах общественной жизни. Объектом изучения земской статистики являлась местная общественная жизнь как единое целое, что значительно отличало ее от европейской статистической практики. Земская статистика отличалась широким аналитическим характером, а не только формальным математическим подсчетом, что повлияло на эффективную реализацию задач управления и вызвало к жизни прогнозирование и планирование местной деятельности [1, с. 59].

Образ страхования традиционно представлял собой одно из направлений финансового развития русского государства, обеспечивающего приток денежных средств в экономику с целью их социального перераспределения. Социальная природа страхования исторически выражалась в сочетании коллективных и личных интересов его участников, поддержании взаимосвязи между социальными позициями участников экономической деятельности и их хозяйственным поведением. Развитию страхования на территории русского государства способствовала необходимость поддержания устойчивости национальной и местной экономики в условиях рискованного характера общественного производства. Главным источником беспокойства на территории России изначально выступали огневые риски. Солидарная замкнутая раскладка имущественного ущерба между заинтересованными владельцами имущества с целью поддержания хозяйственной состоятельности сторон исторически составляла сущность страхования в России. Страхование как разновидность хозяйственной, предпринимательской деятельности осуществлялось в соответствии со строгим целевым назначением для наиболее полной социальной защиты населения. Эффективная система страхования защищала общество от острых социальных потрясений, стимулировала развитие отраслей народного хозяйства и способствовала экономическому росту. Единство страхования, сочетание и взаимопроникновение различных его сфер создавало гарантированную защиту имущественных интересов населения.

Образ железнодорожного строительства олицетворял исторически крупную отрасль государственного хозяйства и стратегический объект финансирования на территории России. Развитие крупной промышленности и перестройка сельского хозяйства в стране традиционно находились в неразрывной связи с созданием разветвленной железнодорожной сети. Ключевой государственной

задачей являлось сооружение новых железных дорог, изготовление и приобретение подвижного состава и железнодорожного оборудования.

Таким образом, властная природа финансовой деятельности влияла как на решение управленческих и материальных задач, так и на развитие нравственных начал общественной жизни. Русская финансово-правовая традиция сформировала подчиненное социальным и духовным интересам восприятие роли материальных правоотношений в общественной системе. Формирование финансовых правоотношений исторически осуществлялось сверху усилиями правительства, что объяснялось фискальными интересами и потребностями государства. Публично-правовое регулирование финансовой деятельности обусловило преобладание общественных целей над индивидуальными, встроенность личных интересов в структуру коллективных задач. Рассмотрение в составе обществознания вопросов финансового права включает опору на национальные традиции финансово-правового регулирования с целью глубокого понимания специфики финансовых правоотношений в русской среде.

Литература:

1. Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура / В. Ф. Абрамов. М.: НИКА, 1996. 165 с.
2. Васев И.Н., Синкин К.А., Васильев А.А. Обычное право русской крестьянской общины (XIX – начало XX вв.) / И.Н. Васев, К.А. Синкин, А.А. Васильев. М.: Юрлитинформ, 2019. 326 с.
3. Калущкая Е.К. Государство как объект изучения на уроках обществознания / Е.К. Калущкая // Преподавание истории в школе. 2012. № 5.
4. Концепция правового воспитания российского общества: коллективная монография / под ред. В.В. Сорокина, А.А. Васильева. Барнаул: Азбука, 2014. 270 с.
5. Лаврушин О.И. Эволюция теории кредита и его использование в современной экономике: монография / О. И. Лаврушин. М.: КноРус, 2021. 394 с.
6. Мальцев Г.В. Культурные традиции права / Г.В. Мальцев. М.: Норма, 2013. 607 с.
7. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т.: Т. IV. Финансовое право России: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова, докт. юрид. наук, доц. Х.В. Пешковой. М.: Юрлитинформ, 2021. 584 с.

Парцвания С.В.

магистрант

факультет туризма и сервиса

ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

e-mail: parzvania.semen02@gmail.com

Сыркова И.С.

кандидат экономических наук,

доцент кафедры управления и технологий в туризме и рекреации

ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

Partsvania S.V.

Master's Student

Faculty of Tourism and Service

Sochi State University

Syrkova I.S.

Candidate of Economic Sciences,

Associate Professor of the Department of Management and Technology in Tourism and Recreation

Sochi State University

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются процессы цифровой трансформации ресторанного бизнеса как ключевого сегмента туристской инфраструктуры. Проанализированы основные цифровые технологии, применяемые в современном ресторанном менеджменте: системы онлайн-бронирования и доставки, технологии дополненной и виртуальной реальности, искусственный интеллект для оптимизации меню, большие данные, QR-технологии и платформы продвижения в социальных сетях. На основе обобщения отечественных научных подходов показано, что цифровизация повышает операционную эффективность предприятий общественного питания, персонализирует клиентский опыт и усиливает конкурентоспособность ресторанного бизнеса в туристских дестинациях. Одновременно выявлены ключевые барьеры внедрения инноваций: финансовые ограничения, дефицит цифровых компетенций у персонала, риски утраты аутентичности и проблемы информационной безопасности. Сделан вывод о перспективности гибридной модели ресторанного бизнеса, сочетающей технологические решения с сохранением культурной идентичности гастрономического продукта.

Ключевые слова: цифровизация, ресторанный бизнес, искусственный интеллект, дополненная реальность, большие данные, гастрономический туризм, инновации.

DIGITALIZATION OF THE RESTAURANT BUSINESS: MODERN TRENDS AND PROSPECTS

Abstract. The article examines the processes of digital transformation in the restaurant business as a key segment of tourist infrastructure. The main digital technologies used in modern restaurant management are analyzed: online booking and delivery systems, augmented and virtual reality technologies, artificial intelligence for menu optimization, big data, QR technologies and social media promotion platforms. Based on the generalization of domestic scientific approaches, it is shown that digitalization increases the operational efficiency of public catering enterprises, personalizes the customer experience and enhances the competitiveness

of the restaurant business in tourist destinations. At the same time, key barriers to innovation implementation are identified: financial constraints, lack of digital competencies among staff, risks of losing authenticity and information security issues. The conclusion is made about the prospects of a hybrid model of the restaurant business, combining technological solutions with preserving the cultural identity of the gastronomic product.

Keywords: digitalization, restaurant business, artificial intelligence, augmented reality, big data, gastronomic tourism, innovation.

Ресторанный бизнес является важнейшим элементом туристской инфраструктуры и одним из наиболее динамично трансформирующихся секторов экономики впечатлений. В условиях нарастающей конкуренции за туристский поток предприятия общественного питания всё активнее обращаются к цифровым технологиям как инструменту повышения привлекательности, операционной эффективности и клиентоориентированности. Цифровая трансформация ресторанного бизнеса охватывает широкий спектр решений: от автоматизации процессов обслуживания и бронирования до применения технологий дополненной реальности (AR), искусственного интеллекта (ИИ) и больших данных (Big Data). Вместе с тем этот процесс порождает новые вызовы, связанные с балансом между технологической модернизацией и сохранением аутентичности гастрономического продукта – особенно в контексте гастрономического туризма.

Актуальность темы обусловлена тем, что ресторанный бизнес занимает центральное место в формировании гастрономического кода территории и туристской привлекательности региона. В этой связи изучение современных трендов цифровизации ресторанной индустрии представляет значительный научный и практический интерес. Цель настоящей статьи – систематизировать ключевые цифровые технологии, применяемые в ресторанном бизнесе, выявить их влияние на развитие гастрономического туризма, а также охарактеризовать основные барьеры и перспективы цифровой трансформации отрасли.

К вопросам цифровизации ресторанного бизнеса и смежным аспектам гастрономического туризма обращались отечественные и зарубежные исследователи.

Аксенова Д. Д. рассматривает информационные технологии в качестве основного двигателя экономического роста и модернизации различных секторов экономики. Автор приходит к выводу, что в краткосрочной предпологаемом будущем, одним из наиболее инновационных решений для российских предприятий ресторанного бизнеса является разработка собственных мобильных приложений, интегрирующих наиболее востребованные для клиентов функции и создающие условия для повышения лояльности потребителей и информированности маркетинговой политики [1].

Зыгалова, Е. Д. выделяет следующие тренды развития инноваций в сфере ресторанного бизнеса:

- автоматизация и роботизация выйдут на новый уровень: от роботов-официантов к полностью автоматизированным линиям приготовления;
- искусственный интеллект эволюционирует от аналитического инструмента к креативному партнёру, участвующему в разработке новых рецептов и прогнозировании вкусовых трендов;
- Рынок будет двигаться по пути одновременной консолидации и диверсификации.

Исследователь утверждает, что ключевой компетенцией ресторатора будущего становится системное мышление, позволяющее гармонично интегрировать технологическую эффективность, экономическую устойчивость и эмоциональную ценность [2].

Лымарь, Ю. В. называет инновации одним из основных факторов развития ресторанного бизнеса, поскольку для людей качество блюд и хорошее обслуживание стало обыденностью, эти факторы перестали оцениваться должным образом. Авторы делают вывод о том, что именно инновации являются инструментом, благодаря которому предприятия могут позволить себе увеличить возможности

предоставляемых услуг, что привлекает заинтересованных потребителей и способствует увеличению их интереса к данному заведению [3].

Рожественская Л. Н., Рогова О. В. и Чередниченко Л. Е. исследуют потенциал внедрения единой цифровой информационной среды, ориентированной на индустрию питания мегаполиса. По их оценке, создание и последующее использование единой цифровой информационной среды позволит существенно упростить осуществление аналитических и прогнозных расчетов на рынке индустрии питания для аналитиков, принятие решений собственникам бизнеса, мониторинг качества предоставляемых услуг органами надзора и муниципальной власти и тд.[4].

Скоробогатов М. В. и Минченко Л. В. рассматривают условия и задачи цифровизации предприятий общественного питания в России, ключевые составляющие развития рынка общественного питания и выделяют основные тренды использования информационных технологий в связи с реализацией правительственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Исследователями, на основе проведенного анализа в статье, был предложен поэтапный алгоритм внедрения инструментов цифровизации на предприятиях фуд – индустрии, который позволяет быстро и оптимально с точки зрения затрат получить ожидаемый эффект. [5].

Основные цифровые технологии в ресторанном бизнесе

Современный ресторанный бизнес активно интегрирует разнообразный спектр цифровых решений, каждое из которых выполняет специфические функции и создаёт дополнительную ценность для потребителей и операторов.

1. Онлайн-платформы бронирования и доставки. Агрегаторы и специализированные приложения (Яндекс.Еда, Delivery Club, iiko и др.) формируют новый уровень доступности ресторанных услуг. Для туристов они обеспечивают возможность заблаговременно ознакомиться с гастрономическим предложением дестинации, забронировать столик или заказать доставку аутентичных блюд. Интеграция с картографическими сервисами создаёт основу для формирования цифровых гастрономических маршрутов, органично вписанных в туристскую логику.

2. QR-технологии и цифровые меню. Переход на QR-меню, ускоренный в период пандемии COVID-19, стал устойчивым трендом ресторанной индустрии. Цифровые меню позволяют оперативно актуализировать ассортимент, встраивать мультимедийный контент (видеорецепты, истории блюд, информацию о локальных продуктах), а также реализовывать функции персонализации с учётом диетических предпочтений гостя. В контексте этногастрономического туризма QR-метки могут содержать нарратив о культурном происхождении блюда, его месте в традиционной кухне народов региона.

3. Технологии дополненной и виртуальной реальности. AR/VR-решения открывают принципиально новые форматы гастрономического опыта. Дополненная реальность позволяет визуализировать блюдо до его подачи, демонстрировать процесс приготовления в интерактивном формате, создавать образовательный контент о традиционных технологиях кулинарии. Виртуальная реальность обеспечивает иммерсивное погружение в культурный контекст: гость может совершить виртуальную экскурсию на ферму-поставщика, в этнографический музей или на традиционный рынок, не покидая ресторан. Эти технологии особенно востребованы в сегменте премиального гастрономического туризма и форматах «шоу-кухни».

4. Искусственный интеллект и оптимизация меню. Системы машинного обучения анализируют клиентские предпочтения, сезонные паттерны спроса, остатки продуктов и рыночные тренды для формирования оптимального меню. ИИ-алгоритмы способны персонализировать рекомендации для каждого гостя на основе истории заказов и диетических ограничений, прогнозировать загрузку заведения и автоматически корректировать ценообразование. В ресторанах, ориентированных на гастрономический

туризм, ИИ может адаптировать меню с учётом туристского профиля аудитории, актуального сезона и региональной событийной повестки.

5. Большие данные (Big Data) и аналитика. Анализ больших массивов данных о поведении потребителей, отзывах, транзакциях и геопозиционировании позволяет операторам ресторанного бизнеса принимать обоснованные управленческие решения. Big Data обеспечивает понимание предпочтений туристских сегментов, выявляет «точки притяжения» на гастрономической карте территории и служит основой для разработки событийной программы. На уровне региональной туристской политики агрегированные данные ресторанной индустрии могут использоваться для оценки эффективности гастрономических брендов и корректировки стратегии продвижения.

6. Социальные сети и инфлюенсер-маркетинг. Платформы визуального контента (Instagram, TikTok, ВКонтакте) стали ключевым каналом продвижения ресторанного бизнеса и формирования гастрономического имиджа территории. Пользовательский контент (UGC) – фотографии блюд, видеообзоры, отзывы – обладает высоким доверительным потенциалом и напрямую влияет на выбор туристов. Рестораны, выстраивающие системную работу с аудиторией в социальных сетях и привлекающие гастрономических блогеров, получают устойчивое конкурентное преимущество на туристском рынке.

7. Чат-боты и виртуальные ассистенты. Интеграция чат-ботов на сайты, в мессенджеры и мобильные приложения автоматизирует процессы бронирования, обратной связи, информирования об акциях и специальных предложениях. Для иностранных туристов особую ценность представляет многоязычный режим работы виртуального ассистента, обеспечивающий коммуникацию без языкового барьера и повышающий доступность аутентичного гастрономического опыта.

Барьеры цифровизации ресторанного бизнеса

Несмотря на очевидные преимущества, процесс цифровой трансформации ресторанного бизнеса сопряжён с рядом существенных ограничений, препятствующих равномерному распространению инноваций.

Финансовые барьеры. Высокая стоимость внедрения и обслуживания цифровых систем остаётся основным препятствием для малого и среднего ресторанного бизнеса, составляющего основу аутентичного гастрономического предложения туристских территорий. Разрыв между технологическими возможностями крупных сетевых операторов и локальными заведениями усиливает цифровое неравенство в отрасли.

Дефицит цифровых компетенций. Нехватка квалифицированных специалистов в области цифрового маркетинга, работы с данными и управления цифровыми платформами ограничивает эффективность внедряемых технологий. Особенно остро эта проблема проявляется в небольших городах и сельских районах, где сосредоточены уникальные этногастрономические практики, наиболее ценные для туристского сектора.

Риски утраты аутентичности. Ориентация на «цифровую витрину» и визуальную привлекательность контента для социальных сетей может приводить к упрощению рецептур, стандартизации подачи и деградации культурного нарратива блюд. В условиях, когда аутентичность является ключевым конкурентным преимуществом гастрономической дестинации, подобная трансформация несёт стратегические риски для регионального туристского бренда.

Проблемы информационной безопасности. Накопление персональных данных клиентов – платёжной информации, гастрономических предпочтений, геолокации – создаёт риски кибербезопасности и требует соответствия требованиям федерального законодательства о персональных данных. Недостаточная защита информации способна нанести серьёзный репутационный ущерб предприятию и дестинации в целом.

Перспективы цифровой трансформации ресторанного бизнеса

Анализ современных трендов позволяет выделить несколько перспективных направлений развития цифровизации ресторанного бизнеса в контексте гастрономического туризма.

Во-первых, формирование цифровых гастрономических экосистем, объединяющих рестораны, туристские платформы, транспортные сервисы и культурные учреждения в единую инфраструктуру гастрономического туризма. Такие экосистемы обеспечивают бесшовный пользовательский опыт от планирования маршрута до постпоездочного взаимодействия с дестинацией.

Во-вторых, технологии 3D-печати еды и молекулярной гастрономии открывают новые возможности для презентации региональных кулинарных традиций в инновационных форматах. Сочетание современных технологий приготовления с аутентичными локальными ингредиентами и рецептурами формирует уникальный гастро-хай-тек продукт, способный стать «визитной карточкой» территории.

В-третьих, развитие технологий персонализации на основе ИИ позволит создавать индивидуализированные гастрономические маршруты, учитывающие не только вкусовые предпочтения туриста, но и его культурные интересы, физическое состояние, бюджет и временные ограничения. Такой подход существенно повышает ценностное предложение гастрономического туризма.

Наконец, применение больших данных для мониторинга и управления репутацией гастрономической дестинации позволит региональным операторам туризма оперативно реагировать на изменения туристского спроса и корректировать продвижение в реальном времени.

Заключение

Проведённый анализ свидетельствует о том, что цифровизация ресторанного бизнеса является объективной тенденцией, кардинально меняющей модели управления предприятиями общественного питания и их взаимодействия с потребителями. Онлайн-платформы, технологии AR/VR, искусственный интеллект, Big Data и социальные сети формируют принципиально новую архитектуру гастрономического опыта, повышая его доступность, персонализацию и культурную насыщенность. В контексте гастрономического туризма цифровые технологии выступают мощным инструментом продвижения региональных кулинарных брендов и формирования туристской привлекательности территорий.

Вместе с тем эффективная цифровая трансформация ресторанного бизнеса требует преодоления финансовых барьеров, развития цифровых компетенций персонала, выстраивания надёжной системы защиты данных и – что особенно важно – сохранения аутентичности гастрономического продукта как носителя культурного кода территории. Наиболее перспективной представляется гибридная модель, в которой цифровые технологии служат инструментом углубления и тиражирования традиционного гастрономического опыта, а не его замещения. Именно такой подход обеспечивает долгосрочную конкурентоспособность ресторанного бизнеса в сегменте гастрономического туризма.

Литература:

1. Аксенова, Д. Д. Инновационные технологии в ресторанном бизнесе / Д. Д. Аксенова, Н. И. Морозова // Маркетинг в 3-м тысячелетии: Материалы международной научно-практической интернет-конференции преподавателей, аспирантов, студентов, Донецк, 25 апреля 2025 года. – Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, 2025. – С. 116-118. – EDN VXANTG.

2. Зыгалова, Е. Д. Инновации в сфере ресторанного бизнеса в 2025 году: от цифровизации к уникальному опыту / Е. Д. Зыгалова // Наука - сервису: Материалы XXX-й Юбилейной международной

научно-практической конференции, Москва, 16 декабря 2025 года. – Москва: Российский государственный университет туризма и сервиса, 2026. – С. 33-40. – EDN ICFPVQ.

3. Лымарь, Ю. В. Инновации в ресторанном бизнесе / Ю. В. Лымарь // Туризм и гостеприимство: новые концепции, возможности и инструменты развития: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Белгород, 20 апреля 2023 года. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023. – С. 166-171. – EDN MUJWZW.

4. Рождественская Лада Николаевна, Рогова Ольга Валерьевна, Чередниченко Лариса Евгеньевна Особенности цифровой трансформации предприятий индустрии питания // КЭ. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tsifrovoy-transformatsii-predpriyatiy-industrii-pitaniya> (дата обращения: 15.06.2026).

5. Скоробогатов М. В., Минченко Л. В. Внедрение инструментов цифровизации в сфере общественного питания // Экономика и экологический менеджмент. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-instrumentov-tsifrovizatsii-v-sfere-obschestvennogo-pitaniya> (дата обращения: 15.06.2026).

Русанова С.Ю.

кандидат юридических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»**Дробаха В.В.**

студент

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»**Rusanova S.Yu.**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Drobakha V.V.

Student

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию понятия и системы принципов административного судопроизводства в Российской Федерации. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе не только норм-принципов, прямо закрепленных в статье 6 КАС РФ, но и тех фундаментальных начал (диспозитивность, осуществление правосудия только судом, процессуальная истина), которые выводятся доктриной и судебной практикой из смысла закона.

Ключевые слова: административное судопроизводство, принципы права, система принципов, КАС РФ, активная роль суда, законность.

THE CONCEPT AND SYSTEM OF PRINCIPLES OF ADMINISTRATIVE PROCEDURE: GENERAL CHARACTERISTICS

Abstract. This article examines the concept and system of principles of administrative procedure in the Russian Federation. The scientific novelty of the work lies in its comprehensive analysis not only of the norm-principles directly enshrined in Article 6 of the Administrative Procedure Code of the Russian Federation, but also of those fundamental principles (dispositiveness, administration of justice solely by a court, procedural truth) that are derived by legal doctrine and judicial practice from the meaning of the law.

Keywords: administrative procedure, principles of law, system of principles, Administrative Procedure Code of the Russian Federation, active role of the court, legality.

Март 2015 года стал важной вехой в развитии российской правовой системы. Именно тогда был принят Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. Событие это нельзя назвать рядовым — оно подвело черту под длительным периодом поиска оптимальной формы рассмотрения споров между гражданами и властью, длившимся без малого два десятилетия. До появления КАС РФ такие дела рассматривались по правилам гражданского процесса, что, мягко говоря, не всегда учитывало их публично-правовую природу. Возникал своего рода когнитивный диссонанс: спор с чиновником, основанный на отношениях власти и подчинения, пытались втиснуть в прокрустово

ложе процесса, созданного для горизонтальных, частноправовых отношений. Л.А. Терехова в своих работах совершенно справедливо отмечает, что принципы являются не абстрактными идеями, витающими где-то в теоретических пространствах, а действующими регуляторами, которые пронизывают всю ткань процесса. С этим трудно спорить, особенно наблюдая за правоприменительной практикой. Действительно, принципы работают на каждом этапе — от подачи иска до вынесения решения и его пересмотра в апелляционной или кассационной инстанции. Более того, именно через призму принципов суды вышестоящих инстанций оценивают законность и обоснованность принятых актов.

Цель настоящей статьи видится в том, чтобы рассмотреть понятие принципов административного судопроизводства, проанализировать их систему как единого комплекса и выявить специфику, отличающую данный процесс от смежных правовых явлений. При этом особое внимание будет уделено дискуссионным вопросам, которые до сих пор вызывают споры в научной среде, а также проблемам правоприменения, с которыми сталкиваются практикующие юристы.

Понятие принципов административного судопроизводства. В юридической науке принципы права традиционно определяются как исходные, базовые начала, выражающие сущность и социальное назначение правового регулирования. Это своего рода аксиомы, на которых строится все здание процессуального права. Применительно к административному судопроизводству речь идет о нормативно закрепленных руководящих положениях, которые предопределяют организацию судов и процессуальную деятельность участников при рассмотрении административных дел. Здесь важно подчеркнуть: принципы — это не пожелания и не рекомендации, а обязательные к исполнению правила, имеющие нормативную природу. Важно понимать: эти положения не возникают из ниоткуда. Они обусловлены реальными социально-экономическими и политическими условиями жизни общества. Когда меняется общество, меняются и принципы. Когда государство начинает иначе понимать свои отношения с гражданами, это неизбежно отражается на процессуальной форме. Возьмем, к примеру, принцип активной роли суда. В советский период, когда государство доминировало над личностью, этот принцип имел совершенно иное наполнение — суд был активен в интересах государства, а не в интересах слабой стороны. Сегодня акценты сместились. Анализ действующего законодательства и доктринальных источников позволяет выделить несколько сущностных характеристик принципов административного судопроизводства, которые в совокупности дают представление об их правовой природе.

Во-первых, нормативность. Большинство принципов имеют прямое текстуальное закрепление, прежде всего в статье 6 КАС РФ. Законодатель не оставляет их на уровне доктринальных пожеланий, а превращает в обязательные правила. Это важно, поскольку придает принципам юридическую силу и обеспечивает их реализацию через механизмы процессуального принуждения. Судья не может игнорировать принцип, ссылаясь на его абстрактность, — принцип так же обязателен, как и любая иная норма.

Во-вторых, фундаментальность. Принципы служат базисом для всех процессуальных институтов. Они определяют права и обязанности участников, правила доказывания, стадийность процесса и многое другое. Без принципов процесс превратился бы в хаотичный набор разрозненных процедур, лишенных внутренней логики и системности. Именно принципы придают процессу стройность и предсказуемость. Значение принципов выходит далеко за рамки теоретических конструкций. Они не только формируют архитектуру процесса, но и выполняют важнейшую правоприменительную функцию. Когда в законодательстве обнаруживается пробел, когда конкретная ситуация не урегулирована нормами, суды обращаются к принципам. Часть 4 статьи 2 КАС РФ прямо предусматривает такую возможность: при отсутствии нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе административного судопроизводства, суд применяет норму, регулирующую сходные отношения

(аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действует исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права).

Таким образом, принципы выполняют роль своеобразного страховочного механизма, не позволяющего процессу остановиться из-за несовершенства законодательной техники. Они выступают тем компасом, который позволяет суду найти верное решение даже в ситуации, когда прямых нормативных ориентиров нет.

Система принципов: способы закрепления и классификация. Легальная система принципов административного судопроизводства зафиксирована в статье 6 КАС РФ. Законодатель включил в нее семь позиций:

- независимость судей;
- равенство всех перед законом и судом;
- законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел;
- осуществление административного судопроизводства в разумный срок и исполнение судебных актов в разумный срок;
- гласность и открытость судебного разбирательства;
- непосредственность судебного разбирательства;
- состязательность и равноправие сторон при активной роли суда.

Казалось бы, перечень исчерпывающий. Но это только на первый взгляд. Более глубокий анализ показывает, что система принципов значительно шире того, что указано в одной статье. И здесь мы сталкиваемся с интересной особенностью законодательной техники: не все принципы могут быть выражены в одной формуле, некоторые рассредоточены по всему тексту кодекса. А.Т. Боннер, известный специалист в области процессуального права, справедливо указывает на существование принципов «скрытого» или «косвенного» закрепления. Они не названы в отдельной статье, но выводятся из совокупности норм, рассредоточенных по тексту кодекса. Это не недостаток законодательной техники, как может показаться на первый взгляд, а особенность построения системы: некоторые принципы настолько фундаментальны, что проявляются во многих нормах, и их выделение в отдельную статью было бы искусственным упрощением.

Применительно к административному судопроизводству к таковым можно отнести:

- принцип осуществления правосудия только судом (вытекает из статей 1, 17 КАС РФ). Только суд вправе отправлять правосудие по административным делам, никакие иные органы не могут подменять его в этой функции. Это важнейшая гарантия от административного произвола;
- принцип диспозитивности, выражающийся в свободе распоряжения процессуальными правами (статьи 4, 46, 157 КАС РФ). Стороны сами решают, вступать ли им в процесс, заявлять ли ходатайства, обжаловать ли решения, заключать ли соглашения о примирении. Без этого принципа процесс превратился бы в механистическое движение по заранее предписанному пути;
- принцип процессуальной (судебной) истины, обязывающий суд не ограничиваться представленными доказательствами, а принимать меры к установлению фактических обстоятельств в их полном объеме (часть 2 статьи 14, статья 63 КАС РФ). Суд не может оставаться пассивным наблюдателем, если представленных доказательств недостаточно для вынесения законного решения. Особенно это важно в делах, затрагивающих публичные интересы;
- принцип непрерывности судебного разбирательства, хотя и не названный прямо, но вытекающий из логики построения судебного заседания;
- принцип процессуальной экономии, проявляющийся в ряде норм, направленных на предотвращение затягивания процесса.

Способ закрепления — прямой или косвенный — не умаляет значимости того или иного принципа. Но он демонстрирует сложность и многослойность системы. Наличие косвенных принципов свидетельствует об открытости системы, ее способности к развитию и адаптации к меняющимся условиям правоприменения. Более того, как показывает практика, некоторые принципы со временем могут переходить из разряда косвенных в разряд прямо закрепленных — это нормальный процесс эволюции процессуального законодательства. В теории права принято классифицировать принципы по объекту регулирования на две большие группы. Эта классификация давно утвердилась в науке и признана большинством исследователей, хотя отдельные авторы предлагают и более дробные деления.

Первая группа — организационно-функциональные (судоустройственные) принципы. Они определяют механизм организации судебной системы и статус судей. Речь идет о том, как устроен суд, на каких началах он функционирует, каков статус людей, отправляющих правосудие. К этой группе относятся независимость судей, гласность судебного разбирательства, равенство всех перед законом и судом, государственный язык судопроизводства. Эти принципы создают условия для нормального функционирования судебной власти.

Вторая группа — функциональные (судопроизводственные) принципы. Они регулируют непосредственно процессуальную деятельность суда и участников процесса. Это правила, по которым идет разбирательство: как стороны состязаются, как распределяется бремя доказывания, в какие сроки рассматриваются дела. Сюда включают состязательность и равноправие сторон, законность, непосредственность, разумный срок судопроизводства, диспозитивность.

Данная классификация имеет не только теоретическое, но и вполне практическое значение. Она позволяет правильно квалифицировать природу нарушений процессуального закона. Если нарушен организационный принцип (скажем, дело рассмотрено судьей, который не должен был участвовать в процессе из-за сомнений в беспристрастности), это одна ситуация. Если нарушен функциональный принцип (например, стороне не дали возможности представить доказательства), это другая ситуация. Соответственно, разными будут и способы защиты, и правовые последствия. Более того, классификация помогает судам вышестоящих инстанций систематизировать основания для отмены решений. Некоторые исследователи предлагают также выделять принципы, определяющие положение личности в процессе, принципы, связанные с доказыванием, и т.д. Однако представляется, что классическое деление на две группы в полной мере охватывает все многообразие процессуальных начал и сохраняет свое значение для доктрины и практики.

Специфика принципов административного судопроизводства и проблема «активной роли суда». Наиболее дискуссионным в науке остается вопрос о специфике принципов именно административного судопроизводства, их отличии от принципов гражданского процесса. Эта дискуссия ведется с момента принятия КАС РФ и не утихает до сих пор, периодически обостряясь в связи с теми или иными изменениями законодательства или появлением новых научных работ. Т.В. Соловьева, например, полагает, что самостоятельных, кардинально отличных принципов у административного судопроизводства не существует. По ее мнению, закрепление отдельного перечня в КАС РФ носит во многом технико-юридический характер. Действительно, если посмотреть на формулировки, все принципы, перечисленные в статье 6 КАС РФ, знакомы и гражданскому процессу. Те же слова, те же понятия. Возникает резонный вопрос: а есть ли вообще необходимость в отдельном процессуальном кодексе, если принципы одни и те же? Однако содержательное наполнение этих принципов в административном судопроизводстве имеет глубокую специфику. И эта специфика обусловлена предметом судебной деятельности. Административные суды рассматривают споры из публичных правоотношений, которые основаны на властном подчинении одной стороны другой. Это принципиально меняет всю картину процесса, даже если терминологически принципы описаны одинаково. В

гражданском процессе стороны формально и фактически равны. Истец и ответчик — это два субъекта, находящиеся в горизонтальных отношениях. Даже если один богаче или сильнее в экономическом смысле, процессуально они равны. Судья выступает в роли арбитра, наблюдающего за соблюдением правил игры. В административном процессе ситуация принципиально иная. Ключевым маркером специфики выступает принцип, сформулированный в пункте 7 статьи 6 КАС РФ: «состязательность и равноправие сторон при активной роли суда». Именно здесь, как представляется, проходит водораздел между административным и гражданским процессом. Именно эта формулировка придает всей системе принципов иное качество, иное звучание, иную направленность. В административном процессе изначально присутствует фактическое неравенство сторон. Это неравенство имеет объективную природу и не может быть устранено простым декларированием равенства. На одной стороне — властный субъект: орган государственной власти, должностное лицо, обладающее административным ресурсом, штатом профессиональных юристов, опытом участия в судебных процессах, доступом к информации и документам. На другой стороне — гражданин или организация, часто не имеющие специальной юридической подготовки, ограниченные в возможностях сбора доказательств и, что немаловажно, испытывающие психологическое давление от самого факта противостояния с государством. Как справедливо отмечается в комментариях к КАС РФ, в такой ситуации уповать на формальное равенство было бы наивно. Оно существует только на бумаге, но не в жизни. И если суд останется пассивным наблюдателем, как в гражданском процессе, справедливого разрешения спора можно не ждать. Более сильная сторона неизбежно получит преимущество. В гражданском процессе суд выступает преимущественно как арбитр. Он сохраняет нейтралитет, реагирует на инициативу сторон, но сам в процесс не вмешивается. Стороны состязаются, а суд наблюдает и оценивает. В административном судопроизводстве такой подход неприемлем. Здесь на суд возложена обязанность активно содействовать реализации прав сторон, особенно той, которая находится в «слабой» позиции. Это принципиальный момент, отличающий административный процесс от гражданского.

Активная роль суда проявляется в ряде процессуальных механизмов, закрепленных КАС РФ. Причем важно отметить, что эти механизмы не просто перечислены в кодексе, но и активно применяются на практике, формируя устойчивые правовые позиции:

- право суда истребовать доказательства по своей инициативе (часть 2 статьи 63 КАС РФ). Если сторона не может получить документ, суд может запросить его самостоятельно, выдав соответствующий запрос. При этом отказ в удовлетворении такого ходатайства должен быть мотивирован;
- право выйти за пределы заявленных требований в случаях, предусмотренных законом (часть 3 статьи 62 КАС РФ). Суд может признать незаконным не только то, что непосредственно оспаривается, но и связанные с этим действия или решения, если это необходимо для защиты прав заявителя;
- обязанность проверять законность оспариваемых актов в полном объеме, не будучи связанным доводами жалобы (часть 8 статьи 226 КАС РФ). Суд не ограничен тем, что указал заявитель, он обязан проверить акт целиком. Это важнейшая гарантия от попыток власти «отделаться» признанием незаконности только явных нарушений;
- право по собственной инициативе производить замену ненадлежащего ответчика. Это важно, поскольку гражданин не всегда точно знает, какой именно орган или должностное лицо отвечает за нарушение его прав. В административных лабиринтах немудрено заблудиться;
- возможность истребования доказательств из открытых источников, в том числе с использованием общедоступных информационных ресурсов. В эпоху цифровизации это приобретает особое значение;

Все эти механизмы работают на одну цель — компенсировать фактическое неравенство сторон, создать условия для справедливого разбирательства. Суд не подменяет собой сторону, не становится на чью-либо сторону в смысле пристрастности, но он выравнивает процессуальные возможности, устраняет дисбаланс, объективно существующий в публичных правоотношениях.

Как справедливо отмечает В.В. Ярков, активная роль суда в административном судопроизводстве не означает отступления от принципа состязательности. Речь идет о способе его корректировки, обеспечивающем необходимый баланс публичных и частных интересов. Состязательность сохраняется, но она приобретает иное качество: стороны состязаются, а суд помогает слабейшей стороне реализовать свои процессуальные возможности. Это не нарушение нейтралитета, а способ обеспечения подлинного, а не формального равноправия. Ю.Н. Старилов в своих работах неоднократно подчеркивал: задачи административного судопроизводства по защите нарушенных прав граждан в сфере публичного управления определяют особенности процессуальной формы. Речь идет об усилении судебного контроля за публичной администрацией, о создании механизмов, позволяющих человеку эффективно противостоять возможному произволу чиновников. Суд не может оставаться пассивным наблюдателем, когда речь идет о законности действий власти. Принцип активной роли суда — это та качественная характеристика, которая придает всей системе принципов административного судопроизводства уникальное звучание. Именно он превращает формальный набор правил в живой механизм защиты прав человека, работающий в условиях объективного неравенства сторон. Вместе с тем нельзя не отметить определенные проблемы законодательной техники. Статья 14 КАС РФ, которая должна раскрывать содержание данного принципа, никак его не характеризует и даже в названии не содержит отсылки к «активной роли суда». Это вызывает справедливую критику в научной литературе. Содержание принципа приходится выводить из иных положений Кодекса, что не способствует прозрачности правового регулирования и создает трудности для правоприменителя, особенно для судей, не имеющих достаточного опыта работы с административными делами. А.В. Орлов обращает внимание на то, что активная роль суда в современном административном судопроизводстве нуждается в более четкой законодательной регламентации. Пределы активности, формы ее проявления, гарантии от злоупотреблений — все эти вопросы требуют дополнительного осмысления и, возможно, законодательных уточнений. Где заканчивается помощь слабой стороне и начинается нарушение принципа независимости и беспристрастности? Как обеспечить баланс между активностью и нейтралитетом? Ответы на эти вопросы пока не найдены. Не менее важна и проблема ресурсного обеспечения. Активная роль суда требует от судей дополнительных временных и интеллектуальных затрат, что в условиях высокой нагрузки не всегда реализуемо на практике.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение для понимания природы административного судопроизводства и направлений его совершенствования. Принципы административного судопроизводства представляют собой не разрозненный набор идей, а единую, внутренне согласованную и иерархически выстроенную систему. В ее основе лежит принцип законности, а системообразующим фактором выступает цель административного судопроизводства — защита нарушенных прав и законных интересов граждан в их отношениях с публичной властью. Все принципы работают на достижение этой цели, каждый выполняет свою функцию, но в конечном счете они действуют как единый механизм, где сбой одного элемента неизбежно сказывается на работе других. Система принципов не является статичной, застывшей конструкцией. Под влиянием правоприменительной практики и доктринального осмысления происходит уточнение содержания таких начал, как разумный срок, справедливость, активная роль суда. То, что десять лет назад казалось очевидным, сегодня может переосмысливаться. Судебная практика вносит свои коррективы, выявляет новые грани, заставляет по-новому взглянуть на, казалось бы, устоявшиеся

понятия. Особенно заметна эта динамика в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, которые дают толкование принципов применительно к конкретным категориям дел. Нарушение любого из элементов этой системы неизбежно влечет деформацию других. Это свойство любой системы: если один элемент выпадает или ослабевает, нагрузка перераспределяется на остальные, что может привести к их искажению. Поэтому так важно соблюдать принципы в их совокупности, не допуская нарушений ни одного из них.

Практика вышестоящих судебных инстанций последовательно проводит эту линию, отменяя решения, принятые с нарушением фундаментальных начал судопроизводства. Несмотря на текстуальное сходство с принципами иных видов судопроизводства, принципы административного процесса обладают выраженной спецификой. Эта специфика обусловлена публично-правовой природой рассматриваемых споров и необходимостью компенсировать фактическое неравенство сторон. То, что в гражданском процессе было бы нарушением нейтралитета суда, в административном процессе становится необходимой гарантией справедливости. Это важнейший методологический вывод, который должен учитываться и законодателем, и правоприменителем.

Главное предназначение этих принципов — обеспечение эффективной судебной защиты граждан от возможного произвола публичной власти, укрепление режима законности в государственном управлении. Административное судопроизводство существует не ради самого процесса, не ради абстрактного торжества процессуальной формы, а ради защиты человека от неправомерных действий государства. И принципы должны работать на эту защиту, обеспечивая реальную, а не декларативную возможность отстоять свои права.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ: (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
2. Белецкая А.О. (2025). Принципы административного судопроизводства: основные положения и применение. Вестник науки, 3 (3 (84)), 101-111.
3. Боннер А. Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом / А. Т. Боннер // Закон. – 2016. – № 7. – С. 24–51.
4. Власенко В.А. (2024). К вопросу о возможности истребования доказательств от «частных лиц» в административном судопроизводстве. Право и управление, (8), 327-330.
5. Гречкина О.В. Некоторые размышления об административном судопроизводстве в современном праве / О.В. Гречкина, А.Т. Степанов // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 43–49.
6. Каплунов А. И. Современные подходы к пониманию административного процесса как результат и основа развития отечественного административно-процессуального законодательства // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 3. С. 261–276.
7. Опалев, Р. О. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: пять лет в действии / Р. О. Опалев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 12. – С. 43-46. – DOI 10.18572/1812-383X-2020-12-43-46. – EDN DYJBQX.
8. Плигин В.Н. Принципы административной ответственности: актуальные проблемы // NB: Административное право и практика администрирования. 2024. № 4. С. 63-76. DOI: 10.7256/2306-9945.2024.4.72538 EDN: SFHDUG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72538

9. Севрюгин, В. Е. О современном понимании и сущности административного процесса как юридической категории / В. Е. Севрюгин // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. — С. 204–211.

10. Соловьева Т. В. К вопросу о самостоятельности принципов административного судопроизводства / Т. В. Соловьева // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 3. — С. 34–39.

11. Спицин И. Н. Принцип объективной истины в современном цивилистическом процессе: к вопросу о научной состоятельности идеи // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 1. С. 42–53. DOI: 10.34076/2410-2709-2025-145-1-42-53.

12. Старилов Ю. Н. Задачи административного судопроизводства: предназначение и правовое содержание / Ю. Н. Старилов // Российская юстиция. — 2025. — № 6. — С. 8–15.

13. Томчик С. Ю. Законодательное регулирование принципов административного судопроизводства / С. Ю. Томчик // Российский юридический журнал. — 2016. — Т. 3, № 2. — С. 140–143.

14. Томчик С. Ю. Реализация принципов административного судопроизводства в практике Верховного Суда РФ / С. Ю. Томчик // Административное право и процесс. — 2025. — № 2. — С. 56–60.

15. Штыкова, Е. В. Создание и принятие кодекса об административном судопроизводстве / Е. В. Штыкова. — 2023. — № 23 (470). — С. 411–413.

16. Ярков В. В. Активная роль суда в административном судопроизводстве: пределы и гарантии / В. В. Ярков // Закон. — 2024. — № 3. — С. 45–52.

17. Ярков В. В. Принципы административного судопроизводства: общее и особенное / В. В. Ярков // Вестник гражданского процесса. — 2023. — № 6. — С. 32–45.